

А
А81

РУССКИЕ И МИРОВЫЕ
К Л А С С И К И

АРИСТОФАН

ТЕАТР

1 9 2 7

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Антология Китайской Лирики VII—IX вв. по Р. Хр. Перевод в стихах Ю. К. Щуцкого, ред., вводные сообщения и предисл. В. М. Алексеева. Стр. 143. Ц. 40 к.
- Байрон. — Дон-Жуан. Ч. I. Перевод П. А. Козлова. Стр. 246. Ц. 1 р.
- Байрон. — Дон-Жуан. Ч. II. Перевод П. А. Козлова. Вступит. статья А. А. Смирнова. Стр. 313. Ц. 1 р.
- Байрон. — Драмы. Перевод И. Бунина, Н. Брянского и А. Смирнова. Стр. 347. Ц. 1 р.
- Бальзак, О. — Крестьяне. Перевод Н. Н. Предисл. Ф. Д. Батюшкова. Стр. 374. Ц. 50 к.
- Бальзак, О. — Шагреновая кожа. Перевод Б. Грифцова. Под ред. и с предисл. М. Шагинян. Стр. 231. Ц. 1 р.
- Бюхнер, Г. — Смерть Дантона. Войчек. Перевод М. Рыжкиной. Ред. К. Федина. Вступит. статья А. К. Джигелегова. Стр. 100. Ц. 75 к.
- Верхарн, Э. — Поэмы. Перевод В. Брюсова. 4-е изд., исправл. и дополн. Стр. 126. Ц. 45 к.
- Волшебный мертвец. Сборник монголо-ойратских сказок. Перевод, вступит. статья и прим. Б. Я. Владимирцева. Стр. 118. Ц. 60 к.
- Гейне, Г. — Путевые картины. Ч. I—II. Перевод В. Зоргенфрея. Мемуары. Перевод П. Вейнберга. Под ред. и с предисл. А. Блока. Стр. 264. Ц. 50 к.
- Гейне, Г. — Путевые картины. Ч. III и IV. Перевод В. Зоргенфрея, с предисл. К. Книпович. Стр. 326. Ц. 50 к.
- Гете, В. — Страдания юного Вертера. Перевод И. Мандельштама. Ред. и предисл. А. Горнфельда. Стр. 132. Ц. 30 к.
- Гете, В. — Фауст. Ч. I. Перевод Н. А. Холодковского. Под ред. М. А. Лозинского. Стр. 317. Ц. 70 к.
- Гете, В. — Фауст. Ч. II. Перевод Н. А. Холодковского. Стр. 343. Ц. 1 р. 15 к.
- Гольдони, К. — Комедии. Т. I. Перевод И. и А. Амфитеатровых. Предисл. и примеч. А. Амфитеатрова. Стр. 321. Ц. 60 к.
- Гольдони, К. — Комедии. Т. II. Перевод И. и А. Амфитеатровых. Примеч. А. Амфитеатрова. Стр. 183. Ц. 45 к.
- Гольст, Г. — Лирические драмы. Перевод В. Рейтц. Стр. 287. Ц. 30 к.
- Гофман, Эрнст Теодор Амадей. — Фантастические пьесы в манере Калло. Ч. I. Перевод П. О. Морозова. Под ред. с предисл. и примеч. Е. М. Браудо. Стр. 208. Ц. 1 р.
- Гоцци, К. — Сказки для театра. Т. I. Перевод Я. и Р. Блох и М. Лозинского. Вступит. статья и примеч. Я. Н. Блоха. Стр. 292. Ц. 1 р. 20 к.
- Гоцци, К. — Сказки для театра. Т. II. Перевод Я. Н. Блоха, М. Лозинского и М. А. Осоргина. Стр. 295. Ц. 1 р. 20 к.
- Диккенс, Ч. — Колокола. Перевод М. А. Шишмаревой. Под ред. и с предисл. К. Чуковского. Стр. 156. Ц. 15 к.
- Диккенс, Ч. — Повесть о двух городах. Перевод Е. Бекетовой. Вступит. статья К. Чуковского. Стр. 461. Ц. 75 к.
- Золя, Э. — Западня. Перевод М. Энгельгардт. Под ред. М. Левберг. Стр. 322. Ц. 65 к.
- Золя, Э. — Труд. Перевод О. Н. Поповой. Под ред. Э. Ухтомской. Стр. 435. Ц. 1 р. 50 к.
- Ибн-Туфейль. — Роман о Хайе, сыне Якзана. Перевод И. Кузьмина. Ред. И. Ю. Крачковского. Стр. 108. Ц. 20 к.
- Иса Монгатари. — Лирическая повесть древней Японии. Перевод и примеч. Н. Конрад. Стр. 168. Ц. 90 к.

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата

774

А (ГРЧЧ)
А-81

A

РУССКИЕ И МИРОВЫЕ КЛАССИКИ
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. В. ЛУНАЧАРСКОГО И Н. К. ПИКСАНОВА

АРИСТОФАН

стик

ТЕАТР

„ОБЛАКА“ — „ОСЫ“ — „ПТИЦЫ“

№ 27915
ноб

ПЕРЕВОД, ВВЕДЕНИЕ И КОММЕНТАРИИ
АДРИА...

СТАЛИНГРАДСКАЯ
Областная библиотека
им. Горького

И. М. Горького
Областная библиотека
им. Горького

Областная библиотека
им. М. Горького
Сектор редкой книги
410069. Волгоград. Мира. 18

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

ертера. Перевол И

Гиз № 17537/л.
Ленинградский Гублит № 35694.
19 л. Тираж 2.000.

ТЕАТР АРИСТОФАНА

1.

В книге этой перед советским читателем является поэт, едва ли не наиболее блестящий из творцов мировой комедии, и, вместе с тем, создатель театра, пусть очень своеобразного, пусть далеко от нас отошедшего, но носящего столь разительные черты подлинного народного искусства, что право его на наше внимание неоспоримо.

Следы исконного рождения театра из общенародной игры, из календарной, праздничной обрядности сохранились в искусстве многих народов и стран, но лишь как бессильные пережитки, подавленные и заглушенные последующим победоносным вторжением профессионального театрального мастерства и ежедневного будничного спектакля. Если отбросить театральные системы старинного и современного востока, все еще остающиеся загадочными, то лишь древнегреческая культура дает пример действительного и широкого расцвета обрядовых, праздничных форм театра. Как известно, мы имеем здесь дело с двумя ответвлениями праздничной драмы, с „трагедией“ и „комедией“. Но если древнегреческая трагедия, представленная славными именами Эсхила, Софокла, Еврипида,¹ может, пожалуй, почитаться знакомой современному читателю, то древнегреческая комедия, в той стариннейшей, обрядовой ее части, которая

¹ Трагедии Софокла полностью переведены размером подлинника Ф. Ф. Зелинским (изд. Сабашниковых). В том же издании вышли первые три тома трагедии Еврипида (перевод И. Ф. Анненского). Трагедия Эсхила „Прометей“, в переводе С. М. Соловьева, издается ГИЗ'ом. О переводах комедий Аристофана см. ниже, стр. 302.

представлена Аристофаном, продолжает оставаться почти неведомой. Лишь исследования последних десятилетий, а порою и последних лет начали раскрывать подлинные пути и истоки этого своеобразнейшего искусства. Но многое и до сих пор еще остается неясным.

2.

Весенний праздник греческих земледельцев, виноделов и пахарей, буйная и пьяная сельская гулянка — фаллический „комос“, — вот откуда, по надежному свидетельству отца древней учености Аристотеля, пошла „комедия“. „Комедия родилась из фаллических песен, — говорит он, — и поныне распеваемых во многих городах“.

Подобные земледельческие празднества были широко распространены и на берегах Средиземного моря, и на Востоке, и среди народов новой Европы. Они меняли, в зависимости от господствующей официальной религии, наименование свое и внешние формы, но оставались верными своей основе. То были дни, пусть кратковременного, пусть быстротечного, но высвобождения празднующих масс, земледельцев, чернорабочих, ремесленников, из-под постылого гнета ежедневного труда, из-под власти тягостных социальных отношений, из-под бремени забот, долгов, будничной суеты, то были „дни свободы“, „дни карнавала“. Именно под таким названием ничтожные пережитки могучих некогда празднеств дошли до современной цивилизации. В корне же их всюду лежал культ божества возрождающейся природы, божества плодородия, в образе Диониса, Адониса, Ра, почитавшегося в Греции, в Передней Азии, в Египте.

Жертвоприношения, первоначально, вероятно, человеческие, маскированные процессии с символом бога, необузданное праздничное обжорство и пьянство, столь же необузданный разгул, веселая, дерзкая, шутовская игра маскированной молодежи — вот содержание торжеств; мысль о преодолении бытовой повседневности некая фантастическая перевернутость общественных и природных отношений, перевернутость, где бедняки становятся на место богатых, „птицы“ и „звери“ — на

место „людей“, молодежь — на место стариков, женщины — на место мужчин, представления такого рода лежали в основе и празднеств в целом и маскарадной театральной игры, их венчавшей; они одинаково определяют собою и широко любимую в феодальной Англии весеннюю игру в „майского короля“, и старославянские игры, и египетские мистерии „хмут“, и, наконец, вот эти греческие „игры Диониса“.

Но в то время, как и английские и славянские народные карнавальные празднества скоро поблекли в непосильной борьбе со знатью и церковью, рядом крутых и жестоких мер, стремившихся запечатать этот вечно бьющий родник огромной протестующей энергии и буйного своеволия, — „Дионисовым играм“, греческому сельскому „комосу“ было дано в ходе истории вырасти в великолепную театральную систему. Это стало возможным благодаря особенностям греческой религии, никогда не принимавшей жесткие церковные формы, и, главным образом, потому, что греческому крестьянству, творцу и носителю „комоса“, удалось, в союзе с торговцами и ремесленниками городов, не только освободиться из-под власти земельной аристократии, но и построить свою культуру, культуру городов-деревень, первым и славнейшим среди которых стали Афины. Случилось это к концу VI века до нашей эры, и вот уже к началу V века в общественный быт Афин, в их государственный календарь крепко вошли и получили официальное признание исконные сельские празднества Диониса, древний „комос“. Как кажется, карнавал-комос был сперва обязательной ритуальной частью лишь малых „Ленейских“ празднеств, но в короткий срок любовь народа перенесла его веселую обрядность и на соседние торжества весенних „Великих Дионисий“. Мы мало осведомлены о праздничных процессиях, с символом бога — фаллом, разгуливавших в эти дни по улицам и дорогам, о выкатываемых на площади бочках с вином, о жертвоприношениях, попойках взапуски, ночных хоровах с факелами и под звон бубнов, о насмешливо-веселых праздничных песнях в честь Диониса. Но связная цепь документов — „дидаскалий“ — позволяет восстановить порядок заключительной части празднеств. В большом театре

Диониса на склоне Акрополя и в загородном театре „Диониса на болоте“ выступали в этот день три комических маскированных хора, исполняя произведения трех комических поэтов. Трое „хороустроителей“ — хорэгов, из числа зажиточных граждан, брали на себя иждивение участников зрелища. Судьи, избираемые из зрителей, присуждали награды победившему хору и поэту, заносся итоги состязаний в „дидаскалии“, нам частично сохранные (см. стр. 31, 105, 181). В такие упорядоченные формы вылились под организующей рукой государства необузданные игры ряженых древнего комоса. Очевидно, им надо было пройти для этого сложный путь: в „комос“-карнавал вошло и тесно переплелось с ним сложно разработанное мастерство балаганных актеров — „мимов“, его вольные потехи обузда традиционная архитектура официального театра, он испытал сильнейшее воздействие соседних искусств, литературы, музыки, орхестики, он изменял, наконец, свою окраску и содержание в зависимости от меняющихся социальных и политических условий.

Древне-аттическая комедия (так условно называется этот театральный жанр) является, таким образом, достаточно сложным видом искусства. От первых, от начальных лет его развития нам не сохранилось ничего, кроме случайных цитат в сочинениях позднейших критиков, да нескольких имен. Судить о древне-аттической комедии можно поэтому лишь по твореньям Аристофана, из сорока с лишним комедий которого до нас дошло одиннадцать. Немного, конечно, но при этом следует помнить вот о чем. Благодаря особенностям греческой культурной жизни, каждый художник, художник театра в первую очередь, был связан четким и устойчивым традиционным канон-образцом. Выступая ежегодно с двумя новыми комедиями, притом комедиями-однодневками, в огромном большинстве случаев не доживавшими до второго представления, комический поэт не гнался за новизной, во что бы то ни стало. Он охотно сохранял установленную предшественниками композицию, он охотно и часто воспроизводил снова и снова одни и те же однажды понравившиеся мотивы и положения, стараясь лишь блеснуть свежестью злободневной темы и язвительностью внезапных острот. Вот почему

мы имеем право по сохранным комедиям Аристофана, в особенности, по циклу ранних его комедий, судить о карнавальном театре V века в его целом.¹

3.

Обрядовый, праздничный момент остается основным в комедиях Аристофана. Они рассчитаны не на каждодневную будничную „постановку“, а на однократное исполнение в день праздника. Они как бы вобрали в себя, художественно преобразив, все обрядово-бытовые элементы празднества. Главные исполнители их—любители-граждане, „ряженные“, маскированный хор. В отличие от единого хора трагедии, в комедии „ряженные“ разделены на два полухория. И эта „антифонность“ бесспорно восходит к обрядовой игре, к исконному столкновению двух праздничных, сшибающихся на улице, веселых и загулявших толп, столкновению, сохранившемуся и во многих славянских и нынешних детских играх. „А мы просо сеяли, сеяли“, „а мы просо вытопчем, вытопчем“,— по такой же, примерно, схеме строились взаимоотношения полухорий в древне-аттической комедии, по схеме столкновения, борьбы. Борьба „весны“ с „зимою“, „юности“ со „старостью“, „нищеты“ с „богатством“ была основной и исконной темой праздничного карнавала. Позднее темы эти легко и естественно приобрели социальную, политическую окраску. Само собой разумеется, что и эта политическая окраска при общей всепроницающей установке карнавала на фантастику, на сказочную перевернутость вещей и отношений, носила довольно-таки причудливый характер. Все же сцена столкновения, спора, „агон“ была и оставалась композиционным центром Аристофановой комедии, ее истинным смысловым зерном. То это „спор“ старого и молодого поколения (комедия „Осы“), то столкно-

¹ Начало современного понимания древне-аттической комедии положил Ф. Ф. Зелинский в книге „Die Gliederung der altattischen Komödie“, 1885. (Популярное изложение в статье „Происхождение комедии“ — „Из жизни идей“, т. I.) Те же взгляды развиты М а s o n'ом в книге „Essai sur la composition des comedies d'Aristophane“, 1904. Обрядовые корни комедии вскрывает C o r n f o r d—„The origins of attic comedy“, 1914, и С. Лурье.

венье различных принципов народного воспитания („Облака“), то борьба мужчин и женщин („Лисистрата“). Столкновение то носит характер серьезно-делового спора, то разгорается в оживленную, стремительную сцену свалки-побоища.

Но ритуальные пережитки комоса в Аристофановой комедии далеко не исчерпываются „агоном“. Недаром „комос“ — праздник свободы, праздник победы над бытом, над будничной закономерностью. Все ставится здесь вверх ногами, последние становятся первыми, женщины — господами, а мужчины — слугами, („Законодательницы“ — „Экклезиазусы“), птицы — богами, а боже-ства — ничем („Птицы“), старики — мальчишками и дети — воспитателями („Осы“ и „Облака“). Вот этот пере-ворот, этот сдвиг привычных отношений и есть то, что в первую очередь придает наивному карнавалу могучую силу жизнерадостности, пафос победы над буднями, легкость и блеск. Этот сдвиг нагляднейшим образом отражен уже в самой фантастически-сказочной костюмировке хора, обращающей людей в „птиц“, „ос“ и „облака“, он насквозь пронизывает все песни и дей-ствия хора. Та часть комедии, где он проявляется с величайшей определенностью и силой, уже в древней критике получила наименование „парабазы“. Парабаза с необходимостью входит в каждую комедию Аристо-фана. Она целиком принадлежит ряженым, хору. Здесь хор выступает с песнями и „речами“, прославляющими его сказочную природу; с величайшим разнообразием здесь варьируется на разные лады основной мотив „сдвига“, „перестановки“. Парабаза — это фантастиче-ский узел комедии. Сюда же почти всегда присоеди-няется быстро ставшее традиционным „обращенье“ поэта к зрителям, т. н. „анапесты“. Поэт, или от имени его пред-водитель хора, просит собравшихся о снисхождении, или превозносит свои заслуги и доблести, или старается очер-нить своих литературных противников и соперников по ремеслу. Для нас эти „анапесты“ — драгоценнейший и древ-нейший материал по истории Аристофановой комедии.

Ритуальное „жертвоприношение“ и связанные с ним обжорная дионисиева „пирушка“ и разгульная „попойка“ также вошли в комедию, как обязательная часть. Для со-

временного читателя эта условность покажется, пожалуй, наиболее трудно объяснимой. Но нужно помнить об огромном некогда и совершенно реальном жизненном значении этого „гомерического“ праздничного чревоугодия, разговенья, следовавшего за длительным постом, чтобы оценить по достоинству тщательно развертываемые Аристофаном сцены жертвоприношения, обычно прерываемого непрошенными гостями — шутами, чтобы оценить и почувствовать любовно перечисляемые поэтом жаркие и меха с вином, уничтожаемые и опоражниваемые исполнителями. Что в последнем случае мы имеем дело с подлинной, хотя и пережиточной реальностью, что „пирушка“ в комедии была не простой условностью, — доказывают постоянные насмешки поэта над скупостью хорэга и над никчемностью выставленного им, согласно древнему обычаю, праздничного угощения актеров и хора. (См. главным образом „Птицы“, стих 890 и сл., где тощий козленок служит поводом для неисчерпаемых острот и театральных шуток.) В конце же концов и это ритуальное обжорство не более условно, чем традиционные в новой комедии „свадьбы под занавес“.

Впрочем, и свадьба — мотив, заимствованный новым театром из старинной обрядовой игры. Там он естественно вытекал из общего духа сексуальной вольности, вместе с рядом других вольностей, обязательной для карнавала. Дух полового своеволия, дерзко и заносчиво расторгающего привычные бытовые рамки, проходит сквозь комедию в целом, придавая ей порою налет некой беззастенчивости и грубоватости. Было бы, однако, величайшим заблуждением усматривать в освященной традицией бесцеремонности веселящихся виноградарей и земледельцев порнографическое смакование непристойностей. Его нет в творчестве Аристофана. Эротическая линия комедии находит завершение в заключительной сцене „свадьбы“, сцене, прямым путем восходящей к обряду „священной свадьбы“ Диониса с „царицей праздника“. Торжественный ритуальный тон иногда выдерживается здесь Аристофаном. Лучшим примером может служить завершительное брачное шествие Пифетера и Василии в финале „Птиц“. Но чаще поэт причудливо искажает завещанный традицией мотив и забавляет себя и зри-

телей резко буффонной, шутовской любовной сценой, в роде того, например, эпизода в „Осах“, где подвыпивший старик Клеонослав заплетающимся языком любезничает с податливой танцовщицей, ведя с ней непринужденно-двусмысленный диалог.

Одновременно с сексуальным моментом, находит развязку и мотив „сдвига“, мотив опрокинутых отношений. Комедия завершается сценой выбора или провозглашения „нового владыки“, „нового царя“. Это бесспорно древнейшая и важнейшая ритуальная часть карнавального зрелища. Борьба „весны и зимы“, упомянутый уже „переворот“ в природе и социальном мире, — все это венчается и достигает вершины вот в этой церемонии, одинаково распространенной и в греческих „играх Диониса“ и в торжествах вавилонских, римских и новоевропейских. Галантные выборы „майских королев“ на современных мещанских праздниках — вот последние, жалкие и нелепо искаженные следы глубоко серьезного некогда и значительного обряда. Аристофан порою сохраняет торжественно приподнятый характер церемонии. Именно так окрашивает он провозглашение „новым Зевсом“, „победителем богов“ — Пифетера в упомянутых уже „Птицах“, но зато уж совсем по-дурашливому развивается тот же мотив в „Ахарнянах“, где герой, Дикеополь, первым опорожнивший ковш с вином, избирается „царем попойки“, или в „Осах“. В роли „нового Зевса“ выступает здесь все тот же пьянчужка Клеонослав, разбушевавшийся и рассказавшийся во-всю. И, наконец, шумным, маскарадным, богатым песнями и плясками, уходом под огни ритуальных факелов кончается „комос“, а с ним и весь спектакль.

Таков ритуальный остов комедии Аристофана, целиком совпадающий с общей обрядностью Дионисиевых празднеств. Его составляют таким образом, следуя один за другим: появление хора — „парод“, спор — „агон“, обращение — „парабаза“, сцены „жертвоприношения“, „пирушки-попойки“, „свадьбы“, „избранье нового царя“ и заключительный факельный „комос“. Хор играет во всех этих сценах преобладающую роль, двойной хор из костюмированных граждан, в составе 24 хоревтов (в отличие от 12 — 15 человек в едином хоре трагедии). Деление на

полухория определило собою всю композиционную схему карнавальной комедии. Опять-таки в отличие от трагедии, слагавшейся из последовательной цепи „эписодиев“ и песен хора, комедия целиком строится на симметрии, на параллелизме. Она состоит из нанизывающихся „чет“, каждая из которых в свою очередь составляется из четверки: из песни одного полухория — „оды“, „эпирремы“ — речи предводителя полухория или соответствующего актера, „антоды“ — „противопесни“ второго полухория, „антэпирремы“ — „противоречи“ второго исполнителя. „Агон“ и „парабаза“, насквозь хорические, были чистейшими образцами симметрической композиции, но тот же „эпиррематиический“ принцип, осуществляемый хотя бы в виде смыслового параллелизма, действителен и для прочих частей комедии. Это он придает карнавальной комедии в целом характер некой карусельности, своеобразно кругового действия, глубоко отличного от стремительно поступательной интриги древней трагедии и современной драмы.

Да есть ли вообще какое-либо действие в Аристофановой комедии, может ли вообще называться театральным представленьем эта странная, так плотно связанная традицией обрядовая церемония?

Печать театральности налагает на карнавальную комедию то самое мастерство скоморохов — „мимов“, о котором уже была речь. Бродячие труппы этих искусников, акробатов, жонглеров, чревовещателей, фокусников, канатных плясунов искони кочевали и по базарам Востока и по сельским ярмаркам древней Греции, разбивая то здесь, то там свои дощатые подмости и пестро размалеванные балаганы. Их же прямые преемники тревожили своим буйным весельем благочестивый покой церковных властей на праздниках новой Европы. Очень рано эти мастера потешного ремесла вошли в тесное соприкосновение с карнавальной игрой ряженных на играх Диониса. Подробности последовательного взаимопроникновения столь казалось бы противоположных начал: ритуальной игры любителей-граждан и профессионального искусства скоморохов, — скрыты от нас; в сохранных комедиях Аристофана синтез уже полностью осуществлен.

В ритуальную „эпиррематиическую“ композицию спорящих полухорий („а мы просо сеяли“ и пр.) вводится, первоначально совершенно чуждая ей, схема балаганного спектакля, схема „Петрушки“, в которой центральная комическая фигура шута—„бомолоха“ (как он назывался в Греции) в дурашливых диалогах встречается с вереницей быстропроходящих шутовских масок. Хвастливый солдат, ученый шарлатан, болтливый лекарь, продавец мазей, оружейник, все эти извечные маски народной комедии сталкиваются с „бомолохом“, который издевается над ними и прогоняет ударами палки. Эту основную противоположность двух комических характеров, из сшибки которых рождается комизм балагана, примитивная греческая психология фиксировала, придав центральному шуту—„бомолоху“ облик „эйрона“—„иронического“ простака, и дав кличку „аладзон“—„бахвал“ разношерстой толпе его партнеров. Карнавальная игра вобрала в себя театр „бомолоха“, сделав самого „бомолоха“ одним из участников „агона“—спора и поставив его в центре последующих ритуальных сцен „жертвы“, „обжорства“, „апофеоза“. Комедия „Птицы“, где „бомолох“—Пифетер в первой части комедии выступает как оратор „агона“, а затем, в качестве приносящего жертву, отбивается от целой оравы „бахвалов“—„аладзонов“, чтобы в заключение комедии быть возведенным в „апофеозе“,—чистейший образец такой схемы. Клеонослав в „Осах“, на правах „бомолоха“ избивающий встречных и поперечных,—другой пример.

Но это лишь одна из возможностей. Иногда основной „сдвиг“ и „перевернутость отношений“ карнавальная игры забавно стасовывается с излюбленным в народной комедии всех веков „обратным ходом“, при котором осуществленные желания комического героя, в конце концов, обращаются на его же голову. Тогда Клеонослав в „Осах“ не только становится, во имя карнавальная перевернутости отношений, воспитанником собственного сына, но и, с дурашливой последовательностью следуя советам своего воспитателя, раз за разом попадает впро-сак. По такой же схеме действует Стрепсиад в „Облаках“, выслушивая от сына горькие наставления, которые сам же он ему дал в начале комедии. Или же поэт

пользуется излюбленным в народной комедии паломничеством „простака-бомолоха“ к мудрецу за советом („Птицы“, „Облака“, „Ахарняне“), широко развивая при этом комизм взаимного непонимания „простака“ и „философа“, или же выводит шутовской, пересыпанный загадками и остротами, диалог рабов-клоунов (начало „Ос“). Главная арена действия балаганных фигур — вторая половина комедии, следующая за „агоном“ и „парабазой“, но и все зрелище в целом заполняют они своей суетней, шутками, шумным вздором и палочными драками.

Из сочетания карнавальных обрядов и балаганного театра вытекают отдельные комические приемы Аристофана. Очевидно, здесь нет и речи ни о запутанной комедийной интриге, ни о сколько-нибудь сложных комических характерах или типах. Актеры Аристофана, как и его хор — в первую и последнюю очередь — орудие шутовства, балагана. Они всегда рады выйти из роли, чтобы сострить или выкинуть коленце.

Основное комическое средство — упомянутый уже „сдвиг“ и вытекающий отсюда прием „сравненья“, „уподобленья“. Это — собственность не только комедии, это — отличительная особенность греческого остроумия вообще. Недаром именно в Греции получили такое распространение „басни“ и „притчи“, основанные на комическом сравнении плохо сравнимых вещей и понятий. Игра в мудреные и неожиданные „уподобленья“ вошла глубоко в быт греческого общества, — ею забавлялись на собраниях и попойках. Хорошее описание такой потешной игры дает раб в „Осах“, рассказывая о похождениях Клеонослава на светской попойке. О том же рассказывает и писатель Ксенофонт, рисуя картину современного ему пира. И вот, комедии Аристофана, следуя примеру басен и подражая быту, полны сравнений, полны притч и метафор. Но поскольку дело идет здесь не о словесном, а о театральном искусстве, не об анекдоте, а о зрелище, постольку и „сравненья“ и „метафоры“ у Аристофана выходят за пределы слова, материализуются в вещественной форме. В первую очередь это относится к самому хору, через „материализованное сравнение“ становящемуся то „птицами“, то „осами“, то „облаками“. Сравненье развертывается. Злых судей —

„ос“, словно ос, отгоняют палками, их душат дымом и огнем. При виде „облаков“ комический герой завертывается в плащ, боясь промокнуть. Клеонослав в „Осах“, словно „птичка“, порхает из окна, как „дым“ летит из трубы; его „шугают сеткой“ и „захлопывают заслонкой“. Материализованное сравнение становится исходной точкой для фейерверка острот и каламбуров. Чего стоит в этом отношении хотя бы уподобление „женщины — факелу“ в финале „Ос“? Примеров можно привести сотни. Комедии Аристофана кишат сравнениями и притчами, то довольно плоскими, то сложными и глубокомысленными, как хотя бы „притчи-песенки“ в „Птицах“.

Так же часто пользуется поэт „каламбуром“, обычно, как и „метафора“, материализованным. „Напиток“ и „мирный договор“ выражаются по-гречески одним словом (spondai). На этом строится в комедии „Ахарняне“ целая сложная сцена. Выйдя за границы непосредственно комического стиля, Аристофан охотно и часто прибегает к пересмеиванию, к пародированию. Он пародирует обряд молитвы, пророчества, политической речи, философской проповеди; но особенно распространены и сложны пародии литературные. У Аристофана есть целые комедии („Лягушки“, „Женщины на празднике“), построенные на пародировании целых сцен из современных трагедий. Пародия на трагедию Софокла „Афамант“ прощупывается в „Облаках“, пересмеиванье его же трагедии „Терей“ несомненно в „Птицах“. Стих Аристофана то и дело перескакивает на пародию. Мы подмечаем это иногда, но тысячи намеков и литературных шуток, для нас, не знающих повода к пародии, остаются непонятными.

Все это—комические приемы карнавала. В добавление к ним, целый арсенал комических средств чисто-балаганной комедии приводит сам Аристофан в „Облаках“ и „Осах“. Защищая достоинство своих произведений, он говорит:

„Шуток здесь над лысыми нет, плясок нету кордака;
Здесь старик, стихи бормоча, палкой собеседника
Не колотит, чтобы прикрыть соль острот подмоченных.
Не кричат здесь „горе, беда!“, с факелом не бегают“.

И еще:

„Двоих рабов болтливых мы не выведем,
Орехами бросающихся в зрителей,
Геракла, обманувшегося в ужине,
И Еврипида представлять не станем вам“.

На деле же шутками этого рода полны комедии Аристофана, и к ним можно еще присоединить постоянные дерзкие нарушения театральной иллюзии (разительнейший пример в „Облаках“, стих 1090 — 1100), шутки „в сторону“, акробатические прыжки и сцены жонглирования (особенно богаты ими „Осы“), сцены переодевания, взаимного непонимания, пьяной болтовни, комической пантомимы, дурашливой скороговорки, беготни, драк.

Так же пестра и словесная ткань Аристофановых комедий. В языке их древний грамматик Квинтилиан превозносит „чистую прелесть аттической речи, величавую, изящную и пленительную“. Но этот чистый, бойкий и хлесткий говор греческого города — лишь основа языка комедии. Он обогащен тысячью сложных слагаемых. Комедия вобрала в себя и народную сказку, и бродячий анекдот, и старинную притчу, и популярное пророчество, и застольную песенку, и новейшую городскую остроту, и модную философскую теорию, и свежую сплетню. Язык ее все время щеголяет выражениями то из блатного словаря предместий и гавани, то из обихода торжественных молитв и священнослужений, тарабарскими фразами на диалектах, чудовищными словообразованиями из четырех и пяти составных частей и каламбурами, бесконечно разнообразными, рассыпающимися ослепительным фейерверком. Герои Аристофана говорят на любой зауми, „по-персидски“, „по-скифски“, „по-птичьи“, „на языке богов“, наконец! („Птицы“.)

Бесконечно разнообразна и ритмика карнавальной комедии. Диалоги ведутся здесь обычно в шестистопных ямбах, эфиремы „агона“, „парода“, „парабазы“ написаны длинными, то величаво анапестическими, то прыгающими хорейскими, то нервными ямбическими стихами. Длинные строки „эпиррем“ заканчиваются потоком коротких строчек, „пнигосом“ — „удушьем“, как его называли древние. Стих следует здесь за стихом без единой ритмической паузы, предъявляя к исполнителю сложнейшие тре-

бования речевой виртуозности. И, наконец, величайшее разнообразие мелодий и ритмов в хорах — „одах“. То это простенький колокольчик задушевной народной песенки, то задорное пересмеиванье громоздкой торжественности пиндаровских „эпиникий“, то подлинное величие патетических гимнов, то целый каскад заумных звучаний, как хотя бы знаменитая „песня удода“ в „Птицах“. Трудно, а пожалуй и невозможно поставить какие-либо произведения мирового театра рядом с комедиями Аристофана по диковинному и сложному блеску стиха и речи.¹

Многообразие корней карнавальной комедии, многослойность и сложнофактурность ее, делают богатой и сложной эмоциональную ее зарядку. Основной тон, конечно, буффонно-комический. Но ритуальные истоки комедии здесь и там сквозят в глубоко серьезных и возвышенных, порою трагически сильных оборотах и неожиданных ходах. Народная праздничность обвеваает комедию взволнованным лиризмом трогательных песен, освещает сказочным солнцем фантастики. „Птицы“ — несравненный пример такого эмоционального богатства. Аристофановская комедия одновременно и смеется, и сентиментальничает, и негодует: и в этом отношении ей нет соперников в мировом театре.

4.

Такой предстает Аристофановская комедия при чтении ее. Но будем помнить, что она ни мало не рассчитывалась на чтение, что текст ее — только голый остов бывшего богатого зрелищного насыщения.

Сценические корни комедии также двойки.² Первоначальный „комос“, вероятно, вовсе не нуждался в постоянной „площадке“ для действия, буйно и вольно разливаясь по площадям и дорогам. Но получив официальное

¹ В переводе по возможности сохранены эти особенности Аристофановской речи; во всяком случае совершенно точно всюду выдержан ритм подлинника. Ключ к ритмической композиции каждой отдельной комедии см. в комментариях.

² Об устройстве греческого театра см. статью А. Пиотровского в сборнике „Западно-Европейский театр“, изд. Academia.

признание, являясь пред многотысячной толпой общегородских празднеств, комедия вступила на почву официального каменного театра, а этой почвой была „орхестра“, круглая, окруженная восходящими ступенями для зрителя площадка, предназначенная первоначально для поющего и пляшущего хора трагедии.

На „орхестре“ должны были выступать полухорья „ряженных“ карнавальной комедии. Это еще было возможно. Но совсем не подходила ровная орхестра для игры балаганных актеров — мимов. Исконной сценой этих мимов были невысокие деревянные подмости с занавеской вдоль задней стенки, подмости, легко сколачиваемые и вновь разрушаемые по мере передвижения бродячих трупп. Подобие таких мостков, повидимому, пристраивалось к задней, отдаленной от зрителей части орхестры. Здесь же воздвигались строенные, как кажется, трехмерные, ярко размалеванные домики — обязательная декорация комедии.

Декорация не менялась в течение представления, но это ни мало не означало, что условное „место действия“ спектакля не изменялось. „Единства места“, как его понимала новая, французская, в частности, драма, не знала и греческая трагедия, тем более чуждо оно было комедии. Действие все время переносится с „орхестры“ к задней декорации, на крышу домиков, на крыльцо, снова на орхестру, и тем самым меняется условное обозначение места действия. Так действие „Птиц“, при неизменяющейся декорации, последовательно происходит „в чаще“, „во дворе“, „на площади“. Еще разительнее такое вольное обращение с „местом“ в комедии „Лягушки“ или „Ахарняне“. Стараясь разнообразить актерскую игру, поэт, кстати бывший и режиссером своих спектаклей, широко пользуется сложно расчлененной площадкой своей сцены. Он ведет действие на крыше дома, на его крыльце, в окне („Осы“), он преданно любит несложные машины современного ему театра, выводя, например, Сократа, в „Облаках“, висящим в подвесной люльке, на так называемой „экиккеле“.

Все же декорации были бледнейшей частью зрелища. Главной приманкой для глаз служили костюмы действующих лиц и бутафория.

Костюмы, сообразно двоякому корню комедии, восходили к двум образцам. Костюмировка полухорий была фантастической, ритуальной костюмировкой „ряженных“. Была она и достаточно условной. Танцоры с лошадиными масками и хвостами изображали коней (комедия „Всадники“), перья, воткнутые в головную маску, должны были обозначать „птиц“, широкие плащи — „облака“, жала, подвешенные сзади — „ос“. Аристофан обычно старается шуткой или каламбуром мотивировать скудную костюмировку своих хоров. Но и этот несложный маскарад складывался на землю после „парабазы“, и во второй части комедии хоры выступали, повидимому, в настоящем своем виде, как молодежь афинских улиц.

Иначе обстояло дело с костюмом актеров — „мимов“. Будучи профессионалами, балаганными шутами, они сохранили и в карнавальной комедии свой наряд ярмарочного клоуна. Они выходили на сцену в полосатом оранжево-зеленом и красно-желтом трико с подложенным толстым брюхом, горбом и задом, в длинных полосатых штанах, с подвешенным бутфорским фаллом, в карикатурной маске, с огромным ртом, высоким, голым лбом и приплюснутым носом. Все обличье этого коротконового, толстобрюхого чудовища было рассчитано на то, чтобы одним появлением своим вызвать веселье невзыскательного и жизнерадостного зрителя. Самый костюм актеров и хора, резко условный, игра в маске, и то, наконец, что и в женских ролях выступали мужчины, — все это делало совершенно невозможной сколько-нибудь реалистическую, бытовую манеру исполнения. Да подобная манера была бы и бесполезной при огромных размерах прислоненного к холму, вмещающего до тридцати тысяч зрителей, открытого ветрам и солнцу амфитеатра Диониса. Игровой стиль Аристофановской комедии был поэтому преувеличенным, буффонным, шутовским стилем. Практика установила здесь множество излюбленных трюков, охотно повторяемых актерами и автором.

Стиль этот нельзя назвать и чисто драматическим. Хор плясал и пел. Непременной и излюбленной частью комедии был, следующий обычно за парабазой, „кордак“ — всеобщий, буйный и разнузданный танец. Но и

каждая песнь хора сопровождалась плясовым движением, то размеренно-хороводным, то буффонным или пантомимическим. Предводители полухорий говорили певучим речитативом. Актерам тоже приходилось и петь, и плясать, и пантомимировать. Музыка бубнов и флейт сопровождала представление. Его можно было бы сравнить с современной опереттой. Его можно сблизить и с цирком, потому что от актеров требовалась поистине цирковая ловкость в движениях, лазаньи по канату, кувыркании, жонглировании.

Большая задача выпадала здесь на долю театральных вещей. Театр Аристофана любил бутафорию, преувеличенную, яркую, фантастическую. И „Облака“ и „Птицы“, и в особенности „Осы“, полны указаний на бутафорию, они преизбыточествуют веселой пестротой многоцветных диковинных игрушек, огромных горшков, мисок, сеток, корзин, палок, вертелов, зонтов, факелов, бубнов. Аристофан пользуется ими и в прямом их назначении, как вещами в руках у актеров, и еще чаще в переносном смысле, как средством для комического „сдвига“, для „материализованной метафоры“, о которой была уже речь. Зонтик, которым Прометей в „Птицах“ закрывается от отца богов Зевса, вертел и горшки, заменяющие оружие в той же комедии, гамак, в котором подвешен „парящий в сферах“ Сократ („Облака“), — все это примеры метафорического толкования бутафории.

Стиль синтетического народного спектакля — вот основное в театре Аристофана. Стиль этот, в первую очередь, обеспечивался той двойственностью ритуальных и балаганных корней, из которых выросла комедия — карнавал. Когда эта двойственность нарушилась, увял и синтетический театр Аристофана.

5.

Но каково же было содержание этого причудливого зрелища? Говоря коротко, это содержание было социально-политическим. Но здесь наталкиваешься на любопытный исторический парадокс. В течение ряда лет карнавальные комедии Аристофана, с тысячами содержащихся в них политических намеков и выпадов, почитались чуть ли надежнейшим и достовернейшим

источником для характеристики политической истории и общественных отношений Афин его эпохи, т.-е. второй половины V века до н. э. Впоследствии эта доверчивость заменилась столь же безоговорочным скептицизмом: комедии Аристофана рассматривались как последовательные памфлеты определенной политической партии.

Истинное положение вещей сложнее и той и другой гипотезы. Чтобы разобраться в нем, следует дать себе отчет в социальной природе и самой комедии, как театрального жанра, и современного ей строя Афин.

Как уж было сказано, „карнавальный комос“ получил официальное признание в итоге победы союза купцов-ремесленников и мелких земледельцев над земельной аристократией. Но „комос“ был и оставался специфическим порождением земледельцев, продуктом земледельческого быта и культуры. Нам не сохранилось ни одной комедии из первой половины V века, из эпохи длившейся политической дружбы крестьянства и городского купечества. Судя по названиям, это были в первую очередь комедии-сказки. Можно предположить, что общим тоном их было обязательное для карнавала прославление всегда относимого к прошлому „золотого века“, но одновременно с этим ритуальным славословием комедия содержала, вероятно, и более актуальные темы — величались победы Афин в национальной войне против персов (так складывалась легенда о славных днях „Марафона“ и „Саламина“), высмеивались враги, представители разбитой партии аристократов. Так, по крайней мере, можно толковать любопытное свидетельство старинного грамматика о „происхождении комедии“: „некогда поселяне, обижаемые афинскими горожанами и желая обличить их, приходили в город и ночью, когда все спали, бродили по улицам и перечисляли причиненные им обиды. Городские власти нашли эту затею поселян полезной, разыскали их и предложили повторить то же в театре“.

Но время шло.¹ Городское купечество, приобретая все больше могущества и власти, открыто стремилось

¹ Выяснению социальной природы Аристофановских комедий посвящены книги: Müller-Strübing — „Aristophanes und die historische Kritik“, 1873. Croiset — „Aristophane et les partis à Athènes,

к созданию великой афинской державы, торговой империи, в которой старинно-исконная, скудная и мало-плодородная аттическая земля естественно должна была занять очень скромное место. В ряде колониальных войн это и удалось; был основан афинский морской союз. Одновременно шел процесс социальной дифференциации и в самых Афинах. Торговля, мореплавание, промышленность, сложная государственная политика — все это вызывало к жизни новые социальные группировки, слои ремесленников, владельцев мануфактур, корабельщиков, представителей новых „интеллигентных профессий“. Шел последовательный ряд демократических реформ, направленных на то, чтобы с наибольшей решительностью сосредоточить полноту власти в руках у городского населения. При этом не только разрушались старые организации земельной знати, но больно задевались и интересы мелкого земледелия. И уже складывалась партия резко радикальная, требовавшая еще более решительной демократизации государства.

Так наметился разрыв между правящей партией купцов и мануфактуристов и крестьянством Аттики. Карнавал-комос продолжал быть верным отзвуком старых крестьянских традиций. И вот уже в комедиях середины V века появляются сатирические выпады против вождей купечества, в частности, против главы государства — Перикла.

Положение обострялось с года на год и вступило в полосу катастроф с тридцатых годов, когда возникла роковая Пелопоннесская война, поднятая афинским купечеством за гегемонию в Греции. Война эта, сразу принеся ряд неудач и разочарований, скоро поставила у власти радикальную партию, партию промышленности и ремесла. В силу особенностей античной демократии, к правящей группе мануфактуристов и заморских купцов примкнула огромная часть неимущего люда Афин, безработного и голодного,

1906. См. также Тюменев — „Очерки экономической и социальной истории древней Греции“, 1922 г., т. II, и Луначарский — „Очерки западно-европейской литературы“, т. I.

видевшего свое спасение в росте афинского могущества и вытекающем отсюда расширении колонизации и гегемонии. Масса городского населения более или менее единодушно поддерживала войну и сделавшиеся необходимыми, как следствие войны, меры решительной демократизации: распределение зерна, конфискации, регулярные денежные выдачи городской бедноте под предлогом участия в „гелиее“ и других органах демократического управления. Наоборот, крестьянство, разоряемое ежегодными набегами пелопоннесцев на села и виноградники Аттики, столь же решительно было настроено против войны. А это означало окончательный разрыв между деревней и городом и начало сближения крестьянства с земельной аристократией, вернее, подпадение крестьянства под влияние реакционных партий, возглавляемых крупными земельными собственниками. Карнавальная комедия тем самым была поставлена в оппозицию к господствующей политической линии. Сыграло тут роль и то, что иждивение комических хоров продолжало оставаться в руках у зажиточных и консервативно настроенных „хорэгов“, успевших, вероятно, образовать нечто в роде своеобразной гильдии и бесспорно влиявших на направление комедийной драматургии. К тому же озлобленное, согнанное с родных полей и укрывшееся в городских стенах крестьянство, именно сейчас, против воли оставаясь в Афинах, могло сказать свое слово на городских празднествах.

Создалась совершенно необычайная ситуация, при которой ежегодные, официально установленные торжества сделались орудием самой резкой и беззастенчивой противоправительственной пропаганды. До нас дошли, правда, свидетельства о ряде мер, предпринятых демократической властью с целью ограничить и обуздать своеволие карнавала, но меры эти, при общей большой терпимости афинского строя и узаконенной обычаем автономии культовых празднеств, должны были остаться безрезультатными.

Все же было бы ошибкой искать в карнавальной комедии последовательной программы определенной политической партии. Сама природа „комоса“ делала это невозможным, и сохраненные нам комедии Аристофана,

целиком падающие именно на эти тревожные годы войны, служат достаточным тому доказательством. Наиболее неизменный и определенный политический мотив Аристофановских комедий — это обличение войны и призыв к миру. На этом требовании полнее всего сходились стремления поселян и других оппозиционных групп, да вдобавок — похвала миру и мирной жизни естественно вытекала из идиллических корней весеннего карнавала. Также последовательно проходит через комедию прославление милой старины. Здесь еще сильнее звучит традиционный мотив карнавала — прославление „золотого века“, — особенность его лишь в том, что „золотой век“ на сей раз настойчиво отождествляется с веком „Маратонских победителей“, т.-е. с блестящей порой аттического крестьянства.

Острие комедии направлено, опять-таки в духе исконного карнавала, не только против политических, но еще резче, пожалуй, против культурных нововведений. Рука об руку с демократизацией общественных отношений в Афины вошли и быстро окрепли новейшая рационалистическая философия, новые течения в литературе и искусстве. На афинских улицах замелькали фигуры „софистов“ — ученых новой складки, длинноволосых модных поэтов и музыкантов. Верная своим истокам комедия, в противовес этим новым людям, прославляет „классиков“, Эсхила, Симонида; угождая карнавальная толпа, она смеется над непонятными массам опытами софистов и исследованиями грамматиков.

Комедия резко нападает на людей демократии и прежде всего на Клеона, признанного вождя радикалов в первое десятилетие войны. Вслед за верхушкой она высмеивает и самый строй торгового морского государства, созданного демократией. Но наряду с этим, достается и богачам-консерваторам из партии, казалось бы дружественной „комосу“, достается и вождям умереннейших групп. Тут сказывается все та же исконная ритуальная установка карнавала, перевертывающего социальные отношения, и естественный, „мужицкий“, протест его против установленного распределения богатств. Комедия одновременно смеется и над новейшими философами и над прорицателями и жре-

цами традиционной религии, последнее — во имя узаконенного своеволия карнавала, не терпящего ханжества, на что бы оно ни направлялось. Смеется комедия и над самими богами греческих культов.

Постоянное взаимное перекрещивание реальности и обрядовых пережитков до крайности затрудняет социальный анализ комедии. Оно приводит к таким, казалось бы, несообразностям, как развязка „Всадников“, где спасителем города от „кожевника“ Клеона оказывается не герой старины, как было бы логично, а еще больший „наглец и грубиян“ — „колбасник“. Это надо для того, чтобы по законам карнавала сделать последнего — первым, и нищего-колбасника возвеличить в „апофеозе“. Другой разительный пример — отчетливое противоречие в хронологически смежных „Облаках“ и „Осах“, где, в одном случае, носителем заветов старины оказывается „отец“, в другом — „сын“. И здесь социальная характеристика принесена в жертву традиции „комоса“, требующего перевернутости реальных бытовых отношений.

Нечего и говорить, что, в деталях, характеристики, даваемые Аристофаном, очень далеки от действительности, да они и не претендуют на то, чтобы быть принятыми всерьез. В лучшем случае, это порождение городской молвы, канонизация злободневной сплетни, верной передатчицей которой была комедия. Законы комедии, карнавальная „сдвиг“, буффонное преувеличение, сказочная пародия — все это совершенно искажает реальные очертания вещей и людей, придавая и тем и другим чудовищно-фантастическую карикатурность. Разве не из сказки вышел этот Клеоним, роняющий щиты, как дерево — листья („Птицы“), Феор с головой ворона („Осы“), Клеон с передом лами и вонючим задом верблюда? Разве не сказкой обвеяны кажущиеся сугубо политическими песенки из „Птиц“?

Еще более резкому искажению подвергались живые люди, все эти Метоны, Ламахи, Кинесии, становясь непосредственными героями комедии. Индивидуальные черты их окончательно скрываются под традиционно-нелепыми масками шутов — „аладзонов“ балаганного театра, они становятся „ханжами“, „хвастунами“, „всезнайками“, карикатурными и сходными между собой. В этой

традиционной условности комедии ключ к страшно искаженной фигуре Сократа в „Облаках“, доставившей столько хлопот старинной и новой критике. Перед нами именно „аладзон“, маска „ученого шарлатана“, лишь снабженная смехом ради звонким и популярным в народе именем.

Смех — всенародный, широкий и вольный карнавальный смех — верховный закон комедии, и ему подчиняются в конечном счете все ее слагаемые и все пружины. Вот почему нельзя с достаточной осторожностью отнестись к исторической документальности комедий Аристофана. Но потрясающая сила злободневности и свежести их все же не может быть оспорена. Всеми тканями своими, всем своим существом греческая карнавальная комедия связана с улицами и гаванями Афин, с хуторами Аттики, она дышит воздухом афинских рынков и палестр, буйный гул афинских народных собраний еще шумит в них.

Вот почему это — памятник подлинно-народного искусства, сказочное зеркало, отразившее лицо великого города в самую взволнованную и мятущуюся пору его существования.

6.

Тридцатилетний период Пелопоннесской войны — расцвет творчества Аристофана. Родившись около 450 года до нашей эры, он уже в 427 году поставил первую свою комедию „Гуляки“. Ни она, ни следующая пьеса „Вавилоняне“ нам не сохранились. Не сохранились и десятки последующих его комедий. Всего из сорока с лишним произведений до нас дошло одиннадцать и то, может быть, не наилучших. Мы располагаем поставленными в 425 году „Ахарнянами“, характернейшей „сельской“ комедией, веселым и полнокровным прославлением радостей мира, и „Всадниками“ (424 г.), наиболее резкой, политически острой и определенной сатирой в репертуаре Аристофана. Жало памфлета направлено против вождя демократии Клеона, выведенного под маской „кожевника“. А сам поэт здесь определеннее, чем когда-либо, солидаризируется со знатной молодежью афинских

„всадников“. Следуют комедии „Облака“ и „Осы“, вместе с примыкающей „Тишиной“ („Ириной“), заключающие первый период в творчестве Аристофана. Две из них печатаются в этой книге.

Далее для нас хронологический пробел до 414 г., когда поэт поставил „Птиц“, самую, пожалуй, блестящую и подлинно карнавальную свою комедию-сказку. И она вошла в предлагаемый сборник. „Птицами“ открывается вторая полоса драматургии Аристофана. Общественная сатира, политический памфлет сменяется темами до известной степени бытовыми и литературными. Сюда относится знаменитая „Лисистрата“ — прелестная и безудержно смелая утопия в форме эротического анекдота (411), трактующая отказ женщин от любви и супружеских ласк. Сюда относятся и поставленные в том же году „Женщины на празднике“ („Фесмофориазусы“, 411) — комедия пародий, вышучивающая главу новой школы в искусстве, трагического поэта Еврипида, и „Лягушки“ (405) — также одна из значительнейших, но и труднейших для восприятия комедий Аристофана. Ее содержание — литературная критика. Творчество Эсхила и Еврипида подвергается здесь сравнительной оценке, оценке тончайшей и глубокомысленнейшей, во многих отношениях определившей и современную критику этих поэтов.

Комедией „Лягушки“, примерно совпадающей с концом Пелопоннесской войны и, отвлеченной серьезностью своей, уже очень отличающейся от буйно-веселых „Ос“ и „Ахарнян“, завершается пора цветенья Аристофана, а с нею и цветущая пора карнавальная комедии. Это и понятно, если вспомнить, сколь глубокой и органичной была зависимость этой комедии от общественной жизни Афин, от буйно-бьющегося пульса афинского народо-правства.

Лисандров мир, принесший Афинам после тридцати лет смертельной борьбы окончательное поражение, капитуляцию, нищету, мир, обративший столицу морской империи в окраинное захолустье, убил „комос“. Омертвели общественные истоки, питавшие силой сегодняшней жизни это эфемерное искусство. Исчезли темы политического значения и веса. Иссякла, наконец, та

гражданская игра, то освещенное ритуалом веселье ряженных, которое делало „хоры“ с их жертвоприношениями и плясками остоном и сердцем комедии. А вместе с хорами рухнуло и эпиррематическое строение целого, рухнули „четы“ и общий стиль народного синтетического спектакля. Принцип балаганного театра, театра актеров-мимов победил. Он превратил карнавальное действо в условно-бытовую комедию, комедию интриги и характеров.

Именно такого рода комедия, характернейшее создание мещанского города, стала господствующим жанром в театре следующего века. Под именем „ново-аттической“ комедии она определила собою огромную и могущественную струю в мировом театре последующих эпох, струю через Плавта, Мольера, Островского докатившуюся до наших дней.

Аристофан стоит на пороге этого жанра двумя последними своими комедиями, падающими уже на четвертый век. Это — утопические „Законодательницы“ („Экклезиазусы“, 392 г.) и комедия-притча „Богатство“ (388 г.). Сказочный тон, „агон“ — спор, общий характер „сдвига“, „перевернутости“ отношений еще сохранился здесь. Но „хоры“, поющие и пляшущие, совершенно отодвинуты в этих, почти целиком разговорных, комедиях, и бытовой элемент преобладает. Политическая острота сменилась здесь праздной утопией, гражданский пафос — морализованием о развращающем богатстве и прекрасной бедности. Карнавальная, хоровая, политическая комедия погибла вместе с афинской демократией, вместе с Аристофаном.

Полвека блиставший на празднествах Диониса, прославленный Платоном, который в знаменитом „Пире“ вывел поэта беседующим о любви бок-о-бок с Сократом (благородная расплата за „Облака“), Аристофан продолжал оставаться в веках чтимым, но чуждым и непонятым. Ново-аттическая комедия характеров и интриги завоевала профессиональный театр. Комедии Аристофана оставались материалом для ученых исследований. Примеры постановок их в новое время, как, например, „Лисистрата“, всегда оставались единичными, стилизаторскими опытами.

А ростки действительного народного комедийного искусства — карнавалы и фарсы Италии и Англии, старонемецкие, старорусские самодеятельные народные игры расцвели и погибли, разумеется, без всякой связи с великим карнавальным театром древней Греции. Они просто рождались на сходной почве, почве интенсивной народной жизни, повышенно бьющихся общественных страстей и интересов.

Потому что, при всей, порою громоздкой, условности Аристофановских комедий, при всей парадоксальности и противоречивости их общественных идеалов, это был, действительно, образец всенародного, освобождающего, блестящего, буйного и жизнотворного смеха, прообраз великой социальной комедии будущего. Не напрасным, а своевременным и нужным кажется поэтому опубликование театра Аристофана на русском языке для читателей советской страны.

I

ОБЛАКА

КОМЕДИЯ ПОСТАВЛЕНА НА ГОРОДСКИХ ДИОНИСИЯХ В АР-
ХОНТСТВО ИСАРХА, В 423 ГОДУ, И ОКАЗАЛАСЬ НА ПОСЛЕДНЕМ
МЕСТЕ. ПЕРВУЮ НАГРАДУ ПОЛУЧИЛ КРАТИН — С КОМЕДИЕЙ
„БУТЫЛКА“, ВТОРУЮ АМИПСИЙ — С КОМЕДИЕЙ „КОНН“.

КОМЕДИЯ ИДЕЙ.

1.

В 423 году, окрыленный двойной победой на Ленеях 25 и 24 годов, Аристофан поставил комедию „Облака“ и потерпел жестокою неудачу. Пьеса получила всего третью награду. При трех состязающихся это означало полный провал. Разочарование поэта было тем сильнее, что сам он считал и долгие годы спустя продолжал считать „Облака“ наилучшим, наитончайшим и наизначительнейшим своим творением. Причину неуспеха сам Аристофан усматривал (и мы не имеем основания ему не доверять) в чрезмерной сложности и отвлеченности избранной им темы.

И действительно, как ни одна другая пьеса, кроме разве литературно-критических „Лягушек“, „Облака“ являются комедией идей, мировоззрений, понятий. В традиционной комедийной сшибке здесь сталкиваются старые и новые принципы народного воспитания, народной мысли и морали.

Принципы новые,—это та рационалистическая философия, революционированная этика, религиозный и социальный скепсис, зарождающаяся наука о природе и человеке, расцветающая риторика, все то, что объединялось современниками под общим понятием софистики, и, как уже было сказано, в качестве общепризнанного мировоззрения радикальных партий завоевывало Афины параллельно с победами политической демократии. Карнавальная комедия, ритуальная и консервативная, имела все основания высмеивать эти модные идеи, она имела все основания противопоставлять им свой „золотой век“, узаконенные стариной нравы и обычаи.

Но, разумеется, эта достаточно серьезная тема, прежде чем облечься в формы комедии, должна была получить заострение и конкретизацию в духе карнавала. Надлежало, прежде всего, избрать хор, т.-е. остановиться на способе инсценировки „ряженных“ для данной комедии. Такой маскировкой, по закону „материализованной метафоры“, стало обличье „облаков“, эфемерных и туманных существ, действительно, не плохо введивших зрителя в ту обстановку „туманных теорий“ и „мглистых идей“, против которых направлялась комедия. Представителем софистики оказался Сократ. Выбор неожиданный, тем более парадоксальный, что для нас, воспринимающих славного философа в свете величественных диалогов Платона, Сократ не только величайший мудрец, стоящий выше всякого балаганного зубоскальства, но именно враг, сокрушитель софистики, победоносный противник всяких Продиков, Гиппиев и Протагоров. Парадокс этот легко разрешается, как только мы согласимся стать на точку зрения комедии, и признаем ее право пользоваться любым именем, и чем звонче, тем лучше, для своих шутовских целей. А диковинная фигура Сократа, рассеянно и праздно бродившего по улицам и переулкам Афин, была достаточно популярной и внешне вполне подходила к традиционной комедийной маске „ученого шарлатана“, „мудреца всезнайки“. Старое преданье уверяет, что на представлении „Облаков“ сам Сократ, желая дать зрителям возможность сравнить сценическую карикатуру с ее реальным прообразом, выпрямившись, встал в проходе амфитеатра. Преданье вздорное; традиционные приемы балаганной маски совершенно исказили реальные приметы Сократа, комедия не только окарикатурировала его, но и придала черты заведомо чуждые, собирательные, типовые, буффонные. Это не помешало, впрочем, Платону, сорок лет спустя, в „Защите Сократа“ всерьез сослаться на комедию Аристофана, бывшую, якобы, одним из этапов, приведших Сократа к гонениям, суду и казни по обвинению в безверии.

Противником Сократа, почитателем старины, делается Стрепсиад — излюбленная Аристофаном фигура старого, простоватого, сметливого афинского поселанина. Такова простейшая схема. Но она попадает в водоворот карна-

вальной фантастики, комедийных нелепостей. Закон „перевернутости отношений“ приводит к грандиозному противопоставлению новых божеств, „Вихря“ и „Облаков“, старым богам Олимпа. В ряде блистательных каламбуров разрешается эта антитеза. Комедийный прием „обратного хода“ принуждает далее простака Стрепсиада идти в науку к шарлатану Сократу, поступать согласно его советам и лишь к концу комедии пострадать за свое безрассудство и обратиться на путь добродетели. Та же традиция комедии делает Стрепсиада шутком — „бомолохом“ спектакля, и в клоунских диалогах сочетает его как „эйрона“ с бахвалом — „аладзоном“ Сократом. Традиционный комический мотив ссорящихся отца и сына осложняет действие.

Так, карнавально преобразив свою серьезную тему, пересыпав ее множеством острот, балаганных положений, смешных бытовых деталей, Аристофан сделал, казалось бы, все возможное, чтобы приблизить свою комедию к вкусам амфитеатра. Как сказано, он в этом все же не успел. В поставленных, год спустя, „Осах“ поэт горько жалуется на опрометчивость зрителей, не поддержавших его, несмотря на то, что „никогда и никто превосходней речей не слышал на комических играх“.

А еще через год он задумал снова попытать удачу со своим любимым детищем, предварительно переработав его. Переделка не была доведена до конца, второе представление не состоялось, и тот текст, который мы имеем, носит на себе очевидные следы двойной и притом далеко не полностью сведенной редакции. Он полон противоречий. Переработка отразилась и на общей композиции комедии, далеко не столь ясной и точной, как обычно у Аристофана. Множество попыток, начиная еще со времен древних грамматиков, было направлено на установление структуры „первых“ и „вторых“ „Облаков“. Но, говоря по чести, нельзя признать, что в вопросе этом достигнута уже какая-либо определенность.

2.

Начинается комедия с пролога-экспозиции. На круглой орхестре, два пестро размалеванных домика, один, замысловатой постройки — „мыслильня“ Сократа, — дру-

гой—усадыба Стрепсиада. Пролог явственно распадается, и это обычно у Аристофана, на три части. Сперва поэт стремится забавным зрелищем катающегося от бессонницы старика возбудить интерес зрителей, затем в довольно пространным монологе устанавливает основную тему комедии, чтобы перейти в дальнейшем к непосредственному комическому действию. Стрепсиад разорился. Нужны решительные меры. Он решается искать спасения у мудреца Сократа и идет в мыслильню. Забавным примером „материализованной метафоры“ заканчивается пролог. Старика Стрепсиада обсыпают мукой.

Новый ученик принят в сонм мыслителей. Сами богини „облака“ должны быть его наставницами. Это ведет к „пароду“, разработанному тонко и сложно, состоящему из призывов Сократа и ответного пения приближающихся полухорий „облаков“. Пестрые покрывала, маски, шутки ради снабженные огромными носами, — вот как следует себе представить их условный наряд. С приближением хора меняется размер стиха, начинаются длинные анапестические строки и лирические строфы, начинается музыка бубнов и флейт.

К обычным симметрически расположенным четырем частям „парода“ („эпиррема“, „ода“, „антэпиррема“, „антода“) здесь присоединена, однако, еще пятая, в которой Сократ берет простоватого старика в „предварительное обучение“. Повидимому это обломок бывшего „агона“, центрального „спора“ „первых“ „Облаков“. Опровержение Сократом традиционных верований, слабо и неумело защищаемых Стрепсиадам, свержение „Старого Зевса“ и провозглашение новых божеств — вот его вероятное содержание. Очевидно, стремясь освободить свою комедию от теоретических рассуждений и тонкостей, оказавшихся роковыми, Аристофан разрушил этот первоначальный „агон“.

После краткого клоунского диалога актеры уходят в „мыслильню“. На оркестре остается один хор, приступающий к третьей „чете“, к „парабазе“. Эта часть комедии также подверглась существенной переработке. В теперешней редакции она начинается с обращения к зрителям, долженствовавшего объяснить смысл и цель вторичной постановки „Облаков“. Поэт упрекает зрите-

лей и судей, восхваляет свое искусство, попутно сводит счеты с литературными противниками, и просит театр о благосклонном приеме этих своих „вторых“ „Облаков“. Как уже сказано, это новое представление не состоялось, вторая редакция комедии не была закончена и заключительная часть парабазы, ее „оды“ и „эпирремы“ остались непереработанными. В них есть поэтому противоречия с новым текстом, посвящены же они, как и обычно, молитвам и полусерьезному, полушутовскому самопрославлению хора.

Следует довольно свободно компанованная „чета“, содержащая балаганные сцены обучения Стрепсиада. В блеске острот и каламбуров здесь летят кувырком новейшие грамматические, философские и риторические открытия модных учителей, софистов. Стрепсиад, жаждущий обучиться софистическим кривым речам и таким образом избавиться от уплаты долгов, открыто и последовательно выступает здесь в роли шута — „бомолоха“. В теперешнем тексте комедии он терпит неудачу. Сократ, выведенный из себя тупоумием седого ученика, прогоняет его. Ему остается лишь послать вместо себя сына в выучку к философам. Возможно, однако, что и здесь перерабатывающая рука поэта коснулась текста, и что в первоначальной редакции обучение Стрепсиада не кончалось так плачевно и он выходил из „мыслильни“ „подкованным на обе челюсти“ увертками и ухищрениями софистов. В таком случае, роль сына в „первых“ „Облаках“ была значительно более скромной, возможно, что и вообще отсутствовала. Впрочем, все это только домыслы, едва ли могущие быть доказанными.

Вторая половина комедии, во всяком случае, подверглась более решительной переработке. Начинается она со сцены большого „агона“ — спора. „Правда“ и „Кривда“, аллегорические образы, позаимствованные Аристофаном из репертуара народной притчи и басни, состязаются перед сыном старика, Фидиппидом, стремясь привлечь его каждая на свою сторону. Фидиппид избирает „Кривду“. Оба противника олицетворяют противоположные принципы народного воспитания. „Правда“, как и следовало ожидать, — старину, „Кривда“ —

новое модное ученье. Этот спор — подлинная борьба идей, изложенная к тому же в чрезвычайно выразительных, сперва величаво анапестических, затем в задорных ямбических стихах, — бесспорно узел комедии и одна из значительнейших „чет“ в театре Аристофана вообще. Тем не менее, это — вставка вторичной редакции, заменившая первоначальный „агон“ в начале комедии. Прямое и бесспорное свидетельство древнего комментатора подтверждает это. Как бы то ни было, теперь за сценой „агона“, кончающегося бурной и стремительной, смело разбивающей сценическую иллюзию скороговоркой, „пнигосом“, следует малая парабаза, точнее обломок парабазы, содержащий традиционную угрозу-пожеланье хора.

Следующая, шестая, опять-таки довольно свободно компанованная чета выдержана в резко балаганных тонах. Сперва Стрепсиад радостно приветствует умудренного сына и торжественно отправляется с ним на ритуальную „пирушку“. Затем, обученный новейшей мудрости старик (и в этом опять невязка обеих редакций), искусными доводами убеждает явившихся за деньгами кредиторов, что он им ровно ничего не должен. На правах шута „бомолоха“ он гонит и бьет своих собеседников и уходит с ликованием.

Но конец комедии уже близок, и хор поет о предстоящей расплате. Расплата наступает посредством комедийного „обратного хода“. Все ухищрения Стрепсиада падают ему же на голову. В следующей, седьмой, чете собственный сын бьет его и доказывает по правилам модной софистики, что это и законно и правильно. Мало того, он собирается избить таким же образом родную мать. Сцена спора между отцом и сыном, являющаяся очевидным развитием и продолжением спора „Кривды“ с „Правдой“, выдержана также в форме „агона“, — это „малый агон“ комедии. Тут уже все пружины комического действия исчерпаны, комические каламбуры совершили свой законный и традиционный круг, остается закончить зрелище ритуальным „комосом“, карнавальным уходом. Но в самой развязке комедии наступает несколько неожиданный морализующий перелом. Прозревший Стрепсиад решается разорить гнездо

богохульников — „мыслильню“. Обязательные для комоса факелы служат здесь орудием „поджога“ Сократова домика. От упомянутого уже античного комментатора узнаем, что и эта сцена — позднейшая вставка. Аристофану хотелось, очевидно, наказать „порок“ и тем примирить зрителей со смелой новизной своей „философической“ комедии.

3.

Комедия осталась недоработанной. Поэт на этот раз так и не сумел восторжествовать над упрямым равнодушием своих зрителей. Зато потомство превознесло „Облака“ выше всех творений Аристофана, утвердив за ним славу их создателя. Предпочтение это может быть и не вполне основательно, но все же, думается, читатель и сейчас сумеет оценить эту комедию, „выдающуюся“, как утверждает древний критик, „своими красотами и силой мастерства“.

ОБЛАКА.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Стрепсиад — старик.

Фидиппид — сын его.

Ксанфий — слуга.

Сократ — мудрец.

Ученики Сократа.

Правда } спорщики.

Кривда }

Пасий } заимодавцы Стрепсиада.

Аминий }

Хор из 24 женщин — облаков.

(На сцене два дома. Один — Стрепсиада, другой — Сократа.)

ПРОЛОГ.

(Стрепсиад дремлет на крыльце. Ворочается. Встает.)

Стрепсиад. Ай ай, ай ай!

Владыка Зевс, какая ночь ужасная!

Конца ей нет. Когда же рассветет заря?

Давно уже слышал я, как петух пропел.

Храпят рабы. Ах, прежде было иначе!

Война, чтоб ты пропала! Много зла в тебе!

Из-за тебя и слуг не смеем высечь мы.

(Указывая на сына, спящего рядом.)

А этот вот молодчик, ладно скроенный,
Всю ночь без передышки спит, без просыпа,
Свистит, трещит, в двенадцать шуб
закутавшись.

10.

Ну что, и я закутаюсь, и я вздремну.

(Ворочается.)

Беда мне: не могу уснуть. Грызут меня
Кормы, овсы, расходы и долги мои.
Всему виною сын мой. Закрутив вихор,
В седле гарцует, правит он четверкою,
Во сне конями бредит. Я же мру живьем,
Считая, как подходят сроки месяцев,
И долг растет. (К слуге.)

Эй мальчик, огонек подай!
И книгу принеси мне! Перечесть хочу,
Кому и сколько должен, сосчитать лихву.

20.

(Слуга приносит светильню и книгу. Держит светильню над
господином.)

Кому ж я должен? — (Читает.)

„Пасии двенадцать мин“.
Как, мин двенадцать? Пасии? За что это?
„За жеребца гнедого“. Горе, горе мне!
Пусть сам бы сгнил я! Глаз бы вышиб
жеребьем!

Фидиппид (бормочет во сне). Плутуешь, Филон! Не виляй!
Прямей держи!

Стрепсиад. Вот, вот оно, несчастье! Вот в чем зло мое!
Сын и во сне мечтает о ристаниях.

Фидиппид (так же). На сколько едешь ты кругов на
празднике?

Стрепсиад. Отца в конец заездил! Ощипал кругом!
Кому ж еще я должен кроме Пасии?

30.

„Три мины, за хомут и хлыст Аминии“.

Фидиппид (во сне). Проезди и в конюшню пригони коня!

Стрепсиад. Меня из дома скоро вовсе выгонишь!
И тяжбу проиграю, и лихва меня
Сживет со света.

Фидиппид (просыпается). Эй, родитель, что с тобой?
Чего ворчишь? Ворочаешься до-утра?

Стрепсиад. Грызет меня из-под перины староста.

Фидиппид. Старик, оставь причуды, не мешай мне
спать!

Стрепсиад. Спи, если хочешь! Только знай, долги мои
40. Когда-нибудь падут тебе на голову.

Ох, ох!

Пускай бы удавилась сваха подлая,
На матери твоей меня женившая.

Чудесной, тихой жил я жизнью сельскою
В уюте, и в навозе, и в безделии.

Средь пчел, вина, оливок и овечьих стад.

Тут в жены взял племянницу Мегаклову,
Родню Кисиры, важную, надутую.

Женился, спать пошел с ней, от меня землей
50. Воняло, сеном, стойлом и достатками.

От барышни помадой, поцелуями

И Афродитой пахло и расходами.

Но не была лентяйкой, ткала в две руки.

Свой рваный плащ тогда я ей показывал

И говорил: „супруга, слишком тонко ткешь!“,

Слуга. Нет масла в ночнике у нас ни капельки.

Стрепсиад. Проклятье, твой ночник—негодный
пьяница!

Ступай и лопни!

Слуга. Для чего же лопаться?

Стрепсиад. Фитиль купил ты толстый и прожорливый,

(Сам с собой.)

60.

Позднее сын вот этот родился у нас,

Ох, у меня и у любезной женушки.

Тут начались раздоры из-за имени.

Жене хотелось конно-ипподромное
Придумать имя: Каллипид, Харипп, Ксантипп.
Я ж Фидонидом звать хотел, в честь дедушки.
Так спорили мы долго; согласясь потом,
Совместно Фидиппидом сына назвали.
Ласкала мать мальчишку и баюкала:
Вот вырастешь, и на четверке, в пурпуре,
Поедешь в город, как Мегакл, твой дяденька. 70.
Я ж говорил: вот вырастешь, и коз в горах
Пасти пойдешь, как твой отец, кожух надев.
Но слов моих сыночек не послушался,
В мой дом занес он лихорадку конскую.
Всю ночь я нынче думал, не смыкая глаз,
Одно придумал средство, но надежное.
Когда сынка уговорю, спасемся мы.
Но прежде разбудить его мне надобно.
Как разбудить поласковой, подумаю.
Мой Фидиппид, сыночек, Фидиппид!

Фидиппид.

Чего?

80.

Стрепсиад. Дай руку мне и поцелуй родителя.

Фидиппид. Ну вот! А что?

Стрепсиад. Скажи, меня ты любишь? Да?

Фидиппид. Да, Посидоном-Конником клянусь тебе!

Стрепсиад. Ой, ой, ой, ой! Нет, нет, не надо Конника!

Всем огорченьям нашим этот бог виной.

Когда меня от сердца любишь, искренне,

Послушайся, мой мальчик!

Фидиппид. В чем же слушаться?

Стрепсиад. Переменись, привычки позабудь свои

И поучись, сходи, куда скажу тебе!

Фидиппид. Чего ж ты хочешь?

Стрепсиад. А исполнишь?

Фидиппид. Выполню!

90.

Мне Дионис свидетель!

Стрепсиад. Погляди сюда!

Калиточку ты видишь, домик маленький?

Фидиппид. Конечно, вижу, но, отец, зачем он нам?

Стрепсиад. Мыслильня это для умов возвышенных.

Здесь обитают мудрецы. Послушать их,
Так небо, это просто печь железная,
А люди в этой печке, словно уголья.
Того, кто денег даст им, пред судом они
Обучат кривду делать речью правою.

Фидиппид. Но кто ж они?

100. Стрепсиад. Не знаю точно имени, —

Мудрило-заводилы, благородные.

Фидиппид. А, знаю, негодяи бледнорожие,
Бахвалы, плуты, нечисть босоногая,
Дурак Сократ и Хэрефонт помешанный.

Стрепсиад. Цыц, цыц, молчи, не говори бессмыслицы!
Когда тебя заботит дом родительский,
Послушайся, от конной откажись езды!

Фидиппид. Мне Дионис свидетель, нет! Хотя бы ты
Фазанов подарил мне леагоровых!

110. Стрепсиад. Прошу тебя! Мой миленький,
любименький,

Ступай и поучись!

Фидиппид. Чему ж учиться мне?

Стрепсиад. Рассказывают, там, у этих умников
Две речи есть. Кривая речь и правая.
С кривою этой речью всяк, всегда, везде
Одержит верх, хотя бы был кругом неправ.
Так, если ты кривым речам научишься,
Из всех долгов, которым ты один виной,
Не заплачу я и полушки ломаной.

Фидиппид. Нет, не согласен! Как же показаться мне
Пред всадниками выцветшим и высохшим?

120. Стрепсиад. Клянусь Деметрой, знай же: ничего теперь
Не дам тебе, ни жеребцам, ни меринам!
К чертям, к воронам, вон из дома выгоню!

Фидиппид. Что ж, не потерпит дядя мой Мегакл, чтоб я
Без лошадей остался! Я к нему пойду. (Уходит.)

СТРЕПСИАД. Что ж, кто упал, тому подняться надобно.
Отправлюсь сам в мыслильню, помолясь богам,
И сам начну учиться. Горе, горе мне!
Как голове тупой, седой, забывчивой
В лапше словес тончайших разобратся, ох! 130.

(Переходит к соседнему дому.)

Но все ж пойду! Чего мне копошиться здесь
И в дверь не постучаться? Эй, привратник, эй!

(Стучит. Выходит ученик.)

Ученик. Пошел к воронам, кто здесь в двери ломится?

СТРЕПСИАД. Я, из Кикинны Стрепсиад, сын Фидона.

Ученик. Невежда, Зевс свидетель! Несознательно
Стучишься в дверь, и выкидышем пагубным
Рождаемому угрожаешь замыслу!

СТРЕПСИАД. Прости меня! Я темный, из деревни я.
Так объясни, какой же это выкидыш? 140.

Ученик. Ученикам лишь слушать дозволяется.

СТРЕПСИАД. Не бойся, друг любезный, я пришел сюда
Как ученик, в мыслильню поступаю я.

Ученик. Так слушай и считай за тайну страшную!
Недавно Хэрефонта спросил Сократ:
На сколько ног блошинных блохи прыгают?
Пред тем блоха куснула Хэрефонта в бровь
И ускользнула на главу Сократову.

СТРЕПСИАД. И как же сосчитал он?

Ученик. Преискуснейше!

Воск растопивши, взял блоху и ножками
В топлёный воск легонько окунул блоху. 150.
Воск остудивши, получил блошинные
Сапожки, ими расстояние вымерил.

СТРЕПСИАД. Великий Зевс! Не ум, а бритва острая!

Ученик. Что ж скажешь ты о новом изобретеньи
Сократа?

СТРЕПСИАД. О каком, скажи, прошу тебя?

Ученик. Мудрец Сфетийский Хэрефонт спросил его,
Как мыслит он о комарином пении,
Трубит комар гортанью или задницей?

Стрепсиад. И что ж сказал о комарах почтеннейший?

160. Ученик. Сказал он, что утроба комариная
Узка. Через эту узость воздух сдавленный
Стремится с силой к заднему отверстию.
Войдя за узким ходом в расширение,
Из задницы он вылетает с присвистом.

Стрепсиад. Тромбоном оказался комариный зад!
Мудрец кишечный, дважды, трижды счастлив
ты!

Избавиться от тяжбы дело плевое
Для вас, разъявших чрево комариное!

Ученик. На той неделе истина великая
Погибла из-за ящерицы.

170. Стрепсиад. Как же так?

Ученик. В полночный час, исследуя движение
И бег луны, стоял он, рот разинувши.
Гут с крыши в рот ему наклала ящерка.

Стрепсиад. Смешно, Сократу в рот наклала ящерка!

Ученик. Вчера ж у нас еды на ужин не было.

Стрепсиад. Ну! ну! И пропитанье как промыслил он?

Ученик. Зашел в палестру, стол слегка золой покрыл,
Взял в руки вертел, циркулем согнул его
И осторожно... из палестры плащ стянул.

180. Стрепсиад. К чему ж еще Фалета прославляем мы!
Открой, открой скорее мне в мыслильню дверь,
Сократа видеть я хочу великого!
К нему иду в науку, дверь открой скорей!

(Дверь открывается, показываются ученики.)

Геракл великий, это что за чудища?

Ученик. Чему дивишься, за кого ты принял их?

Стрепсиад. За спартиатов тощих, взятых в Пилосе.
Но в землю почему они уставились?

Ученик. Разыскивают то, что под землей.

СТРЕПСИАД. Ага,
Чеснок! Не надо, не трудитесь, милые,
Я знаю место, там растет отличнейший.
А те, что в кучу сгучились, чем заняты?

190.

Ученик. Они глубины тартара исследуют.

СТРЕПСИАД. Зачем же в небо этот поднял задницу?

Ученик. Считает звезды собственными средствами!
(К мыслителям.) Идите в дом, чтоб здесь он не
застигнул вас.

СТРЕПСИАД. Нет, нет, не надо! Пусть они останутся!
Поговорю я с ними о делах моих.

Ученик. Никак нельзя! Им строго запрещается.
Дышать так долго чистым, свежим воздухом.

СТРЕПСИАД. (Оглядывается. Рассматривает диковинные предметы
в мыслильне.) Богами заклинаю, это что ж,
скажи?

200.

Ученик. Вот это — астрономия.

СТРЕПСИАД. (С тою же игрой.) А это здесь?

Ученик. А это геометрия.

СТРЕПСИАД. К чему она?

Ученик. Чтоб мерить землю.

СТРЕПСИАД. Понял я. Надельную?

Ученик. Ничуть, всю землю.

СТРЕПСИАД. Очень хорошо, дружок!
Народная наука и полезная.

Ученик. А здесь изображение всей вселенной. Вот
Афины. Видишь?

СТРЕПСИАД. Пустяки, не верю я:
Присяжных здесь невидно заседателей.

Ученик. А дальше, будь уверен, это Аттика.

СТРЕПСИАД. Кикинна где ж, село мое родимое?

210.

Ученик. Там позади. А вот Эвбея, видишь, ты.
Как вытянулась узкая и длинная.

СТРЕПСИАД. Да растянули мы с Периклом бедную.
Но где же Лакедемон?

Ученик.

Где он? Вот он где.

СТРЕПСИАД. Бок-о-бок с нами? Позаботьтесь, милые,
От наших мест убрать его подальше.

Ученик. Никак нельзя.

СТРЕПСИАД. Час не ровен, поплатитесь!

(Замечает в вышине Сократа.)

А это кто же в гамаке качается?

Ученик. Он сам.

СТРЕПСИАД. Что значит „сам“?

Ученик.

Сократ.

СТРЕПСИАД.

Привет, Сократ!

220.

Послушай друг, погромче покричи ему.

Ученик. Нет, сам кричи, а у меня нет времени.

СТРЕПСИАД (кричит). Сократ!

Сократушка!

СОКРАТ.

Чего ты хочешь, праха сын?

СТРЕПСИАД. Скажи сначала, чем ты занимаешься?

СОКРАТ. Паря в пространствах, мыслю о судьбе светил.

СТРЕПСИАД. В гамак забравшись, о богах гадаешь ты.
Но почему ж не на земле?

СОКРАТ

(важно и торжественно).

Бессильна мысль

Проникнуть в тайны мира запредельного,

В пространствах не повиснув и не будучи

Соединенной с однородным воздухом.

230.

Нет, обретаясь в прахе, взоры в высь вперив,

Я ничего б не узрел. Сила зёмная

Притягивает влагу размышления.

Не то же ли случается с капустою?

СТРЕПСИАД. Ай, ай!

В капусту влагу тянет размышление!

Сойди же на-земь, милый мой Сократ, сойди,

Тому, зачем пришел я, обучи меня!

СОКРАТ. Зачем же ты явился?

СТРЕПСИАД.

Красноречию

240.

Хочу я обучиться. Жмут долги меня.

Худею, чахну, сохну, изведусь в конец.

СОКРАТ. Но как в долги попал ты так нечаянно?

СТРЕПСИАД. Болезнь меня заела, язва конская.

Прошу тебя, той речи научи меня,
С которою долгов не платят. Я ж тебя,
Клянусь богами, награжу сторицею.

СОКРАТ. Каких богов ты разумеешь? Боги здесь
Особого чекана.

СТРЕПСИАД. Чем же клясться вам?

Железными грошами, как в Византии?

СОКРАТ. Желал бы ты природу божества узнать
На деле?

СТРЕПСИАД. Зевс свидетель, если есть он, Зевс!

СОКРАТ. Вступить в беседу с облаками хочешь ты,
Которых почитаем за богов?

СТРЕПСИАД. Ну да.

СОКРАТ. На эти козлы сядь тогда священные.

СТРЕПСИАД. (Садится.) Вот видишь, сел.

СОКРАТ. Прими теперь из рук моих
Венок.

СТРЕПСИАД. Зачем венок мне, ой, боюсь, Сократ!
Как Афаманта вы меня зарежете!

СОКРАТ. Ни мало, то же с каждым посвящаемым
Мы делаем.

СТРЕПСИАД. А что я получу за то?

СОКРАТ. В речах мучнистым станешь, тертым,
крупчатым. 260.

Так смирно стой!

(Обсыпает его мукой.)

СТРЕПСИАД. И правда, Зевс свидетель мне,
Обсыпанный, я стану, тертым, крупчатым.

ЧЕТА ПЕРВАЯ.

ПАРОД.

ЭПИРРЕМА.

СОКРАТ. Не кричи, замолчи, покорись, старичок,
и внимай терпеливо молитве.
(Молится.)

Господин и владыка, о Воздух святой,
обступивший, объемлющий Землю,
О сверкающий, ясный Эфир, Облака
громоносные, матери молний!
Поднимитесь, взлетите, царицы, свой лик
мудролюбцу седому явите!

СТРЕПСИАД. Погоди, не спеши, дай закутаться мне,
а не то до костей я промокну.
Ах, глупец, ах несчастный! Сегодня как раз
без накидки я из дому вышел.
(Закутывается.)

СОКРАТ. Облака многочтимые! Слушайте зов, где б вы
ни были, ныне явитесь!
На Олимпе ль, на снежной, священной горе
залегли вы семьею лучистой,
Или с нимфами в быстрый сплелись хоровод
в темных куцах Отца-Океана,
Или в Нильских далеких верховьях дожди
в золотые черпаете ведра,
Залетели ль в топь меотийских болот, иль на
льдистые гребни Миманта,
Нас услышьте и жертву примите от нас и
порадуйтесь нашей молитве.
(Издали доносится пение Облаков.)

ОДА.

ПЕРВОЕ ПОЛУХОРИЕ. Вечные Облака!
Встаньте, явитесь, росистые, мгlistые,
в легких одеждах!

Пред посвященными двери святилища.
В честь небодержцев — богов приношения
Там возвышаются, храмы с кумирами.
Шествия движутся там богомольные.
Жертвы приносятся пышные, в зиму и лето —
Праздники, игры и пляски.
Вот наступила весна, и в честь Бромия
Песни несутся, хоры состязаются,
Флейты призывно рокочут.

310.

СТРЕПСИАД. Объясни мне, Сократ, заклинаю тебя, это
кто же поет так прекрасно,
Так торжественно, чинно и важно, скажи, иль
слетелись сюда героини?

СОКРАТ. Да ничуть! Это дети небес, Облака, а для
нас, для мыслителей — боги
Величайшие, разум дающие нам, мысли острые,
силу сужденья,
Красноречия жар, убеждения дар,
говорливость и в речи сноровку.

СТРЕПСИАД. Понимаю. Так вот почему, услышав их
напевы, душой я воспрянул,
И к сплетениям слов потянуло меня, и к
сужденьям о дыме летучем,
Захотелось на слово ответить тремя, и
мыслишкой в споре ужалить!

320.

Если можно прошу, дай воочию мне, дай
вблизи величавых увидеть!

СОКРАТ. Погляди же сюда, на Парнет! Началось! Вижу,
вижу, спокойно и плавно
К нам нисходят они.

СТРЕПСИАД. Где же, где? Покажи!

СОКРАТ. Вот подходят густыми рядами
По расщелинам горным, по склонам лесным.
Прямиком.

СТРЕПСИАД. Удивительно, право!
Ничего я не вижу!

СОКРАТ. У входа они.

СТРЕПСИАД. Вот теперь различаю немножко.

СОКРАТ. Хоть теперь-то ты видишь их, глупый старик, иль ты слеп, иль бельма на веках?

СТРЕПСИАД. Вижу, вижу! Почтенные! Зевс мне судья! Вся площадка полна облаками.

СОКРАТ. Что ж, а раньше не знал ты, что боги они? Как богов их не чтил и не славил?

СТРЕПСИАД. Видит Зевс, и не думал. Считал их росой и туманом и слякотью мокрой. 330.

СОКРАТ. Видит Зевс, ошибался ты. Знай же теперь: это вот кто питает ученых, И врачей, и гадателей, франтов в кудрях, с перстеньками на крашенных пальцах, Голосистых искусников в круглых хорах, описателей высей надзвездных, Вот кто кормит бездельников праздных, а те прославляют их в песнях надутых.

СТРЕПСИАД. Вот зачем воспевают они облака, буревые, несущие грозы, „Стоголового смерча летучую прядь“, „завывание вихрей ревущих“, И еще „кривокогтых кочующих птиц заблудившиеся караваны“, И еще „облаков волокнистых росу“, а за это питаются сами Камбалою копченою „прозрачной, как сон“, и жарким „из дроздов сладкогласных“.

СОКРАТ. Незаслуженно разве?

СТРЕПСИАД. Скажи мне теперь, умоляю тебя, если вправду 340.

Облака — эти твари, зачем же тогда на земных они женщин похожи?

Ведь иначе совсем они выглядят.

СОКРАТ. Как? Расскажи мне, как выглядят тучи.

СТРЕПСИАД. Хорошенько сказать не могу. Например,
как летящие шерсти волокна.

Но совсем не как женщины, Зевс мне судья!

А у этих носы, и большие.

СОКРАТ. А теперь на вопросы мои отвечай!

СТРЕПСИАД. Говори! Что угодно, отвечу.

СОКРАТ. Никогда ты не видел, скажи, в небесах,
облаков, на кентавра похожих,

На быка, на пантеру, на волка?

СТРЕПСИАД. Видал, Зевс свидетель! Видал.

Ну так что же?

СОКРАТ. Как хотят, обернуться умеют они. Завитого
увидят красавца,

Вот из этих кудрявых, распутных гуляк, из

породы козла — Ксенофанта,

И тотчас, издеваясь над бешенством их,

350. превратятся в блудливых кентавров.

СТРЕПСИАД. Если ж Симон, грабитель народной казны,
попадется им, чем они станут?

СОКРАТ. Подражая разбойной природе его, уподобятся
хищному волку.

СТРЕПСИАД. Понимаю. Недавно толстяк Клеоним
повстречался им, щит потерявший,

Увидали трусишку они и тотчас обратились
в пугливых оленей.

СОКРАТ. А теперь повстречали Клисфена они и на
женщин похожими стали.

(Хор — Женщины-Облака входят на оркестру.)

СТРЕПСИАД (к Облакам). Ну так здравствуйте, слава вам,
грозные. Речь обратите ко мне благосклонно!

Если голос ваш прежде слышал кто-нибудь,
пусть его я услышу, богини.

Предвод-ца облаков. Наш привет тебе, старец,
с седой головой, за наукой и правдой
пришедший!

(К Сократу.) Ты же, священнослужитель речей
плутовских, объясни нам, чего
ты желаешь.

Никого так охотно не слушаем мы из
искусников, ныне живущих, 360.

Одного разве Продика: мудрость его нас
пленяет и гордые мысли.

Ты же тем нам приятен, что бродишь босой,
озираясь направо, налево,

Ходишь чванно и важно, в лохмотьях, дрожа,
вскинув голову, нас обожая.

СТРЕПСИАД. О, Земля, что за голос! Торжественно
как он звучит! Объявилось нам чудо!

СОКРАТ. Так пойми же: богини они лишь одни,
остальное — нелепые бредни!

СТРЕПСИАД. Ну а Зевс? Объясни, заклинаю Землей,
нам не бог разве Зевс Олимпийский?

СОКРАТ. Что за Зевс? Перестань городить пустяки!
Зевса нет!

СТРЕПСИАД. Вот так так! Объясни мне,
Кто же дождь посылает нам? Это сперва
расскажи мне подробно и ясно.

СОКРАТ (показывая на Облака). Вот они. Кто ж еще?
Целый ворох тебе приведу я сейчас
доказательств.

Что, видал ты хоть раз, чтоб без помощи туч
Зевс устраивал дождь? Отвечай мне!

А ведь мог бы он, кажется, хлынуть дождем
из безоблачной ясной лазури. 370.

СТРЕПСИАД. Аполлон мне свидетель, отличная речь!
Ты меня убедил. Соглашаюсь.

А ведь раньше и верно я думал, что Зевс
сквозь небесное мочится сито.

Но теперь объясни мне, кто ж делает гром?
Я всегда замираю от грома.

СОКРАТ. Вот они громыхают, вращаясь.

СТРЕПСИАД. Но как? Объясни мне, скажи
мне, кудесник!

СОКРАТ. До краев, до отказа наполнясь водой и от
тяжести книзу провиснув,
И набухнув дождем, друг на друга они
набегают и давят друг друга.

И взрываются с треском, как бычий пузырь,
и гремят перекатами грома.

СТРЕПСИАД. Кто ж на встречу друг другу их гонит,
скажи?

Ну не Зевс ли, колеблющий тучи?

СОКРАТ. Да нимало, ни Зевс. Это — Вихрь.

СТРЕПСИАД. Ну и ну! Значит Вихрь! И не знал я,
деревня,

380.

Что в отставке уж Зевс и на месте его нынче
Вихрь управляет вселенной.

Только все ж ничего ты еще не сказал о грозе
и громов грохотаньи.

СОКРАТ. Ты ведь слышал. Набухнув водой дождевой,
облака друг на друга стремятся.

И, как сказано, лопнув, как полный пузырь,
громыхают и гулко грохочут.

СТРЕПСИАД. Как поверить тебе?

СОКРАТ. Объясню тебе все на примере тебя
самого же.

До отвала наевшись рубцов отварных на
гулянии панафинейском,

Ты не чувствовал шума и гуда в кишках и
бурчанья в стесненном желудке?

СТРЕПСИАД. Аполлон мне свидетель, ужасный отвар.
Все внутри баламутится сразу.

И гудит словно гром, и ужасно урчит, и
шумит, и свистит, и клокочет.

Для начала легонько, вот этак: бурр-бурр,
а потом уж погромче: бурр-бурр-
бурр.

390.

Тут нельзя удержаться, до ветра бегу, а в утробе
как гром: бурр-бурр-бурр-бурр.

СОКРАТ. Ну прикинь, если столько грозы и громов
в животишке твоём, так подумай,
Как чудовищно воздух безмерно большой
и бурчит и гремит и грохочет.

СТРЕПСИАД. Все понятно теперь, так от ветра, от туч
говорят у нас: ходим до-ветра.
Ну, а молнии ярко горящий огонь, объясни
мне, откуда берется?
Попадет и живого до смерти спалит или кожу
одежду обуглит.

Ну не ясно ль, что молнии мечет в нас Зевс
в наказание за лживые клятвы.

СОКРАТ. Об одном бы подумал, глупец, стародум,
стародедовским верящий басням!

Если мстит за присягу подложную Зевс,
почему ж не сожжен еще Симон?

Почему не сожжен Клеоним и Феор? Ведь
они ж — из лгунишек лгунишки.

Почему он сжигает свой собственный храм
и предгорие афинское — Суний

И вершины высоких дубов? Для чего? Ведь
лгунов среди дубов не бывает.

СТРЕПСИАД. Что ответить, не знаю. Пожалуй, ты прав.
Расскажи же, в чем молнии тайна!

СОКРАТ. Если воздух горячий, поднявшись с земли,
залетает к заоблачным высям,

Изнутри он вздувает огромный пузырь, а
затем, под давлением силы,

Разорвавши пузырь, клокоча и свистя,
вылетает, и в треньи сгорает,

От полета, от стрепета, в пламенный столб
обращаясь и в пыль разрушаясь.

СТРЕПСИАД. Зевс свидетель мне, то же случилось со
мною на Диасиях нынешних. Помню,

Колбасу кровяную я жарить взялся для
родных, да забыл ее взрезать.
Тут надулась она, стала круглой, как шар,
и внезапно возьми да и лопни!
410. Все глаза залепила начинкою мне и сожгла,
словно молнией, щеки.
СОКРАТ (торжественно приподымается). Человек! Пожелал ты
достигнуть у нас озарения мудрости высшей,
О как счастлив, как славен ты станешь тогда
среди Эллинов всех и Афинян,
Если тщателен будешь, прилежен в труде,
если есть в тебе сила терпенья,
И не зная усталости, зная в себя ты
вбирать будешь, стоя и лежа,
Холодая, не будешь стонать и дрожать,
голодая, еды не попросишь,
От пирушек уйдешь, от гимнасий бежишь, не
пойдешь по пути безрассудства;
И за высшее счастье одно будешь чтить, как
и следует людям разумным:
Силой речи своей побеждать на судах, на
собраниях, в советах и в спорах.
СТРЕПСИАД. Что терпенья касается, твердой души
и бессонных раздумий в постели,
420. Воздержанья во всем, в животе пустоты, на
воде и на хлебе сиденья,
Будь уверен во мне! Чтоб до цели дойти,
на себя дам ковать я подковы.
СОКРАТ. И не будешь иных ты богов почитать, кроме
тех, кого сами мы славим:
Безграничного воздуха ширь, Облака и Язык,—
вот священная тройца!
СТРЕПСИАД. И словечка другим я теперь не скажу,
не признаю, на улице встретив.
Им молиться не буду, вина не пролью,
фимиама ни крошки не кину.

Предвод-ца облаков. Говори же скорее, что надо
от нас.

Не робей, не получит отказа
Тот, кто нас почитает и молится нам и
мыслителем сделаться хочет.

Стрепсиад. О почтенные женщины! Надо от вас мне
немногого, чуточку, крошку!

Стадий на десять всех, кто в Элладе живет,
превзойти я хочу в разговоре. 430.

Предвод-ца облаков. Мы исполнить согласны
желанье твое. С этих пор на собраниях
народных

Чаще всех ты сумеешь решенья свои
проводить, побеждая речами.

Стрепсиад. Я решений больших проводить не хочу,
и совсем мне не этого надо.

Я закон обвернуть вокруг пальца хочу,
обмануть одолживших мне деньги.

Предвод-ца облаков. Исполненья дождешься
стремлений своих. Старичок, ты немного
просишь.

Передай же себя, ничего не страшась, нашим
верным, испытанным слугам.

Стрепсиад. Так и сделаю. Вам доверяюсь во всем.

Не охота, нужда меня гонит;

Жеребцы вороные, кобылы с клеймом и
женитьба меня разорили.

Как хотите, со мной поступайте теперь.

Я согласен на все.

Вам вверяю я тело и душу свою. 440.

Колотите, дерите, держите без сна,

Рвите заживо, трите, морите меня!

Мне бы только словчить и долгов не
платить,

А потом пусть народ называет меня

Негодяем, нахалом, шутом, наглецом,

Шарлатаном, буяном, судейским
крючком,
Надувалой, громилой, бузилой, шпиком,
Срамником, скопидомом, сутягой, лгуном,
Забиякой, задирой, бахвалом, клещом,
Подлипалой, прожженным, паршей,
подлецом!

450. Приживалом, плутом!
Пусть прохожие так окликают меня,
Как хотят, так пускай и поносят меня,
Пусть меня, если надо, Деметрой клянусь,
Изотрут в колбасу
И на ужин дадут мудролюбцам!

СОКРАТ. Что решил, решил он крепко,
Не робея, пламенея.
Твердо знай:

460. Нашу науку осилив до неба прославлен
Меж людей ты будешь.

СТРЕПСИАД. Что ж делать мне?

СОКРАТ. Со мной проводи свои дни!
Завиднейшей жизнью
Жить начнешь отныне.

СТРЕПСИАД. Будет успех?

Счастье, удачу увижу?

СОКРАТ. Будут теперь тесниться у двери твоей
Пришельцев толпы,

470. Мудрость твою вопрошая, дружбы с тобой
ожидаю,
В путаных тяжбах своих, в делах опасных
Лишь от тебя добиваясь помощь добыть
и совет.

ПРЕДВОД-ца облаков. Так начни ж, как обычно; возьми
старика в предварительное
обученье,
Испытай его разум, сноровку узнай, остроумие,
память изведай!

- СОКРАТ. Начнем же! Опиши мне самого себя.
Чтоб, нрав твой изучивши, мог надежнее
Уловками поближе подойти к тебе. 480.
- СТРЕПСИАД. Ты на меня готовишь приступ! Зевс⁹
отец!
- СОКРАТ. Ничуть! Порасспросить тебя мне хочется.
Ты памятлив, скажи?
- СТРЕПСИАД. С двойною памятью,
Когда должны мне, помню замечательно,
А должен я, — разиня, забываю в миг.
- СОКРАТ. Есть у тебя склонность к красноречию?
- СТРЕПСИАД. К двуречию скорей, чем к красноречию.
- СОКРАТ. Как станешь ты учиться?
- СТРЕПСИАД. Ничего, сойдет!
- СОКРАТ. Теперь вопрос из области возвышенной
Тебе поставлю. На лету хватай его! 490.
- СТРЕПСИАД. Хватать? Как пса, ты хочешь натаскать
меня!
- СОКРАТ. Тяжелый случай! Глуп он и невежествен.
Боюсь, старик, понадобятся розги нам,
Чем на побои ты ответишь?
- СТРЕПСИАД. Дамся бить.
Немного жду, друзей зову в свидетели,
Еще немного, — в суд тащу обидчика.
- СОКРАТ. Снимай накидку!
- СТРЕПСИАД. Разве провинился я?
- СОКРАТ. Нет. Голыми заведено входить сюда.
- СТРЕПСИАД. Но я же не для обыска в твой дом иду.
- СОКРАТ. Снимай! Болтать довольно.
- СТРЕПСИАД. Мне одно скажи: 500.
Когда прилежен и усерден буду я,
Кому я уподоблюсь из учащихся?
- СОКРАТ. На Хэрефонта будешь ты во всем похож.
- СТРЕПСИАД. Беда, беда мне! Полутрупом сделаюсь!
- СОКРАТ. Не смей болтать! За мной иди и слушайся!
Сюда скорее!

СТРЕПСИАД. В руки мне вложи сперва
Медовую коврижку. Замираю я.
Мой бог! В пещеру я схожу Трофония.
СОКРАТ. Входи, входи! Чего у двери ежишься?

(СОКРАТ И СТРЕПСИАД ВХОДЯТ В МЫСЛИЛЬНЮ.)

ЧЕТА ВТОРАЯ.

БОЛЬШАЯ ПАРАБАЗА.

510. ПРЕДВОД-ЦА ОБЛАКОВ. Так иди же на радость! Есть
воля в тебе

И отважная мысль.

Будет пускай удача с ним!

Он, не глядя на старость,
Не побоясь плечи своей, тяжелый груз новых
наук

Хочет вместить в череп седой,

Хочет постигнуть мудрость.

Зрители, хочу говорить с вами откровенно я,
Искренне. Свидетелем мне — мой кормилец
Дионис!

520. Так же как к победе стремлюсь к славе,
и к удаче я,

Так же вас считаю, друзья, за людей

понятливых.

И игру вот эту мою лучшей среди всех других.
Вам уж я однажды ее предложил. Трудней
всего

Мне она досталась, и что ж? Пред толпою
грубою

Незаслуженный потерпел я провал. Виной тому
Вы, толковые, знатоки! Ради вас старался я.
Все ж предать я вас не хочу, люди с
пониманием.

Ведь и прежде много похвал, зрители разумные,
„Добрый“ мой и „ветренный брат“ слышали
из ваших уст.

Был тогда, как девушка я, не пристало мне
рожать

530.

И пришлось подкинуть дитя, увидеть в чужих
руках.

Вы его вскормили тогда бережно и ласково.
С этих пор надежда на вас выросла в груди
моей.

Как Электра мчится сейчас к вам моя комедия,
Ждет и ищет:—зрителей тех нет ли здесь
понятливых?

В миг узнает,—только б найти,—брата кудри
милые.

Как пристойны нравы ее, сами поглядите вы:—
Твердой кожи плотный кусок не подвешен
спереди,

Сверху — красный, толстый, большой, детям
на посмешище.

Шуток здесь над лысыми нет, плясок нету
кордака,

540.

Здесь старик, стихи бормоча, палкой
собеседника

Не колотит, чтобы прикрыть соль острот
подмоченных.

Не кричат здесь „горе, беда!“, с факелом не
бегают.

Верит в силу песен своих и в себя комедия.
Вот и я хоть славен везде, длинных не рощу
волос.

За новинку выдав старье, надувать не стану
вас.

Только с новым вымыслом к вам прихожу я
каждый год.

Был когда-то грозен Клеон, я по брюху бил его.

550.

Но когда упал он ничком, я не тронул павшего.
Эти ж, только раз сплеховать стоило

Гиперболу,

Затолкали на смерть плута, да в придачу мать
его.

Первым Евполид забежал, „Мариканта“ вывел
он,

Подлый подло он обокрал наших славных
„Всадников“,

Пьяную старуху приплел, вот и все, для
кордака.

А старуху Фриних давно на съедение рыбам
дал.

Тут к нему Гермипп подскочил, облевал
Гипербола.

Подбежали прочие все, чтоб лягнуть
Гипербола.

В мутных водах ловят они, словом говоря моим,
Тот, кто любит шуточки их, на мои не
смотрит пусть,

560.

Если ж я, и речи мои вам теперь понравятся,
Прослывете вы навсегда судьями разумными.

ОДА.

Первое полухорие.

В небе высоком грозного

Зевса, богов властителя

В хор наш зовем мы первым.

С ним и тебя, трезубца царь,

Бог — великан,

Синего моря и земли

Яростный колебатель!

Славного кличем родителя нашего,

570.

Вечный Эфир, тебя, жизнь сохраняющий в мире!

С ним и тебя, пламенный бог,

АНТОДА.

ВТОРОЕ ПОЛУХОРИЕ.

600.

Феб господин, приди и ты,
Делоса царь, владыка круч
Высокогорных Кинфа!
Ты, что в Эфесе, в золотом
Доме живешь,
Горняя, с нами будь! Тебе
Девы Лидийцев служат.
С нами будь, наша родная, владычица,
Горододержица, с грозной Эгидой, Афина!
Ты, что хранишь горный Парнас,
В блеске пляши смольных костров,
О, Дионис, веселый бог,
Вождь вакханок Дельфийских!

АНТЭПИРРЕМА.

Предводитель второго полухория.

610.

К вам итти мы собирались, да Селена на пути
Повстречалась нам и вот, что вам велела
передать.
И Афинам и друзьям их низкий шлет она поклон.
Но на вас она сердита: вы обидели ее.
Хоть не на словах, на деле помогает вам она.
Мало ль драхм вам каждый месяц сберегает
лунный свет?
Из дому идя под вечер, говорите вы не зря:
„Факелов не покупай мне! Светит месяц
в вышине“.
И других услуг немало вам оказывает. Вы ж
Дней ее ничуть не чтите, повернули все вверх
дном.
Боги злобно ей грозятся (жалуется нам она)
Всякий раз, когда вернутся, жертву прозевав,
домой.

Счет они ведут привычный срокам праздников
своих.

Вы же в дни для жертв и песен занимаетесь
судом.

620.

А случается, что в сроки наших божеских
постов

В день кончины Сарпедона, в Мемнона
печальный день,

Вы приносите нам жертвы и смеетесь. Вот
за то

Гипербол, когда священным выбрали его
послом,

Год назад, по воле божьей потерял венки.

Теперь

Знать он будет, что по лунам надо году счет
вести.

ЧЕТА ТРЕТЬЯ.

ЭПИРРЕМА.

(Выходит Сократ. За ним Стрепсиад.)

СОКРАТ. Клянусь Хаосом, Испареньем, Воздухом,
Глупца такого я еще не видывал,
Такого простофилю, никудышника.

Зубря несчастных рассуждений несколько,

630.

Все позабыл он, не успевши вызубрить.

Сейчас сюда, за дверь его я вызову.

Эй, Стрепсиад, иди и выноси постель!

СТРЕПСИАД (показывается голый). Ой, не могу! Клопы не
отпускают. Ой!

СОКРАТ. Неси скорей и будь прилежен.

СТРЕПСИАД (выходит). Вот, принес.

СОКРАТ. С чего же мы приступим к изучению

Тех тайн, которых раньше ты совсем не знал?

С размеров, с диалогов, иль с ладов, — скажи?

- СТРЕПСИАД. По мне, начнем с размеров. Вот недавно лишь
640. Надул меня торговец на две меры ржи.
- СОКРАТ. Не в этом дело: отвечай, какой размер,
 Трехмерный иль четырехмерный любишь ты.
- СТРЕПСИАД. Я — четверик. Четыре меры полные.
- СОКРАТ. Болтаешь вздор.
- СТРЕПСИАД. Уж в этом, извини меня!
 В четверике четыре меры. Кончено!
- СОКРАТ. Пошел к воронам, груб и не отесан ты!
 Ладами мы займемся, их усвой сперва!
- СТРЕПСИАД. На хлеб насущный чем лады помогут мне?
650. СОКРАТ. Ты ладным быть научишься в сношениях.
 Лады сумеешь различать, военный лад,
 И плясовой, и конный, и на пальчиках.
- СТРЕПСИАД. На пальчиках?
- СОКРАТ. Ну да.
- СТРЕПСИАД. Отлично знаю.
- СОКРАТ. Ну!
- СТРЕПСИАД. Вот — пальчик. Этот лад давно я выучил.
 Забыл когда, еще мальчишкой маленьким.
- СОКРАТ. Мужик, невежда!
- СТРЕПСИАД. Бросим это, миленький!
 Таким вещам учиться не хочу!
- СОКРАТ. Чему ж?
- СТРЕПСИАД. Скорее кривде, кривде научи меня!
- СОКРАТ. Сперва другому научиться должен ты.
 Кто из животных мужеского пола. А?
660. СТРЕПСИАД. Кто мужеского. Знаю, не сошел с ума.
 Козел, кобель, жеребчик, хряк, баран, фазан.
- СОКРАТ. Вот видишь, вздор несешь ты. Ведь и самочку,
 Как и самца, фазаном называешь ты?
- СТРЕПСИАД. Да, Посидон свидетель, как же иначе?
- СОКРАТ. Зови „фазыней“. А самца — „фазелезем“.
- СТРЕПСИАД. „Фазыня“? — Превосходно. Испареньями
 Клянусь, за это лишь одно учение
 Тебе мукой наполню я корзину.

СОКРАТ. Стой!

Ты говоришь „корзина“, рода женского. 670.

Не крепче ль по-мужски сказать: „корзан“ —

СТРЕПСИАД. Корзан?

Но почему ж „корзан“?

СОКРАТ. Ну, как „фазан“. А то,

Как „Клеоним“.

СТРЕПСИАД. Как Клеоним? — При чем это?

СОКРАТ. Фазан, корзан и Клеоним, — все родственно.

СТРЕПСИАД. Ну нет, корзины мало для Клеонима.

В корыте, в бочке месит он жратву себе.

Но как же говорить теперь мне?

СОКРАТ. Сказано.

Корзан — фазан. Корзина и фазыня. Вот!

СТРЕПСИАД. Корзан — фазыня.

СОКРАТ. Будет это правильно.

СТРЕПСИАД. Корзина, Клеонима, — рода женского. 680.

СОКРАТ. Теперь об именах закончим собственных.

Мужские имена пройдем и женские.

СТРЕПСИАД. Да знаю я про женские.

СОКРАТ. А ну, скажи.

СТРЕПСИАД. Геро, Лизилла, Миррия, Деметрия.

СОКРАТ. Теперь мужские назови мне. —

СТРЕПСИАД. Сотни их.

Ну, Филоксен, Милесия, Аминия,

СОКРАТ. Да это ж не мужские имена совсем.

СТРЕПСИАД. Как не мужские? Вот ты как!

СОКРАТ. Конечно, так.

Ну как ты скажешь, чтоб пришел Аминия.

СТРЕПСИАД. „Сюда, сюда“ я позову Аминию. 690.

СОКРАТ. Вот видишь, кличешь женщину, Аминию.

СТРЕПСИАД. И верно: трус он, потому и женщина.

Тому, что всем известно, не учи меня.

СОКРАТ. Так ляг сюда и растянись!

СТРЕПСИАД. Зачем это?

СОКРАТ. В природу погружайся самого себя.

СТРЕПСИАД. Не здесь прошу, не на лежанке, миленький,
Уж на земле я лучше погружусь.

СОКРАТ. Нет, нет!

Нельзя иначе!

СТРЕПСИАД. Горе мне! Несчастный я!

Клопам сегодня уплачу я пошлину.

(СОКРАТ уходит в мыслильню. СТРЕПСИАД ложится.)

ОДА.

700. ПЕРВОЕ ПОЛУХОРИЕ. Будь молодцом, будь остряком,
Вывернись весь наружу!

Грызи науку!

Когда же будет побеждать отчаяние,

Скачи отважно

К другим размышленьям; пусть глаз твоих

Сон — утешитель бежит!

СТРЕПСИАД. Ай, ай, ай, ай, айайай!

ПРЕДВОД-ЦА ОБЛАКОВ. Чем болен, что мучит?

СТРЕПСИАД (катается, закутавшись в плащ). Погиб, погиб я,
бедный! Вот впились в меня

710. Из-под лежанки выползшие конники.

И бока раздирают и гложут нутро,

И сосут мою душу, и пьют мою кровь,

И нежнейшие скрытые части грызут,

И по теплым потайным проходам ползут,

И живьем меня жрут.

ПРЕДВОД-ЦА ОБЛАКОВ. Не вопи через меру, без меры
не вой!

СТРЕПСИАД. Как же быть? Как же жить?

Где именье — ау! Где здоровье — ау!

Где покой мой — ау! Где подметки — ау!

720. В довершенье всего, в заключение бед,

Погибаю без сна,

Скоро буду и сам я — аушки!

СОКРАТ (выходит из мыслильни).

АНТЭПИРРЕМА.

Эй-эй, старик. Ты размышляешь?

СТРЕПСИАД. Я? Ну да,

Свидетель Зевс!

СОКРАТ. О чем же поразмыслил ты?

СТРЕПСИАД. О том, спасу ли от клопов хоть что-нибудь.

СОКРАТ. Чтоб ты пропал!

СТРЕПСИАД. Голубчик, я уже пропал!

СОКРАТ. Не унывай! Залезь в накидку по уши.

Прием измысли мне опровергающий,

И опорочь улики.

СТРЕПСИАД (про себя). Как измыслить мне

Из этих дыр порок опровергающий?

730.

(Пауза.)

СОКРАТ. Теперь посмотрим, что бедняга делает

(Раскрывает плащ над Стрепсиадом.)

Эй, эй, ты спишь?

СТРЕПСИАД. Свидетель Феб, не думаю.

СОКРАТ. Ну что поймал?

СТРЕПСИАД. Ах, нет еще!

СОКРАТ. Как нет еще?

СТРЕПСИАД. Поймал вот этот хвостик в руку правую!

СОКРАТ. Закройся вновь, продолжи размышления.

СТРЕПСИАД. О чем же размышлять мне, расскажи,

Сократ?

СОКРАТ. Чего желаешь, для начала сам скажи.

СТРЕПСИАД. Чего хочу, ты слышал сотню тысяч раз.

Вся суть в долгах; платить долгов не хочется. 740.

СОКРАТ. Плащом закройся! Основную мысль найди,

Развей ее и расчлени по косточкам,

Определи и сопряги!

СТРЕПСИАД. Несчастный я!

СОКРАТ. Не шевелись. Когда же в рассуждениях

Заблудишься, оставь их, после вновь вернись,

Накинись, ухвати и осторожно взвесь,

СТРЕПСИАД. Сократушка, голубчик!

СОКРАТ. Что тебе, старик?

СТРЕПСИАД. Нашел я мысль насчет долгов обманную!

СОКРАТ. Развей ее!

СТРЕПСИАД. Скажи, что если...

СОКРАТ. Если что?

СТРЕПСИАД. Что, если я колдунью Фессалиянку

750.

Найму, и месяц в час ночной с небес сведу,

И в круглом сундуке запрячу накрепко,

Как зеркало, и буду сторожить его?

СОКРАТ. А польза в чем от этого?

СТРЕПСИАД. А польза в чем?

Пока всходить не будет месяц на небо,

Лихвы, долгов, не стану я платить.

СОКРАТ. Да ну?

СТРЕПСИАД. Ну да. По месяцам растет лихва моя.

СОКРАТ. Отлично. Вот другое предложу тебе:

Когда предъявят иск к тебе в талантов пять,

Его ты как сумеешь устранить, скажи?

760. СТРЕПСИАД. Не знаю как. Не знаю. Поищу, найду.

(Размышляет.)

СОКРАТ. Сжимать чрезмерно разум ты не должен свой,

Направь свободно мысль свою по воздуху,

Как стрекозу, привязанную за ногу.

СТРЕПСИАД. Нашел, нашел, как хитро уничтожить иск!

Меня ты сам похвалишь!

СОКРАТ. Что ж придумал ты?

СТРЕПСИАД. У лекарей такой видал ты камешек,

Красивый и прозрачный, добывают им

Огонь они.

СОКРАТ. Ты говоришь о стеклышке?

СТРЕПСИАД. Ну да! Что если я добуду стеклышко

770.

И, подождав пока напишет иск писец,

В сторонке стану, солнечный поймаю луч

И растоплю в руках писца ходатайство?

СОКРАТ. Харитами клянусь я, ловко!

СТРЕПСИАД. Счастлив я,
Что в пять талантов уничтожил жалобу.

СОКРАТ. Возьмись теперь проворней за другое!

СТРЕПСИАД. Ну?

СОКРАТ. Как от истца ты будешь защищать себя,
Ни права не имея, ни свидетелей?

СТРЕПСИАД. Пустое, только плюнуть!

СОКРАТ. Так скажи!

СТРЕПСИАД. Скажу.

Когда до дела моего останется

Один лишь иск, пойду и удавлюсь.

780.

СОКРАТ. Дурак!

СТРЕПСИАД. Клянусь богами всеми, так и сделаю!

К удушеннику кто ж предъявит жалобу?

СОКРАТ. Все вздор! Иди! Тебя учить не стану я.

СТРЕПСИАД. За что ж? Сократ! Ради богов, прости
меня!

СОКРАТ. Что выучил, сейчас же забываешь ты.

Ну вот, скажи, что первым проходили мы?

СТРЕПСИАД. Что первым? Ах, припомнить! Что же
первым? Что?

Как звать ее, в чем хлеб пекут, ту самую...

Ой-ой! Ну как же звать ее?

СОКРАТ. Пошел к чертям!

Глупейший старикашка и забывчивый!

790.

СТРЕПСИАД. Беда, беда мне! Что со мною станется?

Погиб я, не умею языком молоть!

Вы, облака, богини, помогите мне!

Предвод-ца облаков. Старик, тебе мы вот что

посоветуем:

Когда толковый, взрослый у тебя есть сын,

Взамен себя пошли его в учение.

СТРЕПСИАД. Есть у меня сыночек, ладно скроенный,

Да не желает он учиться. Горе мне!

Предвод-ца облаков. И все ж ты терпишь?

СТРЕПСИАД. Крепок и отважен он.

800.

По матери из рода легкомысленных.

Пойду за ним, а если не послушает,

Так выгоню из дома обязательно.

(К СОКРАТУ.) Зайди в свой дом и подожди
немножечко!

(Уходит.)

АНТОДА.

ВТОРОЕ ПОЛУХОРИЕ. (К СОКРАТУ.) Видишь теперь,
сколько от нас
Блага тебе. Другие

Бессильны боги.

На все он согласен. Тебе во всем

Теперь послушен.

Свихнулся он, закружился он,

810.

Разум теряет явственно.

Рви же его, крепче щипли, шкуру дери,

Не зевай! Спеш! В деле таком

Все изменяет случай.

(СТРЕПСИАД И ФИДИППИД ВЫХОДЯТ ИЗ ДОМУ.)

СТРЕПСИАД. Клянусь туманом, в доме не останешься.

Ступай! Столбы грызи Мегакла дядюшки!

ФИДИППИД. Чудак! Отец! Каким шмелем ужален ты?

Ты не в себе. Свидетель — Олимпийский Зевс!

СТРЕПСИАД. „Зевс Олимпийский“? Ой, ой, ой! Вот

глупости!

Такой большой детина в бога верует!

ФИДИППИД. Чего же ты смеешься?

820.

СТРЕПСИАД. Над тобой смеюсь:

Младенчик ты, и веришь басням нянькиным.

Но подойди. Сейчас узнаешь важное;

Скажу тебе я что-то — сразу вырастешь.

Зато другим об этом ни гугу, ни-ни!

ФИДИППИД. Ну, говори! В чем дело?

- СТРЕПСИАД. Зевсом клялся ты?
- Фидиппид. Да, клялся.
- СТРЕПСИАД. Видишь, как важно учение:
Нет никакого Зевса, мой сынок. Царит
Какой-то Вихрь. А Зевса он давно прогнал.
- Фидиппид. Ай-ай! Вот вздор!
- СТРЕПСИАД. Поверь мне, это правильно.
- Фидиппид. Да кто сказал?
- СТРЕПСИАД. Сократ, безбожник с Мелоса 830.
И Хэрефонт, прыжок блохи исчисливший.
- Фидиппид. Так далеко зашел ты в помешательстве,
Что веришь людям, бешеным от желчи?
- СТРЕПСИАД. Цыц!
Не смей бранить людей достойных, доблестных,
Умнейших. Из-за строгой бережливости
Никто из них не мажется, не бреется,
Не ходит в баню мыться. Ты ж добро мое
Собрался смылить, словно б я в гробу лежал.
Иди ж туда и за меня урок возьми!
- Фидиппид. Чему ж там можно научиться доброму? 840.
- СТРЕПСИАД. Ах, так! — Всему, что называют мудростью.
Поймешь, как неучен, как неотесан ты!
Но погоди немного. Я тотчас вернусь (входит
в дом).
- Фидиппид (один). Что делать мне? Родитель мой с ума
сошел.
Суду ли заявлю о слабоумии,
Гробовщику ль скажу, что уж готов старик?
- СТРЕПСИАД (выходит из дому с птицами под мышкой). Вот эту
птицу, как ты назовешь, скажи?
- Фидиппид. Фазан.
- СТРЕПСИАД. Отлично. Ну, а эту птицу как?
- Фидиппид. Фазан.
- СТРЕПСИАД. Смешно! Обеих одинаково?
Впредь говори иначе. Называй его 850.
Фазаном. А ее зови фазынею.

Фидиппид. Фазынею? Так вот каким премудростям
У этих великанов обучался ты!

Стрепсиад. И многому другому. Но одна беда:
По дряхлости все забываю тотчас же.

Фидиппид. Вот почему и плащ свой там посеял ты?

Стрепсиад. Нет не посеял, прогадал, промудрствовал.

Фидиппид. А туфли! Горемыка! Их куда ты дел?

Стрепсиад. Да как Перикл, „на надобности важные“.

860. Идем, спешим, скорее! После прихотям
Дашь волю, а сейчас отца послушайся!
(Уговаривает.) Младенцем был ты, лет шести,
лепечущим,

А я тебя послушался. За первый грош
Купил тебе тележку на Диасиях.

Фидиппид (уступая). Пускай! Но после тяжело
раскаешься.

Стрепсиад. Спасибо, что послушался (стучит в дверь мы-
слильни).

Сюда, сюда!

Сократ! К нам выйди! Сына я веду к тебе,
Хотя и против воли.

СОКРАТ (выходит). Он совсем дитя,
Он не вращался в областях возвышенных.

870. Фидиппид. Ты сам в петле возвышенной повертишься!

Стрепсиад (сыну). Пошел в болото! Проклинать
наставника?..

СОКРАТ (учительно). Вот, вот „петля“. Как грубо
произнес он: — „тля“ —

Язык прижат к гортани. Зубы стиснуты.
Как изучить ему опровержения,
Введенья, заключенья, обобщения? —

(А впрочем, за сто мин Гипербол выучил!)

Стрепсиад. Смелей! Учи! Он у меня понятливый.

Ребеночком еще таким вот крохотным
Кораблики лепил он, клеил домики,
880. Из дерева вырезывал повозочки,

А из козурок — лягушат. Что думаешь?
Смотри ж, речам обеим обучи его,
Правдивой, честной речи и кривым речам,
Которыми одолевают правые.

А нет, одной лишь кривде научи его!

СОКРАТ. Пусть Правда с Кривдой сами объяснят ему.
А я пойду.

СТРЕПСИАД. Так помни, знать обязан он,
Как побеждают кривдой правду всякую.

(Хор поет и пляшет.)

ЧЕТА ЧЕТВЕРТАЯ.

БОЛЬШОЙ АГОН.

(В корзинах, как боевых петухов, вносят Правду и Кривду.)

ПРАВДА. Появись, покажись! На народ погляди!
Пусть увидят тебя, как ты дерзок и нагл! 890.

КРИВДА. Я готов, выхожу. Вдвое легче тебя.
На глазах у людей я в речах погублю.

ПРАВДА. Ты погубишь? Ты кто?

КРИВДА. Речь.

ПРАВДА. Кривая, прибавь.

КРИВДА. Но тебя разобью. Хоть и правдой себя
Ты зовешь.

ПРАВДА. Разобьешь? Ухищреньем каким?

КРИВДА. Разущу, изыщу новых мыслей поток.

ПРАВДА. Процвetaют теперь эти мысли у них,
У безумных людей.

КРИВДА. У разумных людей.

ПРАВДА. Уничтожу тебя.

КРИВДА. Это чем, объясни?

ПРАВДА. Слово правды скажу.

КРИВДА. Опровергну тебя. 900.

Возражу, докажу, что по сути вещей
Правды нет никакой.

- ПРАВДА. Правды нет, говоришь?
- КРИВДА. Где ж она, расскажи!
- ПРАВДА. У всевышних богов.
- КРИВДА. Если правда не вздор, почему тогда Зевс
Не наказан? Ведь в цепи родного отца
Заковал он.
- ПРАВДА. Вот, вот, началась чепуха!
Распирает, тошнит! Дайте тазик скорей!
- КРИВДА. Ах, дубина, чурбан, старосветский чудак!
- ПРАВДА. Обнаглевший болван! Развращенный
дурак!
- КРИВДА. Сыплешь розы на грудь.
910. ПРАВДА. Площадной скоморох!
- КРИВДА. Фимиам мне куришь.
- ПРАВДА. Оскорбитель отца!
- КРИВДА. Сам не зная, покрыл меня золотом ты.
- ПРАВДА. Это золото прежде мы звали дерьмом.
- КРИВДА. Я ж зову украшеньем, ценнейшим венцом.
- ПРАВДА. Чтоб ты влип, медный лоб!
- КРИВДА. Старый гриб, старый гроб!
- ПРАВДА. Ты виною тому,
Что учиться подростки не ходят совсем.
Но узнают Афиняне все же, чему
Наставляешь и учишь ты глупый народ.
- КРИВДА. Как ты грязен и груб!
920. ПРАВДА. Ты ж — наряден, ты — люб!
А недавно еще побирался с сумой
И Мисийцем Телефом себя называл
И уныло жевал
Панделетовой мудрости крохи.
- КРИВДА. О разумная речь!
- ПРАВДА. О безумная речь!
- КРИВДА. Ты припомнил о ней.
- ПРАВДА. О твоей и о том,
Что народ тебя чтит
Развратителя юношей, язву страны.

КРИВДА (указывая на Фидиппида). Ты, беззубый, вот этого хочешь учить?

ПРАВДА. Да, затем, чтоб спасти и от зла сохранить, 930.
Чтоб в пустой болтовне не погряз он совсем.

КРИВДА (к Фидиппиду). Подойди ко мне, мальчик, на вздорного плюнь!

ПРАВДА. Берегись! Руки дальше от юноши! Прочь!

(Драка.)

ПРЕДВОД-ца облаков. Перестаньте браниться! Довольно кричать!

Покажи ему ты, как учил молодежь
В дни былые, ты ж прелести новых наук
Перед юным раскрой, чтоб, послушавши вас,
Он наставника выбрал по сердцу себе.

ПРАВДА. Я с охотой готов.

КРИВДА. Я не меньше готов.

ПРЕДВОД-ца облаков. Хорошо! Кто же первым начнет говорить? 940.

КРИВДА. Пусть начнет старичок!

Очень скоро запнется он в речи своей,
И под градом новейших словечек и слов,
Рассуждений, сомнений без сил упадет.
Напоследок, едва заикнется бедняк,
Налетят на него и вопьются в лицо
И в глаза и во все, словно рой шершеней
Мои мысли и на смерть зажалят!

ОДА.

ПЕРВОЕ ПОЛУХОРИЕ.

Теперь должны вы доказать
Ловких речей орудьем, 950.
Игрой ума, мыслей дождем,
Блеском суждений острых,
Кто из двоих в праве прослыть
Красноречья мастером.

Мудрость, сейчас вовлечена
В яростный ты, в тягостный бой.
Из-за тебя друзья мои
На поединок вышли.

ЭПИРРЕМА.

Педвод-ца облаков (к Правде). Ты, обычаи дедов
и нравы отцов увенчавший блестящей
хвалою,

Начинай, свой раскатистый голос возвысь,
изъясни свои мысли и душу!

960.

ПРАВДА. Расскажу вам о том, что когда-то у нас
воспитаньем звалось молодежи,
В те года, когда я, справедливости страж,
процветал, когда скромность царила.
Вот вам первое: плача и визга детей было
в городе вовсе не слышно.

Нет! Учтивою кучкою по улице шли
ребятишки села к кифаристу
В самых легких одеждах, хотя бы мукой
с неба падали снежные хлопья.

Приходили, садились, колен не скрестив, а
почтенный наставник учил их
Стародедовским песням: „Паллада в бою
воевода“ иль „Меди бряцанье“,
Запевая размеренно, строго и в лад, как отцы
и как деды певали.

Если б баловать кто-нибудь вздумал, дурить,
выводить переливы и свисты,
Как теперь это любят, Фринида лады,
безобразные трели, коленца,
Запищал бы под палкою шут.—Поделом! Не
бесчести святого искусства!

970.

А в гимнасии, сидя на солнце, в песке, чинно-
важно вытягивать ноги

Полагалось ребятам, чтоб глазу зевак срамоты
не открыть непристойно.

А вставали, и след свой тотчас же в песке
заметали, чтоб взглядам влюбленных

Очертание прелестей юных своих на нечистый
соблазн не оставить.

В дни минувшие маслом пониже пупа ни один
себе мальчик не мазал,

И курчавилась шерстка меж бедер у них,
словно первый пушок на гранате.

Не теснились к влюбленным мальчишки тогда,
лепеча, сладострастно воркуя,

Отдавая себя и улыбкою губ и игрой
похотливою взглядов. 980.

За обедом без спроса не смели они положить
себе редьки кусочек,

Сельдерея до старших стянуть со стола не
решались, ни лука головку.

В кулачок не смеялись, не крали сластей,
ногу за ногу накрест не клали...

Кривда. Стариковская чушь, Диполиева рвань, золотые
кузнечики дедов,

Завыванья Кикида, Буфоний базар!

Правда. Да, конечно. Но это та сила,
Из которой ростила наука моя поколенья
бойцов марафонских.

Ты ж, негодник, теперешних учишь юнцов
до ушей закрываться в хитоны.

Удавиться готов я, когда погляжу, как на
празднике Панафинейском

Щит на брюхе держа, выступают они, не
краснея пред Тритогией 990.

А поэтому, сын мой, мужайся: меня избери
себе в спутники, Правду!

Презирать ты научишься рыночный шум,
ненавидеть цирюльни и бани,

Безобразных поступков стыдиться, краснеть,
от насмешек — грозой загораться.

Перед старшими с места учтиво вставать,
уступая сиденье и кресло.

И почтительным сыном родителю быть, не
роптать, не ворчать и не вздорить.

Безрассудств избегать и стыдливости честь
не пятнать, не позорить развратом.

Перед дверью танцовщицы зря не стоять,
рот разинув, моля о вниманьи.

Чтобы яблока ласки добившись у ней, не
лишиться почета и славы.

И отцу ворчуну не перечить ни в чем, не
ругать его рухлядью старой,

И за долгие годы забот и трудов не платить
ему черствою злобой.

1000. Кривда. Дионисом клянусь, если вздорной его
болтовне ты поверишь, дружок мой!

Поросят Гиппократа напомним собой. Назо-
вут тебя соней и мямлей.

Правда. Да нисколько! Цветущим, блистающим, жизнь
проводить ты в гимнасии будешь,

А не то, чтоб на рынке, как нынче народ,
кувыркаться в словах и кривляться,

И мытариться зря, извиваясь крючком в
пересудах грошевых и тяжбах.

Нет! В тени Академии, в мирной тиши, в
тиховеющих рощах маслинных,

С камышевою зеленью в смуглых кудрях ты
гулять будешь с другом разумным.

Там цветет повилика, и манит досуг, и
трепещет серебряный тополь,

Там услышишь, как ясень весенней порой
перешептывается с платаном.

1010. Если добрые примешь советы мои,
И свой слух обратишь к наставленьям моим,

Будет, друг, у тебя —
Грудь сильна, как меха. Щеки — мака
алей.

Три аршина в плечах, за зубами язык.
Зад могуч и велик. Перед — мал да удал.
Если ж будешь по новым обычаям жить,
Заведешь ты себе восковое лицо,
Плечи щуплые, щучьи, тщедушную грудь,
Язычек без костей, зад цыплячий, больной,
Перед вялый, большой, болтовню без
конца,

Ты приучишь себя
Безобразно-постыдное — добрым
считать,

А добро — пустяком. 1020.

В заключение всех бед преисполнишься
весь
Антимаховым грязным паскудством.

АНТОДА.

Второе полухорие. Привет тебе, мудрых речей,
Славных святынь хранитель!
Из слов твоих сладким цветком скромность
и честь сияют.
Счастливы да, счастливы те, кто тебя знал
и ведал.

(К Кривде.) Ты же теперь,
Сложенных ловко мастер слов, 1030.
Будь изощрен: противник твой
Спор свой провел на славу!

АНТЭПИРРЕМА.

Предвод-ца облаков. Чудовищно искусным быть
теперь в речах ты должен,
Чтоб переспорить старика, себя не обесчестить.

Кривда. Давно уж жжет меня в груди, я весь как на
иголках.

Все рассуждения врага я разом опрокину.

Средь образованных затем меня прозвали
Кривдой,

Что прежде всех придумал я оспаривать
законы,

И правду криво толковать, и побеждать
неправдой.

1040.

А бочек с золотом литым не стоит это разве:
Кривой дорогой приводить к победе дело
слабых?

(К Фидиппиду.) Смотри, как опровергну вмиг
я все его советы!

Водой горячею тебе он запрещает мыться?

(К Правде.) В горячих банях что, скажи,
запретного находишь?

Правда. Я говорю, что бани — зло и для мужчин —
отрава.

Кривда. Остановись! Готов! Тебя уже держу я крепко.
Скажи из Зевсовых детей кого считаешь
лучшим,

Кто всех храбрей и всех сильней и больше
всех трудился?

Правда. Славней героя, чем Геракл, нет никого на
свете.

1050.

Кривда. Так! А „Геракловой“ зовем холодную мы воду?
А кто ж храбрее чем Геракл?

Правда. Вот, вот они увертки!

Вот то, что делает у нас подростков —
болтунами,

Гимнасий делает пустым и наполняет бани!

Кривда. На рынке говорящих речь, хулишь ты, я
хваляю их.

Когда бы рынки были злом, тогда б Гомер
не вывел

Витией — Нестора царя и остальных героев.

Перехожу теперь к речам. Велишь ты

молодежи

Не упражняться в них совсем. Я ж говорю

другое.

Велишь подростку скромным быть. Две

грубые ошибки!

1060.

Где ж видано, чтоб кто-нибудь стал через

скромность славен,

Силен, могуч? Ну докажи, ну научи иному!

Правда. И докажу. За скромный нрав Пелею меч

достался.

Кривда. Что? Меч? Великое добро бедняга заработал!

Не то Гипербол ламповщик. Талантов сто и

больше

Обманом, ложью он добыл. Меча ж не

заработал.

Правда. За скромный нрав свой получил Пелей Фе-

тиду в жены.

Кривда. Она ж и бросила его. Сбежала. Был он

скромник.

Был увалень. И не умел играть с ней ночью

темной.

По сердцу женщине наглец. А ты — беззубый

мерин!

1070

Смотри ж теперь, мой юный друг, к чему

приводит скромность

И скольких радостей себя из-за нее лишишь ты,

Жаркого, мальчиков, сластей, вина, костяшек,

женщин!

Без этих сладостей, скажи, зачем и жить на

свете?

Пусть! Перейду теперь к тому, к чему

влечет природа.

Влюблен ты, соблазнил жену, поспал, попался

мужу.

- Погиб ты на смерть. — Говорить ведь не умеешь. — Если ж со мной пойдешь — играй, целуй, блуди, природе следуй! Спокоен будь! Найдут тебя в постели, ты ответишь, Что ничего не согрешил. В пример возьмешь тут Зевса, И тот ведь уступал любви и обаянью женщин. Так как же — чадо праха, ты сильнее быть можешь бога?
- Правда. Когда ж оциплют там его и сзади редьку вставят, Питомец твой докажет чем, что он не из задастых?
- Кривда. Когда б и был задастым, что плохого в том.
- Правда. А я спрошу, что может быть постыднее?
- Кривда. Что скажешь, если докажу обратное?
- Правда. Что мне сказать? Все кончено!
- Кривда. Ответь же мне, В собраньи судьи из каких?
- Правда. Из толстозадых.
1090. Кривда. Правильно! Поэты в театре из каких?
- Правда. Из толстозадых.
- Кривда. Именно!
- Народоправцы из каких?
- Правда. Из толстозадых.
- Кривда. Видишь ли, Свою нелепость понял ты, Теперь из зрителей сочти, Кто — большинство? (Показывает на зрителей в амфитеатре.)
- Правда. Сейчас сочту.
- Кривда. Что ж видишь ты?

ПРАВДА. Клянусь богами, понял все.
Из толстозадых большинство.
Того я знаю и того,
И этого, вот там в кудрях.

1100.

КРИВДА. Что ж скажешь ты?

ПРАВДА. Девони, победили вы.

Ради богов,
Примите плащ мой, я бегу,

Я к вам перебегаю. (Убегает.)

СОКРАТ. Ну что ж, теперь обратно увести сынка
Желаешь, иль в науку мне отдашь его?

СТРЕПСИАД. Учи его, пори его. Старайся, друг,
Мальчишку наострить на обе челюсти,
Чтобы одною грыз он тяжбы мелкие,
Другую ж на большие наточил дела.

СОКРАТ. Спокоен будь! Искусником вернется он.

1110.

ФИДИППИД (в сторону). Ах нет, несчастным, тощим,
бледным, высохшим.

(Сократ уводит юношу в дом.)

ЧЕТА ПЯТАЯ.

МАЛАЯ ПАРАБАЗА.

ПРЕДВОД-ца облаков. Ступай домой, но мнится мне
После пожалеешь.

Судьи! Если по заслугам отличите вы наш хор,
Выгод тысячу найдете. Выслушайте нашу речь:
Первое: когда начнете вы поля свои пахать,
Первым вам мы дождь подарим, а соседям
уж потом.

Будем сад ваш и зеленый виноградник
охранять,

Чтобы зноем их не выжгло, градобоем не
смело. 1120.

Тот же смертный, кто в безумьи не уважит
нас, богов,
Вот послушайте, узнайте, сколько бед
претерпит он.
Пить вина уж он не будет, есть не будет
овощей,
Чуть в саду его маслины зацветут и
виноград,
Все завянет, тяжелой дробью из пращей
собьем мы цвет.
Кирпичи сушить захочет, хлынем на землю
дождем,
Все на кровле черепицы летним градом
расшибем.
Если ж свадьбу он затеет или родич или
друг,
До утра разверзнем хляби, так, что взмолится
бедняк,
Лучше б мне в Египтедохнуть, чем судить
кривым судом.

1130.

ЧЕТА ШЕСТАЯ.

„ПИРУШКА“.

ЭПИРРЕМА.

СТРЕПСИАД (с мешком выходит из дому).

До новолунья пятый и четвертый день,

И третий и второй и тот, которого

Боюсь и ненавижу и пугаюсь я:

За ним последний — „молодой и старый день“.

Заимодавцы клязу о взыскании

Пританам подадут, чтоб погубить меня.

Я ж буду их просить о снисхождении:

„Дружок с долгишком этим не тесни меня,

Тот — отложи, а тот — прости!“ — „Ни в жизнь
тогда

Не получу их“ — скажут, заругаются,

Судом пугая, обзовут мошенником. 1140.

Судите, сколько влезет! Мне и дела нет!

Кривым речам наверно обучен мой сын.

Сейчас узнаю. Постучусь в мыслильню. (Стучит.)

Эй!

Эй — эй, откройте!

СОКРАТ (появляется в дверях). Стрепсиад, привет тебе!

СТРЕПСИАД. (Отдает ему мешок.) Тебе привет! Подарок
от меня прими!

Уважить мы обязаны наставника.

Скажи мне, сына обучил ты речи той,

Которую недавно здесь показывал?

СОКРАТ. Да, обучил.

СТРЕПСИАД. Хвала тебе — мать каверза! 1150.

СОКРАТ. Теперь любую выиграешь тяжбу ты.

СТРЕПСИАД. А если в долг просил я при свидетелях?

СОКРАТ. Еще и лучше! Хоть при ста свидетелях!

СТРЕПСИАД. (Поет и пляшет.) Кричать, кричать буду я на
радостях.

Го-го-го-го-го! Смерть, заимодавцы, вам,

Полушкам вашим и лихве и прибылям!

Теперь меня ничем вы не ужалите!

Такой в моем доме растет

Чудный сын, диковинный сын.

На два он языка остер. 1160.

Хранитель мой, отца оплот, врагов чума.

Дома спаситель он от бесконечных бед.

(К Сократу.) Так поспеши ж за ними приведи сюда!

Дитя, сыночек!

Из дома выйди!

Здесь ждет родитель.

ФИДИППИД (высохший и бледный выходит в сопровождении Со-
крата).

СОКРАТ. Вот он, вот он, твой сын!

СТРЕПСИАД. Мой дружок, голубок.

СОКРАТ. Уведи его с собою. (Уходит.)

СТРЕПСИАД. А-я-я! Мой родной!

1170.

Ию! Ию!

Как рад я видеть эту кожу желтую.

Донос, крючок на ней так и написаны.

А на губах так и цветет родимое:

„Ты что сказал?“. Обиженного горький вид,

Хоть сам обидчик, добродетель кляузы,

И взгляд при этом истинно аттический.

Спаси теперь, как прежде погубил меня!

ФИДИППИД. Пред чем же страх?

СТРЕПСИАД. Перед „молодым и старым днем“.

1180. } ФИДИППИД. А что такое „молодой и старый день“?

СТРЕПСИАД. К суду меня потянут в этот самый день.

ФИДИППИД. Истцы отчалят с носом. Как же мыслимо,

Чтоб день один двумя бы днями сделался?

СТРЕПСИАД. Немыслимо?

ФИДИППИД. Конечно. Разве может быть

Старуха разом молодой девчонкою?

СТРЕПСИАД. Но так закон определил.

ФИДИППИД. Уверен я,

Закона дух остался скрыт.

СТРЕПСИАД. А дух каков?

ФИДИППИД. Старик Солон любил народ поистине.

СТРЕПСИАД. Но здесь при чем же „молодой и старый

1190.

день“?

ФИДИППИД. Определил для жалоб двое суток он;

День старый, а за ним день молодой, чтоб суд

На новолуние начал разбирательство.

СТРЕПСИАД. А для чего ж тут старый день?

ФИДИППИД. Затем, чудак,

Чтоб накануне доброю охотою

Договориться мог истец с ответчиком.

А нет, так в суд подать на новолуние.

СТРЕПСИАД. Так почему ж и в новолунье денежки
Берет притан и в „молодой и в старый день“.

ФИДИППИД. Как пробник поступает он, по-моему.

Чтоб поскорее прикарманить денежки,

Он накануне их, как жертву пробует.

1200.

СТРЕПСИАД. Отлично. (К зрителям.) Вы, глупцы, чего
установились?

Добыча для ученых, стадо темное,

Толпа не больше, камни, кружки битые!

За здравие мое и сына умника

Сейчас спою я праздничную песенку.

(Поет.) „Счастливец ты, Стрепсиад!

И сам хитро, ловко жил,

Сыночка-хитреца родил“ —

Так будут мне петь друзья,

Соседи петь,

Завидуя, что в тяжбах всех

1210.

Побеждает твой язык.

Войдем же в дом. Тебя я угостить хочу.

(Входят в дом.)

АНТЭПИРРЕМА.

ПАСИЙ-СОСЕД (входит со свидетелем).

Добро свое годится ли растрачивать?

Да ни за что! А право лучше было бы

Прогнать его тогда ж, чем в тяжбу

впутаться.

А что теперь? Из-за своих же денежек

Тебя тащу свидетелем, к тому ж еще

Врагом соседу стану стародавнему.

И все-таки, не посрамлю отечества,

1220.

Покуда жив. (Кричит.) — Эй, Стрепсиада в суд
зову.

СТРЕПСИАД (выходит, навеселе). Тебе чего?

ПАСИЙ. „На молодой и старый день“.

СТРЕПСИАД (к свидетелю). Свидетель будь: два дня
назвал он. Суд зачем?

ПАСИЙ. Двенадцать мин ты должен за саврасого
Коня.

СТРЕПСИАД. Коня? Чудесно. Ясно слышали?

Ведь знают все, что коней ненавижу я.

ПАСИЙ. Долг возвратить клялся ты Зевса именем.

СТРЕПСИАД. Свидетель Зевс, в то время ведь не знал
еще

Сынок мой кривды, все опровергающей.

1230. ПАСИЙ. Теперь от долга отпираться думаешь?

СТРЕПСИАД. А для чего ж другого нам учение?

ПАСИЙ. А если в суд пойдем мы, отречешься ты,
Зовя богов в свидетели?

СТРЕПСИАД. Каких богов?

ПАСИЙ. Гермеса, Зевса, Посидона.

СТРЕПСИАД. Видит Зевс,
И поклянусь и три гроша в придачу дам!

ПАСИЙ. Так пусть чума возьмет тебя, бесстыдного!

СТРЕПСИАД (разглядывая Пасия). Посыпать солью, выйдет
мех отличнейший.

ПАСИЙ. Смеешься надо мною?

СТРЕПСИАД (так же). На шесть ведер мех!

ПАСИЙ. Великий Зевс и боги мне свидетели,

Так не уйдешь ты!

1240. СТРЕПСИАД. Презанятно! Зевсом ты
Клянешься и богами, знатокам на смех!

ПАСИЙ. За это все ответишь мне современем.

Сейчас же говори, отдашь мне денежки
Иль мне судиться?

СТРЕПСИАД. Подожди немножечко.

Сейчас тебе наверняка отвечу я.

(Уходит в дом.)

ПАСИЙ (к свидетелю). Что сделает, как думаешь? Отдаст
мне долг?

СТРЕПСИАД (возвращается с корзиной).

Где тот, кто денег требует с меня? Скажи,
Вот это что?

ПАСИЙ. Корзина, дело ясное.

СТРЕПСИАД. Такой безмозглый дурень денег требует!

Не дам я ни полушки полоумному,

1250.

Корзан, мой бог, зовущему корзиною.

ПАСИЙ. Что? Не отдашь?

СТРЕПСИАД. Нимало, как мне кажется,

А ты не затрудняйся, убирайся прочь

От двери!

ПАСИЙ. Ухожу. Но знай, к пританам я

Иду, подам к уплате, если буду жив. (Уходит.)

СТРЕПСИАД (вслед уходящему Пасию). Побольше потеряешь,
чем двенадцать мин!

А я тебе, поверь мне, не желаю зла,

Хоть и назвал ты зря корзан—корзиною.

АМИНИЙ-СОСЕД (входит). Ай-ай-ай-ай!

СТРЕПСИАД. Эге!

Кто здесь вопит так горько? Не божок ли то 1260.

Заголосил, отродье рака—Каркина.

АМИНИЙ. Чтò я? Ктò я?—узнать вам это хочется?

Я несчастливец!

СТРЕПСИАД. Так иди путем своим!

АМИНИЙ. О бог суровый! Рок оседробительный!

Моя упряжка... О Паллада! Горе мне!

СТРЕПСИАД. „Но чем тебя обидел Тлеполем, скажи?“

АМИНИЙ. Почтеннейший, не смейся! Прикажи, прошу,

Чтобы вернул мне деньги поскорей твой сын.

Давно я жду, к тому ж сейчас в несчастьи.

СТРЕПСИАД. Какие ж это деньги?

АМИНИЙ. Те, что должен он.

1270.

СТРЕПСИАД. Дела твои прескверны, как мне кажется.

АМИНИЙ. Свидетель бог, свалился с колесницы я.

СТРЕПСИАД. А мелешь вздор, как будто бы с осла упал.

АМИНИЙ. Как вздор? Хочу я деньги получить свои.

СТРЕПСИАД. Ты не в своем рассудке. Это ясно.

АМИНИЙ. Что?

СТРЕПСИАД. Всего вернее—мозга сотрясение.]

АМИНИЙ. Всего верней, пойдешь ты в суд, свидетель
Зевс,

Когда долгов не возвратишь!

СТРЕПСИАД. Скажи мне, друг,

1280.

Как думаешь, для ливней воду свежую
Зевс достает иль, силой солнца, старая
Вода обратно на небо взбирается?

АМИНИЙ. Не знаю. И нисколько не желаю знать.

СТРЕПСИАД. А правомочен разве деньги требовать
Невежда в философии и в физике?

АМИНИЙ. Раз денег мало, ты бы хоть лихву на долг
Отдал мне.

СТРЕПСИАД. Что за зверь такой—лихва, скажи?

АМИНИЙ. А если с каждым месяцем и с каждым днем
Все больше возрастает—возрастает долг,
Пока проходит время.

СТРЕПСИАД. Верно сказано.

1290.

Скажи, а море, что оно, по-твоему,
Растет или все то же?

АМИНИЙ. То же, думаю.

Ему расти не подобает.

СТРЕПСИАД. Бедненький!

Да если море, с столькими притоками,
Не возрастает, как же ты надеешься,
Чтобы твои нежданно деньги выросли!

Ступай, катись! Подальше от дверей моих.

(Рабу.) Стрекало дай мне!

АМИНИЙ (к зрителям). Вас зову в свидетели.

1300.

СТРЕПСИАД. Но-но! не стой, но, трогай, торопись,
саврас!

АМИНИЙ. Ну не бесстыдство ль это?

СТРЕПСИАД. Торопись! Не то

Под хвост стрекалом, сивка подбодрю тебя.

(Бьет его, Аминий бежит.) Бежит! А я бы двинул,
раскатал тебя
С колесами, осями и заклепками.

(СТРЕПСИАД входит в дом.)

ОДА.

Первое полухорие. Сутяжничать, сквалыжничать —

Большое зло.

Упрямый старичок

Решил зажать, не отдавать

Добра и денег, взятых в долг.

А все-таки сегодня же

Приключатся новости.

И кудесник наш, затеявший обман,

За плутни все, за все грехи.

Расплатится жестоко.

1310.

АНТОДА.

Второе полухорие. Боюсь я то, чего искал,

Чего желал,

Сегодня он найдет.

Ужасен в споре сын его,

Опровергать, изобличать

Неправдою умеет он.

Всяких собеседников

Переспорит трижды лживой болтовней,

Но скоро, скоро взмолится

Старик, чтоб онемел он.

1320.

ЧЕТА СЕДЬМАЯ.

МАЛЫЙ АГОН.

СТРЕПСИАД (выбегает из дома, преследуемый Фидиппидом.)

Увы! Увы!

Соседи! Домочадцы и приятели!

Спасите! Бьют! Бегите, помогите мне!

О голова седая! щеки старые!

Отца ты бьешь, негодник?

Фидиппид. Да, отца я бью.

СТРЕПСИАД (к зрителям). Он признает, что бил меня, вы видите!

Фидиппид. Ну да!

СТРЕПСИАД. Злодей, отцеубийца, висельник!

Фидиппид. Еще, еще брани меня, хули меня!

Но знай, купаюсь я в твоих ругательствах.

СТРЕПСИАД. Распутник!

1330. Фидиппид. Сыпь мне розы, золоти меня!

СТРЕПСИАД. Отца ты бьешь?

Фидиппид. Ну да, и докажу тебе,

Что бил по праву.

СТРЕПСИАД. Вот как, пес негоднейший!

Да кто ж дал право сыну бить родителя?

Фидиппид. Послушай, что скажу я, убедишься сам.

СТРЕПСИАД. Да что ты мне докажешь?

Фидиппид. Очень многое.

Какою речью говорить мне, выбери!

СТРЕПСИАД. Какою речью?

Фидиппид. Да, кривой или правою!

СТРЕПСИАД. На то ль тебя учил я, окаянейший,

Опровергать законы, чтоб так каверзно

Ты доказал, что нравственно и правильно

1340. Родному сыну избивать родителя?

Фидиппид. И докажу я все же правоту свою,

И ты со мною согласишься с радостью.

СТРЕПСИАД. Ну что ж сказать сумеешь ты, послушаю.

ОДА.

Первое полухорие. Подумай, позаботься, поспеши,
старик,

Врага переспорить.

Когда б в себя не верил он, наверное,
Не бил так бесстыдно.

На что-то он надеялся,—в словах его
И дерзость и сила.

1350.

ЭПИРРЕМА.

Предвод-ца облаков. Из-за чего и почему у вас
возникла тяжба

Пред хороводом объясни? Начни, не заминаясь!

Стрепсиад. Из-за чего и почему мы начали ругаться,
Вам расскажу. Мы за столом сидели, как
известно.

Тут в руку лиру взять его я попросил и песню
Поэта Симонида спеть: „Барашек, Крий,
попался“.

А он сказал, что песни петь за чашей, под
кифару,

Обычай устаревший, баб забота—мукомолок.

Фидиппид. Не прав ли был я, наскочив с руками и
с ногами

На старика? Заставить петь! Кузнечики мы,
что ли!

1360.

Стрепсиад. Вот те же самые повел и за столом он
речи,

Сказал к тому ж, что Симонид—писатель очень
скверный.

С трудом, но все-таки себя я удержал от
злости,

И, ветку миртовую взяв, прочесть мне из
Эсхила

Я попросил его. А он ответить не замедлил:

„Эсхила почитаю я первейшим из поэтов
По части шума, болтовни, нескладицы и
вздора“.

Вскипело сердце у меня, представите вы сами,

1370.

Но гнев я все же закусил, сказал: „тогда,
голубчик,
Из новых что-нибудь мне спой, из песен
философских“.

Из Еврипида говорить тут начал он, о брате
С родной сестрой, избави бог, бесстыдно
переспавшем.

Тут удержаться я не мог, накидываюсь в злости,
С проклятьем, с криком на него. Потом, как
и понятно,
На слово — слово, брань — на брань, он
вскакивает с места

И ну душить, и ну давить, и мять меня и
тискать!

Фидиппид. А не по праву, да? Признать готов ты
Еврипида

Мудрейшим из поэтов всех?

Стрепсиад. Мудрейшим? Ах ты — горе!

Как обругать тебя? Опять меня побьешь?

Фидиппид. За дело!

Стрепсиад. За дело? Ах, бесстыдник! Я ж вспоил тебя,
взлелеял,

1380.

Нескладный детский лепет твой отгадывать
умел я.

Едва ты пролепечешь: „И“ — тебе даю напиток,
А скажешь „мама“, на бегу леплю из хлеба
соску,

Кака — захочешь, тут как тут, тебя несу я
в сени,

Высаживаю там, а ты меня схватил за горло,

Хоть и кричал, хоть я пищал,

Хотел на двор, ты, негодяй,

Не пожалел, за дверь не снес,

Меня душил, и под себя,

1390.

Мой бог, кака я сделал.

АНТОДА.

Второе полухорие. У молодых стучится сердце,
думаем,

Все ждут его речи.

Когда свои такие безобразия

В речах защитит он,

За шкуру стариков мы не дадим тогда

Пустого орешка.

АНТЭПИРРЕМА.

Предвод-ца облаков. Выдумщик, слесарь новых
слов, твоя теперь забота

Такие доводы найти, чтоб правым показаться.

Фидиппид. Наук новейших мастерством, как радостно
заняться,

И научиться презирать закон, обычай старый! 1400.

Пока все помыслы мои ристаньям отдавал я,

Трех слов связать я не умел, неловко не

запнувшись.

Теперь от скачек отучил меня вот этот самый,

Сложеньем изощренных слов и мыслей я

занялся.

И доказать могу, что сын отца дубасить в праве.

Стрепсиад. Лошадничай, свидетель Зевс! Уж лучше
заведу я

Тебе четверку лошадей, чем от побоев сдохну!

Фидиппид. Меня от речи ты отвлек, я к мысли возвра-
щаюсь,

И вот о чем тебя спрошу: меня дитятей бил ты?

Стрепсиад. Да бил, но по любви, добра тебе желая.

Фидиппид. Что же, 1410.

А я добра тебе желать не в праве точно так же,

И бить тебя, когда битье—любви чистейшей
признак?

И почему твоя спина побоям неповинна,

Моя же — да, ведь родились свободными мы
оба?

Ревут ребята, а отец реветь не должен? Так ли?
Ты возражишь, что это все — обязанность
малюток.

Тебе отвечу я: „Ну что ж, старик — вдвойне
ребенок“.

Заслуживают старики двойного наказания,
Ведь непростительны совсем у пожилых
ошибки.

1420. Стрепсиад. Но не в обычае нигде, чтоб был сечен
родитель.

Фидиппид. А кто обычай этот ввел — он не был
человеком,
Как ты, да я? Не убедил речами наших дедов?
Так почему же мне нельзя ввести обычай
новый,
Такой, чтоб детям возвращать родителям
побои?

А порку, что досталась нам до нового закона,
Смахнем со счетов и простим за давностию
срока.

Возьмите с петухов пример и тварей, им
подобных,
Ведь бьют родителей у них, а чем они отличны
От нас, одним, пожалуй, тем, что кляуз они
не пишут.

1430. Стрепсиад. Но если петухам во всем ты подражать
желаешь,
Дерьма не щиплешь почему, на нашести не
дремлешь?

Фидиппид. Ну, это, друг, совсем не то, Сократ со мной
согласен.

Стрепсиад. И все-таки не бей! Потом винить себя же
будешь.

Фидиппид. С чего же?

СТРЕПСИАД. Как теперь меня, потом тебя
обидит,

Когда родится, твой же сын.

ФИДИППИД. А если не родится?

Так, значит, бит я даром, ты ж в гробу смеяться
будешь?

СТРЕПСИАД (к зрителям). Приятели, сдается мне, что
говорит он дельно.

Должны мы в этом уступить, как видно,
молодежи

И поделом, кто был неправ, пусть на себя
пеняет.

ФИДИППИД. Ты новый довод рассмотри!

СТРЕПСИАД. Теперь меня угробишь! 1440.

ФИДИППИД. Быть-может, с тем, что претерпел, сейчас
ты примиришься?

СТРЕПСИАД. Да как же? Научи меня. Ты чем меня
утешишь?

ФИДИППИД. Я мать свою отколочу, как и тебя.

СТРЕПСИАД. Что слышу?

Вот дерзость, прежних всех страшней!

ФИДИППИД. Что ж если словом кривды,

Тебя сумею убедить,

Что матерей законно бить?

СТРЕПСИАД. Когда и это превзойдешь,

Тогда осталось мне одно:

С откоса вниз тебя столкнуть,

К чертям, Сократ! 1450.

К чертям и слово кривды!

ЭКСОД.

СТРЕПСИАД. (Обращаясь к хору.) Вы всем моим несчастьям,
облака, виной.

Вам, облака, я вверил все дела мои!

Предвод-ца облаков. Нет, нет, в своих несчастьях
виноват ты сам:

На ложный путь направил ты дела свои!

Стрепсиад. Но прежде так со мной не говорили вы?

Слепого дурня, старика морочили?

Предвод-ца облаков. Мы поступаем так же всякий
раз, когда

Погрызшего встречаем в преступлениях.

1460.

Его в пучину бедствий повергаем мы,

Чтобы богов бояться научился он.

Стрепсиад. Жестоко, облака мои, но правильно.

Я денег тех, что задолжал, не должен был
Зажививать. (К сыну.) Теперь же, милый

мальчик мой,

Пойдем, Сократа с Хэрефонтом мерзостным

Побьем! Обоих нас они опутали.

Фидиппид. Но обижать как смею я наставников?

Стрепсиад. Смелей, смелее! Чти лишь Зевса прадедов!

Фидиппид. Сказал же, старый филин: „Зевса
прадедов“!

Да Зевса нет!

Стрепсиад. Да, есть!

1470. Фидиппид. Да нет же, нет! Царит

Какой то Вихрь, а Зевса он давно изгнал.

Стрепсиад. Да не изгнал! Хотя и сам я думал так,

И в Вихря верил. Слепота куриная!

Принять за бога призрак, остов глиняный!

Фидиппид. С собой самим безумствуй и неистовствуй!

(Уходит.)

Стрепсиад. Ах, я дурак! Ах, сумасшедший, бешеный!

Богов прогнал я, на Сократа выменял.

(Обращаясь к кумиру бога, стоящему в театре.)

Гермес, голубчик, не сердись, не гневайся,

Не погуби, прости по доброте своей!

От хитрословий этих помешался я. 1480.

Пошли совет разумный, в суд подать ли мне
На негодяев, отомстить ли иначе?

(Прислушивается.)

Так, так, совет прекрасный: не сутяжничать,
А поскорее подпалить безбожников
Лачугу. (К слуге.) Ксанфий, Ксанфий! Поспеши
сюда!

Беги сюда, топор возьми и лестницу,
И на мыслильню поскорей вскарабкайся,
И крышу разбросай, любя хозяина,
И опрокинь стропила на мошенников!
А мне подайте факел пламенеющий! 1490.
Сегодня же заставлю расплатиться их
За все грехи: они не что, как жулики!

(Лезет на крышу с факелом.)

Ученик (лезет из окна). Ай-ай-ай-ай!

СТРЕПСИАД (на крыше). Пылай мой факел! Жги горячим
пламенем!

Ученик. Что делаешь? Несчастный!

СТРЕПСИАД. Что? Беседую
Красноречиво с крышей дома вашего.

ХЭРЕФОНТ. Аа-ай! Кто дом наш поджигает? Горе нам!

СТРЕПСИАД. Тот самый, у кого накидку сперли вы!

ХЭРЕФОНТ. Погубишь нас! Погубишь!

СТРЕПСИАД. Погубить хочу!

Пусть не обманет лишь топор надежд моих, 1500.

И сам не упаду я, шею вывихнув.

СОКРАТ (выбегает из мыслильни). Голубчик, стой! На крыше
что ты делаешь?

СТРЕПСИАД. Парю в пространствах, мысля о судьбе
светил.

СОКРАТ. О, горе мне, беда мне! Задыхаюсь я.

ХЭРЕФОНТ (выбегает). И мне несчастье! Жарюсь, как на
вертеле!

Стрепсиад. Зачем восстали на богов кощунственно?

Следы Селены вы зачем пытаете?

(Слуге.) Коли, руби, преследуй! Много есть причин,

А главное, они богов бесчестили!

(Дом обваливается.)

Предвод-ца облаков. Поспешайте, ступайте за мной!

А игра

1510.

Удалась нам сегодня на славу.

(Хор и актеры покидают оркестру.)

КОНЕЦ КОМЕДИИ.

II

О С Ы

КОМЕДИЯ ПОСТАВЛЕНА В АРХОНТСТВО АМИНИЯ, НА ПРАЗДНИКЕ ЛЕНЕЕВ, В 422 ГОДУ, И ПОЛУЧИЛА ВТОРУЮ НАГРАДУ. ПЕРВЫМ БЫЛ ФИЛОНИД С КОМЕДИЕЙ „ИСПЫТАНЬЕ“, ТРЕТЬИМ — ЛЕВКОН С КОМЕДИЕЙ „ПОСЛЫ“.

КОМЕДИЯ-ШУТКА.

1.

Это, действительно,—шутка, „занятная сказочка“, как характеризует свое произведение сам поэт, признающийся, что „в затее нашей нет особых тонкостей“. Такой простой, честно построенной в привычных приемах карнавала, комедией хотел Аристофан отплатить за разочарование, год назад постигшее его на представлении мудреных „Облаков“. И „Осы“, правда, могут служить образцом древне-аттической комедии, как в отношении последовательно-карнавального ведения сюжета, так и в смысле строго эпиррематической композиции и общего, шумно-веселого, буйного и праздничного тона, заостренного стрелами крылатого, легкого, но не язвительного и не ядовитого смеха. Здесь есть все — и первичная карнавальная метафора, последовательно отождествляющая хор из стариков „злых и брюзжащих“ с „осами“, жужжащими, скачущими, жалящими подвешенным сзади бутафорским жалом. Есть и акробатические сцены, по преимуществу в прологе комедии. Есть чисто клоунские дуэты. Есть развернутая балаганная фабула, построенная на традиционном „обратном ходе“: простак следует данным ему советам, но по неразумию попадает впросак, и добрые советы обрушиваются ему же на голову. Есть и карнавальная „перевернутость отношений“: сын становится на место отца. Есть здесь и ритуальное „жертвоприношение,“ и „пирושка“, и танцевальный „комос“, и сказочно-басенная сценка „собачьего суда“. В ткань комедии вкраплены, богаче чем где-либо у Аристофана, народные поговорки, застольные песни и эпиграммы. Есть здесь, на-

конец, и пространный „агон“ — спор, выносящий на себе политическую нагрузку всей комедии. А этот политический груз в „Осах“ значительно серьезнее и существеннее, чем кажется на взгляд, — он только хорошо одет в веселье и удачно прикрыт легкомысленным блеском комедии-шутки.

„Комедия направлена против любви афинян к сутяжничеству“, — так характеризует тему „Ос“ древний комментатор, и так и повелось ее рассматривать в современной критике. Нетрудно, однако, установить, что все это „судебное неистовство“ стариков-„ос“ только обычная для Аристофана метафора, смеха ради заменившая явление, гораздо более серьезное. „Осы“, предводительствуемые Клеонославом, это — те афинские граждане, мещане и ремесленники, сторонники демократии, через которых и для которых осуществлялись радикальные реформы эпохи Пелопоннесской войны, реформы, инициатором которых был вот этот самый покровитель „ос“ — Клеон. На место старого аристократического ареопага новая конституция все настойчивее выдвигала демократические учреждения, среди них в первую очередь „гелиею“, суд присяжных, функции которого охватывали ряд существеннейших государственных отраслей и, во всяком случае, были значительно шире чисто судебных задач.

Эта гелиея и стоит в центре сатиры Аристофана. И Клеонослав и прочие „осы“ — гелиасты. Ясно, что тут дело вовсе не в „сутяжничестве“, во всяком случае, не только в нем. Расширяя политические права немущей и безработной массы афинских граждан, радикальная партия стремилась хоть сколько-нибудь обеспечить ее материально. Отсюда — довольно частая бесплатная раздача хлеба и введение своеобразного государственного пайка, небольшой денежной выплаты за участие в гелиее и в других конституционных органах. Это и есть те три гроша, которые постоянно и с такой насмешкой упоминаются в „Осах“. А увеличение государственных расходов неизбежно влекло за собой активную внешнюю политику, необходимость все расширяющейся колонизации и все возрастающее обременение податями и налогами союзников, входивших в состав

афинской морской державы. Взаимоотношения с союзными городами, критика этих взаимоотношений — вот третий политический мотив „Ос“.

Не нужно все же думать, что все три вопроса поставлены остро и ребром. Последовательной противодемократической линии в „Осах“ нет, да по законам комедии ее и быть не может. Аристофан издевается над мечтаньями Клеонослава о мировом владычестве афинской демократии и над его простодушным прославлением народоправства, но в речах тех же стариков — „ос“, являющихся, якобы, союзниками Клеонослава, звучат ноты величайшей искренности, пафоса и народной гордости. Да и Клеонослав, являющийся в комедии шутком — „бомолохом“, уже по одному этому не может не стать, в конце концов, носителем здравого смысла, не может не привлечь естественных симпатий зрителя. Окончательно сгибается политическая линия „Ос“ во второй половине комедии с ее балаганным „обратным ходом“. Сын, многозначительно названный Мстиклеоном, бывший в агоне противником старика, здесь становится его союзником, он ведет отца на пирушку к этому самому Клеону. И так продолжается, пока, в финале, политическое содержание комедии окончательно не рассыпается в фейерверке шутовских проделок, плясок и песен. Потому что ведь это всетаки комедия, карнавальная праздничная игра, шутка!

2.

Декорация „Ос“ представляет дом Клеонослава. Это — трехмерное сооружение, с крыльцом, вырезанным окном и плоской крышей. В дальнейшем, постройка служит для ряда акробатических выходов и игры на вертикали, образцы которой дошли до нас и на старинных вазовых изображениях. Дом карикатурно обтянут сетями и силками, — это материализованная метафора: „старика держат в сетях“.

Пролог комедии резко распадается на три части. Сначала — типичный, построенный на анекдотах и загадках, клоунский диалог двух рабов. Затем — монолог-экспозиция темы и содержания комедии. Монолог удачно

усложнен веселой, дерзко разрывающей сценическую иллюзию перебранкой актеров со зрителями. В заключение пролога — сцена действия, разнообразного и бойкого, целиком акробатического. Старик Клеонослав, запертый сыном в доме и опутанный сетями, старается выбраться из заточения. Он „летит скворцом“, „подымается дымом“ (материализованная метафора), норовит вылезти, как Одиссей, спрятавшись под брюхом у осла (забавная литературная пародия). Все попытки напрасны. Старика снова запирают.

В это время музыка и пение знаменуют приближение хора из ос-судей. Описание очень условного наряда своего, с „жалом сзади“ и „перетяжкой посередине“, дают они сами несколько ниже (стих 1150 сл.). Парод „Ос“ носит выдержанно балетный характер, для чего в него дополнительно, сверх двадцати четырех хоревтов, введены танцовщики-мальчики с фонариками. Очевидно, Аристофан старательно пользовался всем, чтобы повысить зрелищную выразительность этого своего спектакля. Хор вступает в переключку с Клеонославом. Снова акробатический номер: старик по канату лезет из окна. Его ловят снова, и это служит сигналом к большой сцене драки. (Вторая чета — „предагон“.) Такие балаганные побоища довольно обычны у Аристофана и, как правило, они предшествуют настоящему словесному поединку — агону.

Агон, спор между отцом и сыном, действительно наступает, образуя третью чету комедии. О содержании его речь была выше, необходимо лишь заметить, что по остроте диалектики и по силе политического темперамента — это один из удачнейших агонов Аристофана. Старик наполовину переубежден. Окончательный удар прежним его взглядам должна нанести следующая сцена — сцена пародии на судебный процесс. Басня смело вторгается здесь в карнавальную комедию. Но басня не простая, а прозрачно-иносказательная, резко-политическая. Под видом двух враждующих псов высмеиваются два крупнейших современных государственных деятеля, неоднократно уже упомянутый Клеон и полководец Лахет (Пес-„Лохмат“). Дурашливая обстановка „процесса“, буфонная случайность приговора, очевидно, должны осмеивать порядки афинских собраний и судопроизводства. Эта блестящая

сцена чрезвычайно понравилась зрителям. Слава о ней дошла и до поздних времен и не случайно в XVII веке француз Расин подражал ей в комедии своей „Сутяги“. Но бойкая шутка Расина все же никак не смогла передать главного: отгула буйных народных собраний, явственно слышащегося в пародийной сценке „Ос“. Прекрасный пример жонглирования бутафорией: домашней утварью и предметами судейского обихода — украшают эту сцену. Сюда же введено ритуальное и довольно серьезно на этот раз трактованное „жертвоприношение“.

Старик меняет взгляды. Он готов начать новую жизнь. Комедия достигла перелома, а следовательно и парабазы. Первая часть парабазы наполнена жалобами Аристофана по поводу прошлогоднего провала „Облаков“. Оды и эпирремы, как и обычно, содержат самовосхваление „ос“. Лицо добрых афинских граждан открыто проглядывает здесь сквозь фантастический маскарад ряженых.

Вторая половина комедии, как и обычно, более свободна в смысле симметрической композиции и сплошь выдержана в балаганных приемах. Более того, это, пожалуй, ярчайший пример балагана в театре Аристофана. В начинающей ее пятой чете традиционный параллелизм эпиррем поддерживается лишь песнями полухорий, разделяющими симметрично расположенные уход старика и возвращение его с „пирушки“. Кленослав выступает здесь в роли „бомолоха“, сперва в разговоре с сыном, который на примере целого фейерверка народных песенок-скóлий обучает его „обычаям попоек и товариществ“, затем в пространной сцене избиения вереницы „аладзонов“ — гостей и прохожих. Эта сцена, где пьяный и сытый бомолох отгоняет докучающих бахвалов — типичный образец традиционной схемы „пирушки“. Сюда же вплетен другой ритуальный момент — „свадьба“, и притом в довольно-таки неожиданном и смелом искажении, в виде любовного воркованья загулявшего старика с танцовщицей. Общий тон „перевернутости“, благодаря которой сын играет роль воспитателя, а отец — подопечного младенца, повышает комизм целого. Читатель сумеет оценить и блестящие остроты, каламбуров

и материализованных метафор, пересыпающих эти сценки, и забавную пародию на трагическое повествование, данное в рассказе раба о пьяных подвигах Клеонослава.

Как сказано, песни хора поддерживают композиционную симметрию этой шумной и пестрой четы. Они приводят комедию к малой парабазе, к сожалению, не полностью сохраненной. Злые выпады против современников — вот содержание второй парабазы. Она служит хорошим образцом личной сатиры в руках у Аристофана. Но внутреннее действие комедии уже завершено. И пьеса заканчивается резвым, плясовым комсом. Здесь, продолжая повышенно-зрелищную линию всего спектакля, Аристофан снова вводит танцовщиков из парода. Вводит он и беготню с факелами, над которой сам в другом месте издевается, но которая была ритуальной для комоса. Так, в плясе вертящихся волчком танцоров, под нелепые скачки и прыжки окончательно разбушевавшегося Клеонослава, под веселое притаптывание успешного скинуть неудобный маскарадный костюм хора, под шумный аккомпанемент бубнов заканчивается эта комедия, типичное создание народно-аттического остроумия, смеха непритязательного и жизне-радостного.

О С Ы.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Клеонослав — старый афинянин.

Мстиклеон — его сын.

Созий }
Ксанфий } — рабы.

ПЕС ЛОХМАТ.

ПЕС КИДАФИНЕЙСКИЙ.

ТОРГОВКА ХЛЕБОМ.

ПРОХОЖИЙ.

ГОСТЬ.

ДЕТИ.

ТАНЦОВЩИЦА.

Хор из 24 стариков-присяжных, наряженных осами.

ПРОЛОГ.

(На сцене — дом Клеонослава. Рабы, Созий и Ксанфий, спят на крыльце.)

Созий. Эй, что с тобою, Ксанфий? Что с тобой, бедняк?

Ксанфий. От стражи полуночной отдыхать учусь.

Созий. Гляди, беде спина твоя научится!

Какого зверя сторожим мы, знаешь ты?

Ксанфий. Еще бы! Да вздремнуть уж очень

хочется.

Созий. Вздремни, вздремни! И у меня, скажу тебе,
По векам сладко дрема растекается.

(Замолкают.)

Ксанфий. Ты что же, помешался? Ты с ума сошел?

10. Созий. Нет, сон чудесный послан мне Сабасием.

Ксанфий. Телят я знаю твоего Сабасия!

И на меня напал мидиец только-что,
Баюкатель, дремотник, закрыватель глаз,
И сон мне удивительный привидился.

Созий. И мне! Да и какой еще, невиданный!
Рассказывай ты прежде!

Ксанфий. Мне пригрезилось:

Орел огромный пролетал над площадью,
И щит увидел медный и схватил его
Преострыми когтями, к небесам взлетел
И выронил, Клеоним, не орел...

Созий. Эге!

20. Теперь загадку сложат про Клеонима.

Ксанфий. Какую же?

Созий. За чашей станут спрашивать:

А что за зверь, что на земле и на море
И в небе постоянно свой роняет щит?

Ксанфий. Ай-ай! Боюсь, что за беду великую
Мне этот сон приснился!

Созий. Успокойся, друг,

Не приключится ничего ужасного.

Ксанфий. А не ужасен он, щиты роняющий?

Но о своем скажи мне сие?

Созий. Велик мой сон

О всем строеньи корабля гражданского.

30. Ксанфий. Начни ж от основанья и рассказывай.

Созий. Сначала мне приснилось, что в собрании
Сидят бараны, головы уставивши,
В овечьих шкурах, с посохами длинными.
И крокодил баранам этим держит речь,

Зубами отвратительными лязгая,
Визжа, как боров под ножом убойщика.

Ксанфий. Ай-ай!

Созий. А что?

Ксанфий. Довольно! Замолчи! Постой!

Воняет сон твой валеною кожею.

Созий. А в мерзких лапах крокодил весы держал
И бычьи ребра взвешивал.

Ксанфий. Беда! Беда!

40.

Вот так же город за ребро подвесит он.

Созий. И вижу я, сидит Феор поблизости
В шерсти, как бурка рыжий и как мерин
ржет.

Промямлил тут Алкивиад мне на ухо:

„Феол-то булки лижет и как мелин лжет“.

Ксанфий. А что ж, промямлил мальчик правду чистую!

Созий. Ну разве не чудовищно, что мерин
Феор вдруг стал?

Ксанфий. Ничуть. Прекрасно.

Созий. Что?

Ксанфий. Ну да!

Был человеком, обратился в мерина.

Я в этом вижу явственное знамение,

Что скоро быть ему издохшим меринном.

50.

Созий. И за два гроша я бы не нашел нигде
Такого превосходного гадателя.

Ксанфий. Теперь о драме мы расскажем зрителям,
Сначала об одном предупредивши их,
В затее нашей нет особых тонкостей,
Но нет и шуток, из Мегары краденных,
Двоих рабов болтливых мы не выведем,
Орехами бросающихся в зрителей,
Геракла, обманувшегося в ужине,
И Еврипида представлять не станем вам,
Клеона, воссиявшего нечаянно,
Сегодня тоже мы не будем мытарить,

60.

Занятную придумали мы сказочку,
Такую, чтоб и к вашим подошла мозгам,
И превзошла бы басни балаганные.
А дело вот в чем: есть тут господин у нас,
Вот, вот он дремлет, наш гордец, под крышею.
Отца он в доме запер и присматривать
Нам поручил за миленьким родителем.
А тот, бедняга, болен. Да и как еще!
Не отгадать никак и не придумать вам,
Пока мы не расскажем. Попробуйте, а?

70.

Созий. Вот, говорит, Амений, чадо Пронапа,
„Помешан он на шашках“.

Ксанфий. Болтовня одна!
Гадает о других он по своей беде.
И все-таки тут дело в помешательстве.

Созий. А вот Сосикл шепнул соседу Деркилу:
„Помешан он на пьянстве“.

Ксанфий. Вот уж глупости!

80

То не болезнь, а склонность благородная.

Созий. А Никострат кричит мне, сын Скамбонида,
„Помешан он на жертвах иль на женщинах“.

Ксанфий. Лжет Никострат, клянусь собакой, жертвует
Своею честью женской Филоксен, не он.

Не угадать вам! Попусту болтаете!
Так замолчите, если знать вам хочется.

Я расскажу вам про болезнь хозяина.

Судить он любит, вот в чем помешательство.

В суды влюблен он до смерти, находит мир

Лишь сидя на скамейке заседателей,

Не спит он вовсе, ночью не смыкает глаз,

А если и задремлет и во сне летит

К судам, к часам, к решетке беспокойный
дух.

В руке сжимать привыкши черепок судьи,

Он так и спит со сложенными пальцами,

Как будто ладан сыпать собирается.

90.

Увидит, что о сыне Пириламповом
Стоит на двери: „Милый паренечек мой“,
Сейчас исправит: „Милый черепочек мой“.
Пускай петух кукурекует с вечера, 100.
Твердит он: „Подкупили птицу глупую
Ответчики, чтоб я проспал присутствие“.
„Эй, туфли мне“,—кричит он, встав от ужина;
И в суд бежит и там уж досыпает ночь,
К столбу, к углу улиткою притиснувшись.
Всех наказать он рад чертою длинною,
И словно шершень или как оса домой
Комками воск приносит под ногтищами.
Боясь, что для суда не хватит жеребья,
Завел он дома целый берег раковин. 110.
Таков безумец! Что ни говоришь ему,
Твердит свое: „Судить, судить!“ За это-то
Его мы охраняем за решеткою.
Отца болезнью сильно опечален сын.
Сперва его добром он уговаривал
Судейский плащ не надевать и из дому
Не выходить. Старик не унимается.
Помыл его, очистил,—исцеленья нет.
Послал на праздник корибантов,—с праздника,
Как был, с тимпаном, убежал тот снова в суд. 120.
Когда не помогли святыни местные,
Поплыл он с ним в Эгину, ночевать его
Там уложил в святилище Асклепия,
И что ж,—на утро снова у решетки тот.
С тех пор его мы не пускаем из дому.
И все ж он удирает, то в трубу скользнет,
То в сточную канаву. Тут отверстия
Тряпьем и рванью мы законопатили,—
Так что же, в стенку гвозди вколотил старик,
Вскарабкался, как дятел, да и был таков. 130.
Тогда сетями сени мы опутали
Со всех сторон и в сетке сторожим его.

Кончаю: звать Клеонославом старого, —
Да, видит бог, а сына Мстиклеон зовут.
Хмурь бровь, глаза навывкат, — вот каков он,
сын.

(В окне появляется сын, Мстиклеон.)

Мстиклеон. Эй, Ксанфий! Живо, Созий! Что вы
дремлете?

Ксанфий. Ай-ай!

Созий. Чего ты?

Ксанфий. Горе! Мстиклеон встает!

Мстиклеон. Чего же вы? Бегите поскорей сюда!

(Выходит из дома.)

140.

Отец в камин забрался, шарит, шмыгает,
Как мышь, поджавши уши. Эй, поглядывай,
Чтоб в щель он не пролез водопроводную.
А ты упрись в ворота!

Ксанфий. Понял, слушаюсь.

Мстиклеон. О, Посидон великий! Что за шум
в трубе?

(Из трубы выглядывает старик, Клеонослав.)

Ты что ж задумал?

Клеонослав. Дымом к облакам лечу.

Мстиклеон. Ах вот что, дым? Какой же?

Клеонослав. Дым отечества.

Мстиклеон. Клянусь богами, горький и опасный дым!

И все ж не улетишь ты! Дать заслонку мне!

Назад, назад! Доскою заложу трубу.

Другой теперь лазейки поищи себе!

150.

А я, увы, на свете всех несчастнее!

Среди людей я буду зваться Дымовым.

Созий. Кто в дверь стучится?

Мстиклеон. Не пускай, держи его!

Спиной упрись! Сейчас я подсоблю тебе.

Да береги задвижку, за ключем смотри,
Чтоб в бешенстве бородку не отгрыз старик.
Клеонослав. (За дверью.) Так вот вы как! Не пустите,
негодные?

Неужто ж Драконтид уйдет оправданным?
Мстиклеон. Что за беда?

Клеонослав. Так знайте ж, прорицание
Дано мне в Дельфах, если оправдаю я
Хоть одного, иссохну щепкой сохлюю. 160.

Мстиклеон. Спаситель Феб! Ужасное пророчество!

Клеонослав. Вот видишь! Отпусти же! Не губи меня!

Мстиклеон. Нет, Посидон свидетель, не пущу, старик!

Клеонослав. Тогда зубами прогрызу тенета я.

Мстиклеон. Зубами? Ты ж беззубый.

Клеонослав. Горе, горе мне!
О как тебя зарезать? Нож подать сюда,
Скорее нож, иль черепочек глиняный!

(Исчезает.)

Мстиклеон. Боюсь, старик задумал дело страшное.

(Клеонослав снова появляется в окне.)

Клеонослав. Свидетель Зевс, ни мало! Собираюсь я
Осла продать на рынке вместе с упряжью. 170.

Ведь ярмарка сегодня.

Мстиклеон. Что ж, продать его
И я сумею.

Клеонослав. Хуже, и не так, как я.

Мстиклеон. Еще и лучше, право.

Клеонослав. Выводи ж осла.

Созий. Как ловко он придумал, как затейливо,
Чтоб выбраться наружу!

Мстиклеон. Бесплезно все.

Не убежит. Его увертки вижу я.

Войду во двор и сам скотину выведу,

Чтоб он и носу за двери не высунул.

(Входит в дом и возвращается, ведя осла.)

180.

О чем тоскуешь, серый? Продадут тебя!
Шагай живее! Стонешь? Уж не тащишь ли
Под брюхом Одиссея?

Созий. Видят боги, да!

Под брюхом у ослицы что-то свесилось!

Мстиклеон. А что ж это посмотрим?

Созий. Так и есть!

(Вытаскивают из-под осла притаившегося Клеонослава.)

Мстиклеон. Эге!

Ты кто ж скажи, любезный?

Клеонослав. Видит бог, „никто“.

Мстиклеон. Никто? Откуда?

Клеонослав. Итакийский беженец.

Мстиклеон. Никто, „никто“ тебе не позавидует!

(РАВАМ.)

Тащи его скорее!

(Старика вытаскивают.)

Ах, ты пакостный,

Куда забрался! Ах, ослиный староста!

Судья утробный! Жеребенок с жеребьем!

190. Клеонослав. Оставь меня! А нет, так мы посудимся.

Мстиклеон. А иска в чем причина?

Клеонослав. Тень ослиная.

Мстиклеон. Ах плут, ах неуч, глупый, неотесанный.

Клеонослав. Я глуп? Я плут? Я не отесан? Знаешь ли,

Как вкусен я! Отведай друг, полакомись

Грудинкой заседателя маститого.

Мстиклеон. Гони осла обратно и домой катись!

(Старика тащат обратно в дом.)

Клеонослав. Товарищи, спасите! Помогите, Клеон!

Мстиклеон. В сенях кричи, старик, за дверью запертой!

(РАБАМ.)

А ты камней побольше навали на дверь,
Потом в петлю обратно заложил засов,
И подопри колодой, и корытину
Приволоки к воротам!

200

(Клеонослав вылезает на крышу.)

Созий. Ай! Откуда же

Теперь упал мне на голову камешек?

Мстиклеон. Должно быть, мышь из притолоки

выгрызла.

Созий. Да как же мышь! А не судья ли вынырнул

Из чердака на кровлю черепичную?

Мстиклеон. Беда! Беда! Теперь скворцом он сделался!

Вспорхнуть собрался! Живо! Сетку дайте
мне!

Кыш! Кыш! Назад! О горе, легче было б
мне

Скиону осаждать, чем, вот, родителя!

210.

(Старика снова гонят.)

Созий. Теперь-то мы угомонили старого,

Тайком от нас никак не убежать ему—

Так почему бы не вздремнуть нам чуточку?

Мстиклеон. Несчастный, что ты! Да сейчас придет
сюда

Орава судей, чтобы звать родителя.

Созий. Еще не скоро. Утро чуть забрезжилось.

Мстиклеон. Они и то сегодня позамешкались.

Бывало, прежде здесь они с полуночи.

Бредут. В руках—фонарики. Мурлычат в нос

Песнь дедовскую, Фринихо-Сидонскую,

220.

И поднимают старика.

Созий. Пускай придут.

Камнями мы их встретим, если надобно.

Мстиклеон. Не знаешь ты породу стариковскую.

На ос они похожи, чуть рассердятся.

Из зада выставляют жало острое,
Жужжат и жалят, скачут, прыщат, прыгают,
Как искры с головешки, разлетаются.
Созий. Не беспокойся! Были б только камешки!
Осиный рой присяжных распугаю я.

ЧЕТА ПЕРВАЯ.

ПАРОД.

(На оркестру входит хор. Старики-присяжные, наряженные осами
в сопровождении мальчиков с фонарями.)

ЭПИРРЕМА ПЕРВАЯ.

Предводитель первого полухория.

Шагай. Вышагивай дружной. Чего замешкал,
Комий?

Таков ли прежде был ты? Нет! Здоров, как
плеть собачья.

Теперь же, видишь, Харинад бодрее
выступает.

Эй, контилиец Стримодор, приятель
задушевный,

Куда ты делся, Евергид? Ты где, Хабет из
Флии?

АНТЭПИРРЕМА ВТОРАЯ.

Предводитель второго полухория.

Кто там отстал? Сюда! Сюда! А-па-а-па-па-
па-па!

Припомним, как в былые дни мы мерзли
в Византии,

На бивуаках, ты да я. Как обходя
дозором,

Вперед вышагивай один
Цаплей длинноногой!

СТАРИК. Ай-ай-ай-ай, в какую грязь

Я вступил ногою.

260.

Ручаюсь головой теперь
На денька четыре
С дождем и градом в небесах
Бог раскроет хляби.
Грибы такие, погляди,
Выросли на свечках!
Уж будет сырость, будет дождь,
Верная примета!

И время: ждут уже давно

Высохшие пашни

Большого, теплого дождя

И морского ветра.

Чего же медлит здесь в дому

Старый наш приятель?

К толпе товарищей своих

Почему не выйдет?

На бечеве тянуть его

Прежде не случалось.

Нет, впереди он шел всегда,

Распевая песни.

Он песни Фриниха любил.

Станем же в кружочек,

И пеньем вызовем его,

Пусть, услыша голос,

Веселый и счастливый он

Выскочит из двери.

270.

(Подходят к дверям, останавливаются и поют.)

ОДА ПЕРВАЯ.

ПЕРВОЕ ПОЛУХОРИЕ.

Почему ж так

До сих пор к нам, из дверей дед,

Отогнав сон, не выходит?
Иль шаркунов не нашел?
Иль в темноте невзначай
Зашиб о половицу палец?
Иль от старости раздулась
У него в ногах водянка?
Иль его заели чирьи?
Ведь в прежние дни среди нас
Был он самым строгим,
Был он один неприступен,
Слыша мольбы подсудимых,
Лысой головой качал он:
„Камень, друг мой, кипятись“.

280.

АНТОДА ПЕРВАЯ.

Второе полухорие.

Иль вчерашний
Записной плут, продувной льстец,
Что пришел к нам и шептать стал,
„Я, ведь, афинян люблю.
Я за афинян умру,
Самосские раскрою козни“.
На него ли рассердившись,
Он лежит теперь в горячке? —
Вспыльчив он и непокладист.
Но все же, приятель, вставай,
Зря себя не мучай!
Не горячись попустому!
Борова судим мы нынче
Из предателей Фракийских.
В землю зароем его!
Сюда, сюда, ребята!

290.

Мальчик. Ах, отец мой, что ты дашь мне,
Если крепко попрошу я?

Старик. Дам, сынок мой, говори же,
Что купить нам из игрушек?
Верно, хочешь, чтобы бабки
Подарил я, правда, мальчик?

Мальчик. Видит бог, нет! Винных ягод
Дай! Они вкуснее.

Старик. Видит бог, нет! Хоть повесься!

Мальчик. Видит бог, дай! Провожать вас
Мы не станем.

300. Старик. Из того, сын, что сегодня получу,
На троих нам надо хлеба,
Надо щепок, надо мяса,
Тут уж не до лакомств!

Мальчик. Ах, отец мой, если б судьи
Не сидели в гелиее,
Где б добыл ты нам на завтрак,
Нам на ужин, что б ты сделал?
Что придумал? В чем спасенье?
Или в воду головою?

310. Старик. Ой, ой, ой, ой! Ой, ой, ой, ой!
Видит бог, не знаю,
Где б могли мы пообедать.

Мальчик. Ах, на что, мать, ах на что нас
Родила в мир?

Старик. Чтобы ты мне, привередник,
Докучал.

Мальчик. Роковой дар! Дар напрасный:
Эта сумка за плечами.
О, о!
Лейтесь, лейтесь, слезы!

Голос Клеонослава. Друзья, к вам летит дух,
Давно сквозь печную щель
Томит слух напев ваш.

320. Но с вами не петъ мне,
За дверь мне не выйти.
Строго здесь стерегут меня,

Все за то, что собрался я
С вами, братья, в присяжный суд
Поиграть черепочком.

Загреми ж, всемогущий, всевидящий Зевс,
В легковеющий дым преврати мою плоть,
В пузыря-Проксенида меня обрати,
В головешку-отродие Селла!

Пожалей, господин, и помилуй меня,
От печали избавь!

Или пламенной молнией в пепел сожги
Бедняка-старика,

330.

И взмети меня ввысь и завей меня вниз,
И проваренным уксусом с перцем залей,
Или в камень холодный меня преврати,
Чтоб на мне черепочки считали.

ОДА ВТОРАЯ.

Первое полухорие.

Кто ж тебя за дверью запер, в доме держит
все, скажи нам?

Ты с друзьями говоришь!

Клеонослав. Сын родной! Да не кричите!

Замолчите! Вот он спит

На крылечке перед домом. Берегитесь! Сбавьте
пыл!

Первое полухорие.

Почему ж, старик несчастный, обижает он тебя?

Оправданья в чем его?

Клеонослав. Быть судьей не позволяет, делать зла
мне не велит,

340.

Хочет, чтобы в холе жил я. Я ж, хоть режьте,
не хочу.

Первое полухорие.

Вот, что выдумал, негодник, лжеклеон,
болтун, смутьян!

Все затем, чтобы о флоте правды ты не смел
сказать!

Не решился б он на это, если б не был
Заговорщик и злодей.

ЭПИРРЕМА ВТОРАЯ.

Предводитель первого полухория.

Пораскинь же мозгами, пора, брат, пора,
поищи себе путь и дорогу,

Чтоб от сторожа злого тайком ускользнуть и
к товарищам верным спуститься.

Клеонослав. Что же делать? Как быть? Посоветуйте вы, я на всякую трудность

согласен,
Так хотелось бы мне у решетки сидеть, прижимая к груди черепочек.

Предводитель первого полухория.

350.

Нет ли щелочки в доме, чтоб мог ты пролезть,
чтобы мог ты наружу пробраться,

И как нищий в лохмотья, укрывшись, удрать,
как удрал Одиссей хитроумный?

Клеонослав. Все заделано плотно. Ни щели нигде.

Ни комар не проскочит, ни муха.

Нет, друзья! Поищите другого пути.

Не могу же я стать тараканом.

Предводитель первого полухория.

Так припомни, как в юные дни на войне
вертелок ты украл из поварни,

И, о вертел упершись, проворно со стен осажденного Накса спустился.

Клеонослав. Помню, помню. Да что в том? Минула
пора. Времена наступили другие.

Был я молод тогда и уверен в себе, был
искусен в покражах и плутнях,

И никто не стерег меня. Мог я легко

Убежать. А теперь охраняют меня

Неприятелей меднодоспешная рать.

360.

Заложили дороги, пути заняли,

Вижу, двое стоят возле самых дверей:

Словно кошку, укравшую мяса кусок,

Стерегут меня с вертелом острым.

АНТОДА ВТОРАЯ.

Второе полухорие.

Новую придумай хитрость! Поскорей найди
лазейку!

Пчелка, утро настает.

Клеонослав. Вот придумал! Прочь тенета! Сеть
зубами прогрызу.

Пусть охотница Диктинна за силки меня простит.

Второе полухорие.

Это так! Спасенья ради всем ты жертвуешь,
герой.

370.

Так грызи ж зубами сеть!

(Клеонослав показывается на крыше.)

Клеонослав. Вот прогрызся. Прокусался! Только
тише! Ни гугу!

Осторожней, чтобы шума не почуял Мстиклеон.

Второе полухорие.

Ничего не бойся, милый! Чуть он пикнет,
заворчит,

Так узнает, как забота сердце гложет и грызет,

Как страшна дорога смерти,

Как ужасен

Божества присяжный суд.

АНТЭПИРРЕМА ВТОРАЯ.

Предводитель второго полухория.

Так живее! Веревку к окну привяжи! Затяни
кругом пояса узел

И спускайся с железной отвагой в груди, с Дио-
пифовой крепостью в сердце!

380.

Клеонослав. Ну, а если те двое заметят меня, на
бечевке выуживать станут,
Как уклею потянут обратно в окно, говорите,
что станете делать?

Предводитель хора.

Защитим, охраним, отстоим тебя, друг.

За тебя, как дубовые, встанем,

И обратно тебя уволочь не дадим.

Так и сделаем. Твердо надейся.

Клеонослав. Верю вам и на смелое дело иду. Если ж
будет несчастье, так знайте,
Подымите меня и оплачьте меня, и в суде под
скамьей схороните.

Предводитель хора.

Будешь цел и здоров! Не страшись ничего!

Веселее спускайся, приятель!

Но сперва помолись, и с надеждой в душе
воззови к божествам твоих дедов.

Клеонослав. О владыка мой, Лик, мой блаженный
сосед. Ведь не толь твою радует душу,
Что меня веселит? Подсудимых мольбы,

390. заклинанья и плач обвиненных?

Не затем ли, о Лик, поселился ты здесь,
чтоб отчетливей слышать все это,

Из блаженных героев не ты ли один пребы-
ваешь в собраньи несчастных?

Пожалей же меня и соседа спаси, а за это,
клянусь тебе честью,

Заходить я не буду в ограду твою ни
за малой нуждой, ни за большей.

(Клеонослав спускается по канату с крыши.)

Мстиклеон (просыпается).

Эй, эй, эй. Просыпайся!

Созий. Чего? Почему?

Мстиклеон. Мне послышался шорох и гомон.

Созий. Уж не вздумал ли снова старик улизнуть?

Мстиклеон. Видят боги, спуститься он вздумал,
Обвязавшись веревкой, негодник!

Созий. Чудак! Все равно не удрать тебе, стой же!

Мстиклеон. Подымай его выше! В окно волоки! По
бокам подхлестни хворостинкой!

Он кормой повернется и в гавань пойдет,
как почувствует хлесткую розгу.

Клеонослав. Что ж вы медлите, что ж не заступитесь
вы, или в суд не пойдете сегодня?

Фередипп мой любезный, душа Тизиад, милый 400.

Хремон, приятель Смикифий!

(Старика втаскивают обратно.)

Заступитесь, пока не втащили меня, помо-
гите, пока еще время!

ЧЕТА ВТОРАЯ.

ПРЕДАГОН.

Предводитель ос. Почему же гневным роем не на-
скочим мы на них?

Разворошено, разрыто все осиное гнездо.

ОДА.

Первое полухорие.

Наступайте, наступайте,

Наше мстительное жало,

Наше жало выставляйте!

На-зем киньте рубашенки, ребятишки, и вперед!

И бегите, и кричите, и Клеону обо всем

Расскажите! Пусть приходит! Завелся преда-
тель здесь. 410.

Враг народа, висельник,

Безбожник, предлагает он

Прогнать судей, закрыть суды.

Мстиклеон. Прежде выслушайте дело! Не кричите
так, друзья!

Предводитель первого полухория.

Зевс свидетель, к небу крик наш!

Мстиклеон. Не отдам вам старика!

Предводитель первого полухория.

Разве это не ужасно? Не тиранна ль эта речь?

Город наш, увы, грехи Феоровы!

Горе вам, льстецы и лицемеры!

Созий. О, Геракл, и жало сзади! Видишь, видишь,
господин!

420.

Мстиклеон. Ими-то в суде загублен птенчик Горгия,
Филипп.

Предводитель первого полухория.

И тебя погубим также! Все кругом и все вперед!

Выставляй из зада жальце! Наступай, коли
и жги!

Строй за строем! Ряд за рядом! В сердце
ненависть и месть!

Пусть узнает, как опасно раздражить осиный
рой.

Созий. Если спор дойдет до драки, в драке нам не
сдобровать,

Вид один и тот ужасен этих острых грифилей.

Предводитель первого полухория.

Брось его! Прочь уйди! Если ж нет, знай,
дружок!

Шкуре черепашьей позавидуешь.

ЭПИРРЕМА.

Клеонослав. Эй, эй, эй! Соседи-судьи! Злые осы,
шершени!

430.

Разъяритесь, разлетитесь, острым жалом
впейтесь в зад!

Впейтесь в руки, впейтесь в ноги, в шею,
в уши, в нос, в глаза!

Мстиклеон. Мид, сюда! Сюда, Масинтий, Фриг, на
помощь, торопись!

Старика хватайте крепко, не давайте никому,
А не то в цепях тяжелых насидитесь без еды!
Как смоковых листьев шорох, весь их гомон,
весь их гам.

(РАБЫ ХВАТАЮТ СТАРИКА.)

Предводитель ос.

Отпусти его сейчас же! Всадим жало, берегись!

Клеонослав. О Кекроп, герой, владыка! Драконтид-
полудракон!

Пожалей, одолевают чужеродные меня.

Я ли на день не насыпал вам по три меры
тумаков. 440.

Предводитель ос.

Сколько, сколько злого горя в горькой
старости для нас!

Вот маститого, седого господина волокут

Два грубьяна, два злодея, позабыв о
прежних днях,

О рубахах, об овчинах, о подарках старика,
Позабыв о теплых шапках и о том, как
ноги их

Зимней стужей в шерсть он кутал! Боги!
Позабыто все!

Этих древних и почтенных туфель не
стыдитесь вы!

Клеонослав (отбивается от рабов).

Не отстанешь, не отпустишь, злая язва,
мерзкий гад!

Иль не помнишь, как за кражей
в винограднике тебя

Я застал, к маслине старой поволок и
отстегал? 450.

Бил прилежно, бил усердно, благодарность
где ж твоя?

Ты и ты, — меня пустите, прежде, чем
примчится сын!

Предводитель хора.

Погодите же, сторицей нам заплатите за все.
И сейчас же, чтоб вы знали, как на граждан
нападать,
Досточтимых, справедливых, строгих и
горчишно злых.

Мстиклеон (прибегает).

Бей их, бей их, бей их, Ксанфий! Отгони
от дома ос!

Ксанфий. Вот гоню их.

Мстиклеон (другому рабу).

Ты же дымом, черным дымом их души!
Кыш, проваливайте, живо! Ксанфий, бей их
батогом!

И эсхиновой травы их ядовитой болтовней!

Ксанфий. Вот еще вам! Убирайтесь! Навсегда,
отучим вас!

460.

(Драка. Старики отступают.)

Мстиклеон. Видят боги, так легко бы не прогнать
нам их, когда б
Драм Филокла дубоватых нахватались старики!

АНТОДА.

Второе полухорие.

Или все еще не ясно
Беднякам и безземельным,
Что прокралась тирания
В город наш? Щурь-глаз-Аминий, из
негодных негодяй!
Ты украл у нас законы, те, что дал себе
народ.
И не ищешь слов приятных, без прикрас и
без затей.

470.

Самодержцем правишь ты.

Мстиклеон. Неужели же без крика, без побоев и возни
Мы не можем сговориться, помириться, разойтись?

Предводитель второго полухория.

Нам мириться? Враг народа? Самодержец!
Спартиат!

Друг Брасида, щеголь на помаженный,
В галунах и с бородою клином!

Мстиклеон. Зевс свидетель, лучше б вовсе мне
остаться сиротой,
Чем в морских сраженьях биться каждый
день с таким врагом!

Предводитель первого полухория. Это все еще
цветочки и зеленый сельдерей —

480.

Вот тебе и поговорка на три ломаных гроша!
Это все еще пустое, что, когда в суде тебя
Обвинитель станет щупать и подсобников
найдет?

Мстиклеон. Ради всех богов, когда же вы дадите
мне покой?

Или так до ночи будем мы друг с друга
шкуру драть?

Предводитель первого полухория. Да. Пока есть
во мне жизни пыл, силы след,
Я не потерплю самодержавия!

АНТЭПИРРЕМА.

Мстиклеон. Все для вас — самодержавцы,
в заговоре — все для вас!

О великом иль ничтожном речь идет, вы все
одно!

Вот уж пять десятилетий про тиранов не
слыхать,

490.

А теперь они дешевле маринованных сельдей.
Уж до рынка докатилось ненавистное словцо.

Если камбалу ты просишь и не жалуешь
трески,
Продавец трески уж верно проворчит тебе
во след:

„Камбалу варить он вздумал, так, наверное,
тиран!“

Если ж к рыбкам на приправу редьку хочешь
ты купить,

Так скосивши глаз ехидно зеленщица буркнет
так:

„Вот как, редьку покупаешь, иль и вправду
ты тиран!“

Иль купить Афины хочешь на приправу для
себя?“

500. Созий. Вот и я к своей девчонке как-то вечером зашел.

Оседлать ее собрался, а она и закричи:

„Оседлать меня, насильно! Ах ты Гиппий, ах,
тиран!“.

Мстиклеон. И от вас я тоже слышу. Видят боги,
лишь за то,

Что родителя хочу я вот от этой отучить
Беготни, вставаний ранних, сплетен, клеветы,

судов,
Что хочу я, чтобы сыто, словно Морих, жил
старик,

Так за это я мятежник, заговорщик и
тиран?

Клеонослав. Да, конечно! Зевс свидетель! Птичьим
молоком меня

Не поите, только дайте, как сейчас живу,
пожить.

510. И сардинок мне не надо и угрей я не хочу.

Лишь бы мне судов отведать, маринованных
в судке!

Мстиклеон. Зевс свидетель, ты приучен в этом
радость находить.

Все же, если помолчишь ты и послушаешь
меня,
Докажу я, как жестоко ошибаешься во всем.
Клеонослав. Я судья и ошибаюсь?
Мстиклеон. Да, и на потеху тем,
Перед кем едва что шею не склоняешь до
земли.
Раб ты, сам того не зная!
Клеонослав. Брось о рабстве говорить!
Я строною управляю.
Мстиклеон. Да ничуть! Наоборот!
Служишь ты, не управляешь. Научи ж,
родитель, нас,
В чем корысть твоя и почесть, как Эллады
жатву жнешь? 520.
Клеонослав. Расскажу, а то пусть судят.
Мстиклеон. (К слугам.) Хорошо. Согласен я.
Вы ж пока его пустите!
Клеонослав. Острый ножик дайте мне!
Если в споре уступлю я, на ноже пускай
умру.
Мстиклеон. Ну, а если приговора не
послушаешься ты?
Клеонослав. Пусть мне впредь богам во славу
чистого вина не пить.

ЧЕТА ТРЕТЬЯ.

АГОН.

ОДА.

Первое полухорие.

Нашим, старик, будь языком,
Новых теперь слов поищи,
Чтоб доказать открыто...

Мстиклеон. Скорее принесите мне дощечку для
писанья.

530. Себя раскрыли мы сполна советами такими.

Первое полухорие.

Глупым не подражай юнцам

В речи своей и твердо знай:

В бой мы вступили страшный.

Жизнью мы все играем,

Если, избавьте боги,

В споре враги осият.

Мстиклеон. Из слов его я кое - что для памяти
отмечу.

Клеонослав. Что скажете, когда меня в борьбе он
одолеет?

Первое полухорие.

540. Ломаный грош тогда цена

Нам старикам. Станут тогда

Нас поносить во всех углах:

С ветками вот старичье идет,

Тяжб и судов скорлупки.

Предводитель первого полухория.

Все величие наше, всю почесть и власть

защитить ты взялся пред народом,

Говори же смелее и слов не жалея,

красноречья излейся потоком.

ЭПИРРЕМА.

Клеонослав. Говорить начинаю и с первых же слов

докажу, что могущество наше

Не уступит ни в чем и не меньше ничуть,

чем величие царского сана.

Кто блаженней, скажи, и счастливее кто, кто

грозней из живущих на свете,

И взлелеяней кто, чем присяжный судья

550. и вдобавок судья престарелый?

По утрам, чуть успею с постели сойти,
сторожат уж меня у решетки
Богачи, могачи, тревельможный народ.

И, едва подойти я успею,
Мне упитанно-гладкую руку суют, воровато
чиновную руку.

Умоляют и спину сгибают горбом и в речах
изливаются жалких:

„Пощади нас, отец, заклинаем тебя, если сам
ты краюшку припрятал,

Снаряженье и хлеб [поставляя войскам или
сидя на должности сытной“.

А ведь он и в глаза-то не видел меня, или
разве по прежнему делу.

М'стиклеон. Это место на память себе запишу, о слезах
и мольбе подсудимых.

Клеонослав. Так вступаю я в суд с умягченной душой,
ядовитые складки разгладив.

Но, едва лишь войду, из того, что сперва
обещал, ничего не припомню.

И насупившись, слушаю стоны и плач, о
пощаде и милости просьбы.

И чего только тут не увидит судья и какой
не натешится лестью!

О своей нищете повествует один и
к действительным бедам прибавит

Целый ворох чудес, и поверить ему, так
меня самого он беднее.

А другие веселую сказку ввернут или басню
Эсопа расскажут,

Иль пошутят, да так, что и я рассмеюсь
и забуду о важности сана.

А когда уж и этим не могут пронять, так
с собою детишек приводят,

Сыновей, дочерей, держат за руки их, я сижу
и гляжу величаво.

Кувыркаются в землю ребята, скулят, а родители, дрожа и потея,
Словно бога, меня умоляет грехи отпустить
ему, ради малюток.

„Если может барашек тебя умирить, пусть
смягчит тебя мальчика лепет,
Если свинки щетинка пленяет тебя, пожалей
нас, на девочку глядя“.

Вот уж тут мы растаем и в хмурой душе
напряженные струны ослабим.

Иль и это не власть и не царская честь,
не позор для богатых и знатных.

Мстиклеон. Это снова отмечу из речи твоей, про
позор для богатых и знатных.

Но теперь перечисли мне прибыль свою,
ты ж сказал, что Эллагою правишь!

Клеонослав. На дознаниях мальчиков щупаем мы
и цветком их любуемся юным.

А когда на скамью к нам Эагр попадет, так
легко из суда не уйдет он.

Нет, сначала пускай он присяжным прочтет
из „Ниобы“ заветные строчки.

Если ж выиграть тяжбу сумеет флейтист, так
пускай в благодарность за это,

Подвязавши под щеки ремни, из суда нас
проводит он маршем прощальным.

А когда, умирая, отец обручит другу верному
дочку с приданым,

Так долой завещанье, пусть к чорту идет,
завещанье и в грош мы не ставим!

И печати долой, хоть так важно они почи-
вают под ракушкой белой!

К чорту все, мы невесту тому отдадим, кто
сперва хорошенько попросит.

А ответ ни пред кем не должны мы держать,
нет над нами суда и начальства!

Мстиклеон. Вот за это одно я поздравлю тебя. Вот
уж это действительно счастье!

Старый ракушник, все же не прав ты, когда
завещанье сиротки ломаешь.

Клеонослав. И еще: если в спорах совет и народ не
сойдутся никак в приговоре,

590.

Так решенье готово: виновных отдать на
расправу суду из присяжных.

Вот тогда и Эватл и толстяк Болтуним,
знаменитый метатель доспехов,

Нам клянутся, что нас не хотели продать,
что всегда за народ они бились.

А в Собраньи оратор добьется ль чего, не
внеся предложенья сначала,

Чтобы тяжбу одну рассудив, по домам
расходились присяжные судьи?

Сам Клеон-горлопан на одних только нас
крокодиловой пасти не щерит,

Нас лелеет и холит, у сердца хранит и от
лысины мух отгоняет.

А Феор, — а ведь он не простой гражданин,
и Евфемию в малом уступит, —

Этот с губкой бежит и в горшок обмакнув
обтирает нам пыльные туфли.

600.

Посмотри же, каких несравненных утех ты
меня безрассудно лишаешь,

А еще говоришь мне о рабьей судьбе и о
низменной доле служебной!

Мстиклеон. Говори, сколько влезет, а зада себе все
равно дочиста не отмоешь,

Выйдет, выйдет наружу и царская власть
и твоя знаменитая почесть!

Клеонослав. Да еще рассказать позабыл я о том,
что всего и милей и приятней,

Вот представь, я с получкой домой прихожу,
вся семья выбегает навстречу.

Ублажают меня, — я ведь деньги принес, —
а дочурка, та выскочит первой.
Та мне ноги умоет и маслом натрет,
наклонившись, меня поцелует,
Скажет: „папа“ и, в рот язычком проскочив,
все три грошика выудит живо.
Тут жена подойдет и обнимет меня и
попотчует ячневой кашей,
610. И, подсев на скамейку поближе ко мне,
приговаривать станет: „покушай“,
„Съешь еще, закуси“, тут я счастлив и горд
и тебя мне не надо бояться,
Поджидать мне не надо, глотая слюну, чтоб
дворецкий, ворча и ругаясь,
Мне позавтракать дал, я — хозяин себе, и
пускай он замешкает с кашей,
Вот — опора моя в тесноте и нужде, вот мой
щит и мой панцырь надежный.
А когда ты вина не захочешь мне дать, сам
с ослиною голову ковшик
Я наполню вином и разлягусь ладком и
пригублю, и глотку разинет
Мой ослище и рявкнет и кружку твою
горделивым урчаньем покроет.
620. Неужели ж моя не властительна власть,
Или Зевсовой силе она не равна,
Если Зевсом и так величают меня!
Чуть немного в суде разбушуемся мы,
Озабоченно шепчет народ проходя;
„Вседержитель наш Зевс, как сегодня в суде
Расходилась гроза“.
А блесну я зарницей, молитву шепнут
И, дрожа, под себя накладывают богачи.
Ты же первый до смерти боишься меня,
Да, Деметрой клянусь, ты боишься меня,
630. А тебя, пусть умру, не боюсь я!

АНТОДА.

Второе полухорие.

Нет, никогда, ни от кого

Ясной такой, крепкой такой мы не слышали речи!

Клеонослав. Полакомиться думал он без спроса

виноградом,

А знает очень хорошо, что нет мне равных

в споре.

Второе полухорие.

Все он припомнил, все назвал,

Слыша его, самим себе

Начали мы дивиться,

На островах блаженных

Чудилось, суд мы судим,

Радуюсь речи ловкой.

Клеонослав. Смотрите, как напуган он, как рвет его

и корчит!

Ременной плеточкой тебя сегодня проучу я!

Второе полухорие.

Чтоб оправдаться, будь теперь

Туг и хитер, смел и речист.

Трудно тому смягчить мой гнев,

Кто в необдуманных словах

Нравам моим перечил.

Предводитель второго полухория.

Поищи же себе подобротней жернов

свежетесаный, крепкого камня,

Если слов не достанет, пускай хоть жернов

перемелет в груди моей ярость.

АНТЭПИРРЕМА.

Мстиклеон. Тяжело, и задача большого ума, и актеру

едва ли под силу,

Излечить застарелый, тяжелый недуг,

угнездившийся в городе нашем.

Но пускай! Ты, отец мой, державный Кронид...

Клеонослав. Замолчи! Об отцах мне ни слова!

Поскорей докажи, что я раб и слуга, вот
сейчас же, нимала немедля!

Не докажешь, так помни, окончил ты жить!

Пусть потом мне поститься придется!

Мстиклеон. Ну так выслушай слово мое, старичок,

и разгладь хоть немного морщины.

Для начала прикину, не так как в суде, не
на счетах, а просто на пальцах,

Сколько каждое лето привозится к нам

податей от народов союзных.

Да к тому же отдельно налоги сочту,

десятины и сотые доли,

Конфискации, пошлины, гаванный сбор,

рудниковые, мытные деньги,

Наберется всего уж не меньше никак, чем

две тысячи звонких талантов.

660.

Против этих-то тысяч попробуй прикинь

ежегодную плату для судей,

На шесть тысяч помножь ее, — столько ведь

вас наберется во всем государстве.

И всего-то про все мы получим с тобой

полтораста талантов, не больше!

Клеонослав. Ой, ой, ой! Так на нас из доходов

казны не придется и доли десятой?

Мстиклеон. Не придется никак.

Клеонослав. А куда же, скажи,

остальное уходит богатство?

Мстиклеон. А на тех молодцов: „Никогда не

предам бедняков и матросов афинских.

За беднейший народ буду биться всегда“.

Вот на них. И поверив их лести,

Сам же ты, мой родитель, на выборах им

над собою вручаешь господство.

670.

А они торжествуют и взятки берут и крадут

у народов союзных

По полсотни и больше талантов, грозясь
и ругаясь ужасною бранью.
„Уплатите сейчас же, не то разорим, не
оставим и камня на камне“.
Ты ж тщеславишься грозною властью своей
и бараний огузок глотаешь.
Но союзники видят, как ты, старичок, да
и вся ваша нищая сволочь
Смотрят в миску пустую и локти грызут
и от бублика дырку кусают.
И ни в грош и ни в Конна не ставят тебя;
тем же, знатным, подносят с почтеньем
Ожерелья, орехи, вино, камбалу, изголовья,
медовые соты,
Сыр, тарелки, кувшины, коврижки, ковры,
облаченья, богатство и счастье.
А тебе, переплывшему столько морей,
повелителю стольких народов,
Не подарит никто из подвластных племен
даже голову лука к селедке?
Клеонослав. Видит бог, не подарит! Вчера лишь
послал я за парой пучков в Евхариду. 680.
Но ответь, почему ты изводишь меня и о
рабстве моем не расскажешь?
Мстиклеон. Иль и это не рабство, не черный позор,
что одни и в чинах и в почете.
Что себя и прихвостье свое и льстецов они
досыта кормят и поят.
Ты же счастлив, три жалких гроша получить!
А не сам ли в заморских походах,
В сухопутных сраженьях, в осадных боях
заслужил их трудами и кровью?
Только свистнут тебе, и бежать ты готов.
Вот уж это всего мне обидней,
Чуть мальчишка к тебе толстозадый придет,
говорливое чадо Хэрея,

690.

Выступая вот так и вихляясь вот так и
трясясь напомаженным тельцем,
Чуть прикажет он: завтра с утра приходи
в заседание, а кто из присяжных
Запоздает к звонку, так получки тому не
видать, как ушей своих, нынче.

А ведь сам-то, хотя б и последним пришел,
получает по драхме за тяжбу.

Да с приятелем милым, таким же дельцом,
полюбовно добычу дуванят,
Подсудимого доят в четыре руки,
промышляют надежно и дружно,
Словно пилят поленья, потянет один, тот
отпустит, а этот потянет.

Ты же с голоду в рот казначею глядишь
и, всего, что творится, не видишь.

Клеонослав. Так обманут я! Горе мне, что ты
сказал! Всю утробу во мне взбаламутил!

Открываешь глаза все ясней и ясней, что
со мною ты делаешь, боги!

Мстиклеон. Погляди же, ведь мог бы ты быть
богачем! Все могли бы вы быть богачами.

Если б эти молодчики „я за народ“ не
дурачили вас, как попало.

700.

И тебе, господину стольких городов,
властелину от Сард и до Понта,

Ничего не давали. Щепотку одну, да и ту
по крупинке бросают,

Словно капают маслом на шерсти клочок,
чтобы только не помер ты вовсе.

Им на пользу, на радость твоя нищета.

Почему? — Объясню тебе тотчас,

Чтобы хлыст укротителя ты признавал, чтоб
по первому крику и зову:

„Эй, куси их, куси!“ словно бешеный пес на
врагов господина кидался.

А хотели бы честно народу помочь, легче
легкого было бы это:

Городов, островов, приносящих нам дань,
будет с тысячу, будет и больше.

Если б было приказано каждому взять на
хлеба два десятка афинян,

Двадцать тысяч из граждан могли бы
прожить в изобильи и в жареных зайцах,

От столов не вставать и венков не снимать
и коврижкою с медом кормиться. 710.

Вот достойное родины вашей житье, вот
награда борцам марафонским!

А теперь, как поденщик в масличном саду,
ты из рук нанимателя смотришь!

Клеонослав. Ай, ай, ай! Что со мною? Холодная
дрожь пробегает по членам застывшим,

Ослабевшие руки не держат ножа. Я смягчен.
Я расстроен. Я тронут.

Мстиклеон. Только стоит немножечко их припугнуть,
так Евбею они обещают,

Вам достать и пшеницею мер пятьдесят
безвозмездно на каждого выдать.

Обещать обещают, а выдали что? мерок —
пять получил ты намедни?

Да и то ячменем, да и то по зерну, да и то
под угрозой тяжбы.

Потому-то тебя под ключем я держал,

И кормить обещал и избавить хотел 720.

От бахвалов, обжор, болтунов и лгунов,
Потому и сейчас предлагаю тебе:

Все, что хочешь, проси,

Не проси молока казначея!

ЧЕТА ЧЕТВЕРТАЯ.

„ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ“.

Предводитель первого полухория.

Как разумен был тот, кто сказал, не суди,
не прослушав обоих сначала.

Нет сомнения больше: победа — твоя! Ты его
перегнал и намного.

Остывает в груди моей ярость. Гляди, батоги
мы бросаем на землю.

Ты же, друг моей старости, сверстник седой,
сотрапезник на стольких попойках.

ОДА ПЕРВАЯ.

Первое полухорие.

730.

Прими, прими советы и не будь глупцом!
Слишком не будь упрям, сердце в груди смири!
О, если б друг надежный или родственник
У нас нашелся, чтоб подать совет такой!

Над тобой, видно, бог

Простер свой покров.

Твоей судьбой занялся бог,

Тебе желает он добра.

Счастье лови, старик!

Мстиклеон. Позабочусь о нем и достану ему

Все, в чем радость и счастье для старых костей,

Душегрейку, овчину, овсяный кисель,

740.

Да девченку, чтоб мякоти терла ему,

Растирала бурдюк.

Почему ж он молчит, не откроет и рта?

Это сильно меня беспокоит.

АНТОДА ПЕРВАЯ.

Второе полухорие.

В раздумье погружен он о судьбе своей.

Глупость свою признал,

Видит, что был слепцом.
В безумии своем недавнем кается,
Желеет, что сперва тебя не слушался.
Знай, теперь речь твоя
Его сломит гнев.
Свой нрав теперь изменит он
И будет слушаться всегда
Воли твоей во всем.

Клеонослав. Увы, увy!

Мстиклеон. Чего, старик? 750.

Клеонослав. Обещаний не надо, ни слова, мой друг!

Мы свободные птицы, давай улетим
В те края, где над чашей глашатай кричит:
„Кто отстал, подходи!“.

Я встаю и иду и, над чашею став,
Черепок мой бросаю последним из всех.

Разгорись мое сердце! О сердце, ты где?

Замогильные тени! Ах, чорт побери!

С этих пор и Клеона в присяжном суде

Уличить в воровстве не могу я!

ЭПИРРЕМА.

760.

Мстиклеон. Послушайся, родитель, ради всех богов!

Клеонослав. В чем слушаться, скажи мне? Об одном
молчи!

Мстиклеон. О чем?

Клеонослав. Чтобы судьбою мне не быть, не то
Пусть мной Аид владеет, не послушаюсь!

Мстиклеон. Уж если так тебе все это нравится,

Хоть по судам не бегай! Оставайся здесь,

И суд над домочадцами устраивай!

Клеонослав. Какой? Ты помешался?

Мстиклеон. Будет все, как там.

За то, что дверь служанка отопрет тайком,

Пускай уплатит пени драхму звонкую. 770.

Ведь точно так же поступал и раньше ты,

Судья премудрый. Если светит солнышко,
Суди, на солнце сидя. В бурю снежную —
У очага устройся, в дождь — под кров зайди!
Проснись хоть пополудни, все равно дверей
Перед тобою не захлопнет староста.

Клеонослав. Вот это славно!

Мстиклеон. Если бесконечную
Затянут речь, так голодать не будешь ты
Во вред себе, на горе подсудимому.

780. Клеонослав. Но как сумею в деле разобраться я
Отныне, если стану, рот набив, жевать?

Мстиклеон. Гораздо лучше. Ведь не даром сказано:
„Свидетели солгали в показаниях,
Но судьи, дело разжевав, распутали“.

Клеонослав. Меня ты убеждаешь. Но еще скажи:
Кто жалованье даст мне?

Мстиклеон. Я.

Клеонослав. Доволен я,
Что станут мне платить на одного теперь.
Лисистрат-шут преподло поступил со мной,
Недавно, драхму на двоих нам выдали.
790. Пошли на рынок рыбный разменять ее,
А он и сунь мне три чешуйки ершевы.
А я за деньги принял, положил их в рот,
По вони разобрал потом и выплюнул,
В суд поволок.

Мстиклеон. И что ж сказал он?

Клеонослав. Что сказал?

Что у меня утроба петушиная,
Глотаю быстро деньги. Тем и кончилось.

Мстиклеон. Ну, видишь ли, в какой ты будешь
прибыли!

Клеонослав. В изрядной, да! Так сделай то, что
думаешь.

Мстиклеон. Здесь подожди. Что надо принесу тебе.

(Убегает.)

Клеонослав. Вот на ж тебе, сбывается пророчество!

Слышал я, что когда-нибудь афиняне
В домах своих судить и разбирать начнут.

800.

Хозяин каждый перед дверью выстроит
Судишко, скромный, простенький и маленький,
С Гекатину божницу. Что ни дом, то суд!

Мстиклеон (возвращается с поклажей.) Смотри! Ну, что

ты скажешь? Притащил я все,

Что обещал, и больше, и во много раз!

Сперва — посуда! Вдруг нужду почувствуешь.

Здесь под рукой повесь ее на гвоздике.

Клеонослав. От колик ты лекарство превосходное

Придумал и полезное для старого.

810.

Мстиклеон. Жаровня вот! На ней похлебка греется,

Захочется, покушай!

Клеонослав. Тоже кстати мне!

Теперь и в жар сумею заработать я.

И, сидя дома, угощусь похлебкою.

А петуха зачем же принесли сюда?

Мстиклеон. Пускай, когда заснешь ты, речи слушая,

Петух тебя разбудит кукуреканьем.

Клеонослав. Доволен я. Еще б одно!

Мстиклеон. А что? скажи!

Клеонослав. Когда б достал ты Ликову часовенку!

Мстиклеон. Да вот она, а это сам владыка в ней!

820.

Клеонослав. Герой могучий, как же безобразен ты!

Мстиклеон. Таким себя являет Клеоним герой.

Клеонослав. И верно, хоть герой он, а оружия
нет.

Мстиклеон. Садись скорей, тогда и разбирательство

Скорей начнем.

Клеонослав. Начни, а я давно сижу.

Мстиклеон (в сторону). Кого бы первым привести,

подумаю.

Кто из домашних провинился в чем-нибудь?

Горшок расколотила Фратта. Взять ее?

Клеонослав. Постой, постой! Чуть-чуть ты не убил меня!
830. Так без решетки заседать ты думаешь?

Ведь из святынь для нас решетка—первая.

Мстиклеон. О боги, нет решетки!

Клеонослав. Сам я сбегаю.

И что-нибудь из дома притащу сюда.

(Убегает.)

Мстиклеон. К чему ее? (Один.) Привычка нам вторая
мать!

(Вбегают Ксанфий.)

Ксанфий. Пошел к чертям, такого пса кормить еще.

Мстиклеон. Эй ты, в чем дело?

Ксанфий. Да Лохмат, проклятый пес,

Прокравшись в кухню, сыра сицилийского

Стащил кусок изрядный и сожрал его.

Мстиклеон. Вот это дело первое родителю

840. На суд отдам я. Будешь обвинителем.

Ксанфий. Избави боже! Пес другой уж вызвался,

Чтоб обвинять. Примите только жалобу.

Мстиклеон. Веди сюда обоих!

Ксанфий. Будет сделано!

(Ксанфий уходит. Возвращается Клеонослав с ношею.)

Мстиклеон. А это что же?

Клеонослав. Поросятник Гестии.

Мстиклеон. Что взял ты, святотатец?

Клеонослав. Для того и взял,

Чтоб, с Гестии начавши, мне расправиться:

Поторопись, по казни руки чешутся.

Мстиклеон. Сейчас дощечки принесу и жалобу.

(Убегает.)

Клеонослав. Ай, ай совсем ты хочешь извести меня.

И борозды в песке с меня достаточно.

850. Мстиклеон (возвращается с ношей). Ну, вот!

Клеонослав. Зови же!

Мстиклеон. Тотчас!

Клеонослав. Кто ж окажется
На очереди первым?
Мстиклеон. Ах, досадно как!
Забыл я урну принести для жеребьев.
Клеонослав. Куда бежишь?
Мстиклеон. За урной!
Клеонослав. А на что она?
Вот эти, видишь, кружки, разве мало их?
Мстиклеон. Отлично. Все, как будто, приготовлено
У нас, что надо. Водяных часов вот нет.
Клеонослав (жестом на горшок). А это что ж такое,
не часы, скажи?
Мстиклеон. Прекрасно рассудил ты, по-аттически.
Эй, эй, огня скорее принести сюда! 860.
Да ладона! Эй, эй, да веток миртовых!
Богам великим мы сперва помолимся.
Предводитель первого полухория.
Возлияниям вашим и вашим мольбам
Будем вторить и мы.
Пожеланием добрым напутствуем вас,
Позабыв про раздоры, про ссоры, про брань.
Вы пришли к благородному миру.

ОДА ВТОРАЯ.

Первое полухорие.
О Феб, о бог пифийский! Дай удачу нам!
Пусть то, что здесь у двери 870.
Начнется, к радости для всех,
К судьбе счастливой приведет.
Довольно заблуждений!
Пеан избавитель!
Мстиклеон (молится).
Господин и владыка, сосед Эгией, ты дверей
моих сторож надежный!
Этот чин небывалый прими, господин!
За здоровье отца эта жертва.

От сварливости жесткой избавь старика, исцели
от дубового нрава,
Вместо горькой полыни пролей ему в грудь
хоть немножечко сладкого меда,
Чтоб отныне он добрым и ласковым стал
И людей полюбил.

880.

Чтобы он подсудимых щадил и жалел
Не суровых истцов.
Чтобы, слыша рыданья, и сам он рыдал,
Чтобы злость он оставил и черствость забыл,
Чтоб сердитых забот
Из души он повырвал крапиву.

ОДА ВТОРАЯ.

Второе полухорие.

С тобой молитвы наши, наша песнь с тобой.
Твои желанья, суд твой принимаем мы.
Тебя мы любим, знаем,
Что ты народу верный друг,
И предан, как никто другой
Из молодежи нашей.

890.

АНТЭПИРРЕМА.

Мстиклеон. Кто из присяжных у дверей? Входи,
входи!

Впускать не будем, чуть начнется следствие.

Клеонослав. Кто подсудимый?

Мстиклеон. Вот он!

Клеонослав. Я ж задам ему!

Мстиклеон. Вот жалоба, о судьби! Обвиняется
Лохмат Эксонец псом кидафинейским в том,
Что, круг укравши сыра сицилийского,
Один его сожрал он. Наказанье—плеть!

Клеонослав. Нет, смерть собачья, если уличат его!

Мстиклеон. А вот и подсудимый! Вот и пес Лохмат!

Клеонослав. Ага, негодный! Жулик! По глазам видать! 900.

Хвостом виляет, хочет обмануть меня.

А где же пес кидафинеийский? Где истец?

Пес. Гау, гау!

Мстиклеон. Он здесь!

Клеонослав. Второй Лохмат, поистине!

И лаять мастер и горшки вылизывать.

Мстиклеон. Молчи и сядь. (Ксанфию.) Ты встань и обвинять начни!

Клеонослав. А ты налей, а я глотну тем временем.

Ксанфий. О граждане присяжные, вы слышали

Мой иск к нему: бесчестно и бессовестно

Со мной он обошелся и с матросами.

Кусок ссицилив сыра преизряднейший, 910.

Он в уголок забрался и сожрал впотьмах.

Клеонослав. Все ясно, Зевс свидетель! Вот сейчас еще

В лицо рыгнул он сыром отвратительно,

Проклятый пес!

Ксанфий. А мне так ничего не дал.

Как ни просил я. Как же будет преданным

Народу тот, кто мне не кинул корочки?

Клеонослав. Вот и со мной ничем не поделился он.

Молодчик теплый, как похлебка теплая!

Мстиклеон. Прошу, отец, не предрешай заранее,

Но выслушай обоих!

Клеонослав. Что ты, миленький? 920.

Ведь дело ясно! Дело вопиет само!

Ксанфий. Так бойтесь оправдать его. Из всех собак

Мужчина этот самый одножористый.

Квашонку всю по краю обегает он,

У городов откусывая корочки.

Клеонослав. А у меня на миску нету мякиша!

Ксанфий. Так накажите же его и помните,

Что двум ворам не место под кустом одним!

И чтоб сегодня мне не лаять попусту!

А нет, так лаять вовсе перестану я. 930.

Клеонослав. Эге, эге!

В каких его здесь уличают мерзостях!

Вор прирожденный! Ты, петух, как думаешь?

Свидетель Зевс, кивает! Согласился он.

Эй пристав! Где же пристав? Дать посуду мне!

Мстиклеон. Достанешь сам. Я вызову свидетелей.

Свидетели Лохмата? Все сюда! Лохань,

Бадейка, пестик, ступка, сыротерочка,

И вся другая утварь приглашенная! (Клеонославу.)

940. А ты все тем же занят, все не сел еще?

Клеонослав. Вот также и его прохватят колики.

Мстиклеон. Попрежнему ты зол и раздражителен.

Но на кого же зуб? — на подсудимого! (Псу.)

Вставай и защищайся! (Клеонославу.) Ты ж молчи!

(Псу.) Начнем.

Клеонослав. И говорить ему как будто нечего.

Мстиклеон. Нет, то же приключилось с ним, что некогда

Постигло Фукидида. Перед судьями

Отнялись у него со страху челюсти. (Псу.)

Уйди же, сам я буду защищать тебя. (Встает.)

Я знаю, судьи, трудно быт защитником.

950. У оклеветанного пса, но все-таки:

Он друг надежный и волков преследует.

Клеонослав. Нимало! Заговорщик, вор и взяточник!

Мстиклеон. Среди собак не знает он соперников,

Достоин быть большого стада сторожем.

Клеонослав. Что пользы в этом, если сыр он лопаает?

Мстиклеон. Что пользы? Он и лает, он и дверь хранит.

Во всем искусен. А украл немножечко,

Так ты прости! На лире не обучен он.

Клеонослав. Пускай бы не был он обучен грамоте,

960. Его б защиты мерзкой не читали мы.

Мстиклеон. Судья почтенный, выслушай свидетелей!

Встань, сыротерка! Говори отчетливо!

Ведь казначеем ты была? Скажи же нам,

Протерла ты, что для солдат получено?

Протерла — отвечает.

Клеонослав. Врет негодная!

Мстиклеон. Судья почтенный, пожалей несчастного!

Лохмат колючими шипами кормится

И тернами. Он постоянно в странствиях.

А тот? На что годится? Только пес цепной.

Он домосед. Но кто бы ни принес чего,

Куска он просит. А не то — кусается.

970.

Клеонослав. Ай, ай, как быть! Что делать? размякаю я.

Со мной несчастье! Мысль моя меняется.

Мстиклеон. Прошу тебя, родитель, пощади его!

Не погуби! Бедняга, где же деточки?

Сюда, сюда, паршивцы, войте, вякайте,

Просите, плачьте, умоляйте, требуйте!

Клеонослав. Кончай, кончай, кончай, кончай!

Мстиклеон. Кончаю я.

Хотя ввело уж многих в заблуждение

„Кончай“ такое, все-таки кончаю я.

(Садится.)

980.

Клеонослав. Э, чорт, как вредно, заодно

прихлебывать.

Ведь потому лишь разум я и выплакал,

Что лакомился кашею горячею.

Мстиклеон. Так будет он оправдан?

Клеонослав. Мудрено сказать.

Мстиклеон. Родитель мой, смягчи природу черствую,

И этот жребий взявши, в чашу заднюю,

Зажмурясь, брось. Лохмата оправдай, отец!

(Ведет его к урнам.)

Клеонослав. Э, нет, э, нет! На лире не обучен я!

Мстиклеон. Так я к другой живее приведу тебя.

(Вертит старика.)

990.

Клеонослав. Передняя?

Мстиклеон. Вот эта.

Клеонослав. Положу сюда. (Бросает жребий.)

Мстиклеон. Обманут он и оправдал нечаянно.

Давай считать.

Клеонослав. Ну, как-то рассудили мы?

Мстиклеон. Сейчас узнаем. (Выбрасывает жребий.) Эй,
Лохмат, свободен ты. (Клеонославу.)
Но что с тобою?

Клеонослав. Дурно мне, воды, воды!

Мстиклеон. Отец, отец, опомнись!

Клеонослав. Повтори еще,

Оправдан он?

Мстиклеон. Клянусь!

Клеонослав. Так я ничто уже?

Мстиклеон. Чудак, к чему же слезы? Будь же муже-
ственен!

Клеонослав. Меня замучит совесть. Подсудимого

Я оправдал! Ах, что со мною станется?

1000.

Но вы простите, боги всемогущие!

Невольню согрешил я, по неведенью.

Мстиклеон. Да не горюй! Тебя я стану баловать.

Оберегать. Повсюду за собой водить

На угощения, на пиры, на праздники.

Прекрасно заживешь ты, припеваючи.

И Гипербол не станет обижать тебя.

Войдем же в дом!

Клеонослав. Согласен, и готов итти.

ЧЕТА ПЯТАЯ.

БОЛЬШАЯ ПАРАБАЗА.

Предводитель ос. Так ступайте ж, и пусть вас удача
ведет.

Вы же, тысячи тысяч, несметный народ,

1010.

Пораскиньте умом!

Рассудительные речи

Пусть не упадут бесплодно.

Подберите!

Ротозеи и зеваки

Зря глазают. — Вы ж разумны.

Так внимайте же, граждане, слушай, народ,
если любите чистую правду!

Побранить своих зрителей хочет сейчас, и за
дело, комический мастер.

Вы не раз и не два обижали его, хоть добра
он вам сделал немало.

Для начала тихонько, тайком, под полой, по-
могая поэтам известным.

Переняв от Еврикла пророческий дар и таин-
ственной речи искусство,

Он, в чужое упрятавшись брюхо, на вас изли-
вал острословия речи. 1020.

А потом уж открыто и сам за себя отвечать
и стоять он решился.

Не чужую и пришлую Музу взнуздав, а свою
и родную взлелеяв.

Но хотя, как никто, поднялся он потом, как
никто, был почтен и прославлен,

Не зачванился он и не стал гордецом и горой
не раздулся от спеси,

По палестрам шататься не начал, юнцов со-
блазняя, когда же влюбленный

Приходил, рассердившись, и слезно просил
осмеять его мальчика в песне,

Так, порукою слово, не слушался он, понимая
что честно, что низко.

Не желая, чтоб Муза, его госпожа, потаскуш-
кой и сводницей стала.

С самых первых шагов, так клянется поэт, он
напал не на малых и слабых,

Нет, с Геракловым каменным сердцем в груди
поднялся на великих и сильных. 1030.

Без боязни на главного зверя восстал, на
страшилище с пастью зубастой,
Словно молнии, взоры горели его, как глаза
отвратительной Кинны.

А вокруг головы сто визжащих голов сто
льстецов обливались слюною.

А рычанье его, как гремящий поток, как
чудовищный рев водопада.

Он вонюч, как тюлень и задаст, как верблюд,
как немытая Ламия грязен.

На такого-то зверя посмел он взглянуть и не
дал подкупить себя взяткой.

И сейчас, как и прежде, стоит он за вас,
видят боги, еще лишь недавно,

Год назад, он напал на горячечный бред, на
желтуху, на язву народа,

На ребят, что отцов своих душат во сне
и удавкою дедушек давят.

И присев у подушки к тому среди вас, кто
покой и безделие любит,

Прилипают с допросами, с вызовом в суд,
и с присягой и с очною ставкой,

До того напугают, что в страхе вскочив, вы
к судье среди пришлых бежите.

И его то, заступника в зле и в беде,
очистителя этого края,

Вы бессовестно предали в прошлом году,
а ведь семя новейшего знания

В вас посеять хотел он. Напрасны труды!
Ничего вы не поняли ровно!

Но святою лозой Диониса клянусь, да,
клянусь вам и дважды и трижды,

Никогда и никто превосходней речей не слышал
на комических играх.

Что ж, для вас в этом стыд, поношенье для
вас, не усвоить утонченной мысли,

1040.

А поэта и ценят и чтут знатоки точно так же,
нисколько не меньше,
Оттого, что врагов далеко обогнав, он увидел
крушенье надежды. 1050.

Но теперь, если снова захочет поэт
Небывалую новость придумать для вас,
Чудаки, простаки, похвалите его,
Берегите, любите, лелейте его,
А словечки его сохраните в запас.
В сундуки уложите, в корзины, в лари,
Вместо яблок и груш,
Не минует и года, льняные плащи
Будут пахнуть у вас
Разуменьем и здоровой оценкой.

ОДА.

Первое полухорие.

В дни былые в хороводах были мужественны мы, 1060.
Были мужественны в битвах,
Были — крепкие мужчины в честных
мужеских трудах!

Были годы! Были! Где?
Все минуло! Крыл белее лебединых
Космы белые волос.
Все ж и под золою тлеет
Искра юношеской силы,
Знаю, знаю, наша старость
Крепче, чем стольких мальчишек
Волос долгий, стан кичливый
И блудливый толстый зад. 1070.

ЭПИРРЕМА.

Предводитель первого полухория.

Зрители, когда в смущеньи спросит кто-нибудь
из вас,
Что осиный вид наш значит, перетяжка посреди,

Что за смысл и в чем причина этих тонких,
острых жал?

Все подробно объясню я даже тем, кто не учен.

Знайте ж, мы вот с этим жалом, с этим

длинным курдюком

Мы — природные граждане здесь в

аттической стране.

Племя сильных и отважных. Город наш

спасали мы

В многих битвах. Были годы. Варвар к

стенам подступил,

Чтобы в дыме задушить нас, чтобы город

сжечь огнем,

Чтобы выломать насильно из улья медовый сот.

Тут с копьем, в броне железной за ворота

вышли мы,

С неприятелем сразились, черной горечью

пьяны.

В гневе губы закусили, щит к щиту и к ряду ряд.

А от сотен стрел мидийских света солнца не

видать.

Все же с помощью всевышних к ночи

победили мы.

Неспроста сова Паллады облетела лагерь наш.

Так мы дружно их погнали, били острогой

в штаны.

В щеки, в брови их кололи — побежал

смятенный враг.

С той поры молва повсюду среди варваров идет:

„На земле всего страшнее — месть аттической

пчелы“.

АНТОДА.

Второе полухорие.

Был я грозен, был я страшен, не боялся ничего.

Опрокидывал в пучину

Неприятеля, далеко высылая корабли.

1080.

1090.

Не любили мы тогда
Гладких слов, речей искусных. Не искали
На соседей клеветать.
Славен был гребец прилежный.
Так отняли мы у мидян
Много городов богатых,
Так добыли мы для граждан
Дань, которую бесстыдно
Расточает молодежь.

1100.

АНТЭПИРРЕМА.

Предводитель второго полухория.

Разглядевши нас поближе, согласитесь вы,
что всем,
И природой и повадкой ос напоминаем мы.
Вот вам первое: на свете своенравней твари нет,
Нет сердитей, нет сварливей, раздражительней
и злей.

И во всех других привычках точка в точку
осы мы.

Рой за роем, строй за строем, словно осы на
цветы,

Вылетаем, те к архонту, в суд одиннадцати те.
Те в театре заседают, те у городской стены.
В дружной кучке, тесно сжавшись и

притиснувшись к земле,

Как личинки в узких сотах еле шевелимся мы. 1110.

Но себе на пропитанье добывать мы мастера.
Жалим встречных, поперечных, достаем на
прожитье.

Все ж немало тунеядцев, жадных трутней
среди нас.

Нет у трутней острых жальцев без забот и без
трудов,

Нашим потом и трудами сыты досыта они.

Но всего для нас обидней, если трус и домосед,

1120.

Долю нашу расхищает, хоть за родину в боях
Он не брал весла и дрота и мозолей не натер.
Предложение такое вносим: пусть отныне тем
Из сограждан, кто без жала, трех грошей не
выдают!

ЧЕТА ШЕСТАЯ.

„ПИРУШКА“.

ЭПИРРЕМА.

(Клеонослав и Мстиклеон выходят из дому, ссорясь.)

Клеонослав. Пока живу, с овчиной не расстанусь я.

Она одна была моей защитницей,

Когда походом грозным шел Борей на нас.

Мстиклеон. Неужто сам не хочешь ты добра себе?

Клеонослав. Да, Зевс свидетель! Нет мне в этом при-
были.

Недавно лишь, объевшись рыбок жареных,

За плащ я отдал три гроша суконщику.

Мстиклеон. Ну попытайся,—ты же мне доверился,—

1130. Хотя б разочек сам себя побаловать.

Клеонослав. Чего ж ты хочешь от меня?

Мстиклеон. Дерюгу скинь,

И в этот мягкий, теплый плащ укутайся!

Клеонослав. К чему детей заводим и к чему растим?

Вот сын родной задумал задушить меня.

Мстиклеон. Возьми, оденься и довольно глупостей!

Клеонослав. Что за напасть такая, ради всех богов?

Мстиклеон. Зовется плащ персидкой или кавнакой.

Клеонослав. По-моему, так шкурою фимаидскою.

Мстиклеон. Понятно, старый! В Сардах не бывал
ведь ты.

Тогда бы знал, а то не знаешь.

Клеонослав. Где уж мне,

1140.

Свидетель Зевс! Откуда ж мне! По-моему,
Так это просто одежонка Мориха.

Мстиклеон. Ничуть! Сукно такое в Экбатанах ткут.

Клеонослав. Как, в Экбатанах ткут сукно из
потрохов?

Мстиклеон. Чудак! Еще что выдумал! У варваров
Ткут эту шерсть с великими затратами.

И этот плащ убил талант, не менее:

Клеонослав. Тогда „палач“ скорее, а не кавнака,
Твой плащ хваленый.

Мстиклеон. Замолчи, любезнейший!

И не вертись! Я одеваю.

Клеонослав. Горе мне!

Так и пахнуло жаром от проклятого.

1150.

Мстиклеон. Ну, завернись же!

Клеонослав. Я то? Ни за что! Нет, нет!

Уж лучше ты в жаровню заверни меня!

Мстиклеон. Так сам тебя укутаю. Кругом, кругом!

(Одевает старика.)

Клеонослав. Ну, приготовь и вилку!

Мстиклеон. Для чего еще?

Клеонослав. Пока совсем не разварюсь я, вытащи!

Мстиклеон. Так скинь и эти шлепанцы проклятые,

Обуйся лучше в сапоги лаконские!

Клеонослав. Чтоб я стерпел! Чтоб дал я подвязать
себе

Врагом коварным скроенные стельки? Нет!

Мстиклеон. Дай ногу, старый, и вступи бестрепетно 1160.

В лаконскую...

Клеонослав. Позор и поношение!

Вступить ногой во вражескую местность?..

Мстиклеон. Дай

Теперь другую ногу!

Клеонослав. Не могу никак!

Мизинец мой — заклятый враг лаконянам.

Мстиклеон. А все-таки придется.

Клеонослав. Горе, горе мне!

На старость лет и зябнуть не позволено!

Мстиклеон. Ну натяни сапожки! Как богач, теперь
Пройдись, вихляясь задом и расслабленно!

(Клеонослав важно прохаживается.)

1170. Клеонослав. Вот так? Вглядись в осанку! Посмотри, кого

Из богачей тебе напоминаю я!

Мстиклеон. Кого? — Да, чирей, под чесночным
пластырем!

Клеонослав. Вот почему и сзади что-то чешется.

Мстиклеон. Постой, а ты умеешь разговаривать

С людьми воспитанными и учтивыми?

Клеонослав. О, да!

Мстиклеон. Ну, что ж ты скажешь?

Клеонослав. Много всякого!

Как Ламия попалась и напортила.

Потом про то, как Кардопион мать свою...

Мстиклеон. Ах нет, не надо сказок! Про житейское

1180. Нам расскажи, про наше, про домашнее!

Клеонослав. Одну я знаю сказочку домашнюю.

Жила на свете мышка. С нею — ласочка...

Мстиклеон. О неуч! О невежда! Рассердившись, так

Золотарю однажды Феоген сказал.

Мужчинам говорить о мышке с ласочкой?

Клеонослав. О чем же говорить мне?

Мстиклеон. О значительном.

Как были вы в посольстве, ты, Клисфен,
Андрокл...

Клеонослав. Да ведь в посольствах никогда и не
был я!

Один лишь раз, в Паросе, за два гроша в день.

1190. Мстиклеон. Так расскажи мне, как держался доблестно

На кулаках с Аскондом наш Эфудион.

Хоть он и стар и сед, но шея крепкая;

Как у Геракла — бедра, ноги стойкие

И грудь — как панцырь.

Клеонослав. Брось! Какие глупости!
На бой кулачный кто ж выходит в панцире?

Мстиклеон. Такие разговоры у воспитанных.
Теперь скажи мне вот что! В гости

позванный,
За кружкой, какой славнейший подвиг свой
Припомнить ты сумеешь из минувших лет?

Клеонослав. Вот это, это самый славный подвиг мой:
Из сада кол стащил я у Эргасия. 1200.

Мстиклеон. Убьешь меня! Какой там кол? Припомни
нам

Как затравил ты зайца, кабана убил.
Об играх вспомни факельных. О доблестном.

Клеонослав. Один я помню подвиг, очень доблестный.
Фаилла скорохода, — был я мальчиком, —
За брань я притянул и тяжбу выиграл.

Мстиклеон. Молчал бы лучше! Сядь сюда и выучись
Обычаям попоек и товариществ.

Клеонослав. А как же сесть мне, расскажи!

Мстиклеон. Пристойно.

Клеонослав. Так 1210.
Приказываешь сесть мне?

Мстиклеон. Да ничуть!

Клеонослав. А как?

Мстиклеон. Как если б ты в палестре, ноги вытяни!
Потом пролейся на ковры изысканно!

Взгляни на лепку, полюбуйся вышивкой.

„Вот эта чаша медная мне нравится.

Эй, эй! Воды! Скорей, вносите столики!

За пир! Смочите руки! Возливаем мы“.

Клеонослав. Что ж будет на закуску? — Сновидения!

Мстиклеон. Флейтистка начинает. Сотрапезники

У нас сегодня Фан, Эсхин, Феор, Клеон.

А этот чужеземец, не Акестор ли? 1220.

От них принять сумеешь песню?

Клеонослав. Как еще!

Мстиклеон. Неужто да?

Клеонослав. По-деревенски! Здорово!

Мстиклеон. Сейчас увидим. Вот Клеоном буду я,
И затаю запевку. Ты за мною пой! (Поет.)

„Нет такого в Афинах гражданина...“

Клеонослав. (Поет.) „Нет такого разбойника и
вора“...

Мстиклеон. Ответишь так? Да криком он убьет тебя.
Тебя зарезать пригрозит, со света сжить,
Послать в изгнание.

Клеонослав. Ну так что ж? Пускай грозит!

1230. Свидетель Зевс! Спою другую песенку: (Поет.)

„Стой, безумный, тебя ослепило
владычество.

„Город в прах повергаешь, шатаются
противни“.

Мстиклеон. А вдруг Феор, — лежит он здесь у ног
твоих, —

Затянет песнь, Клеона взявши за руку:

(Поет.) „Песнь Адмета, дружок, помни всегда:
добрых люби друзей“.

1240. Ты чем ему ответишь?

Клеонослав. Чем отвечу я? (Поет.)

„Лисою юлить не дело.

Двух маток за раз сосать не водится“.

Мстиклеон. А тут Эсхин, сын Селла, муж ученейший
И в музыке искусный, начинает так: (Поет.)

„Силы и золота

Мы с Клитагорою

Да с Фессалийцами“...

Клеонослав. (Поет.) „Расстратили без счета, ты да я
с тобой“.

Мстиклеон. Все это, вижу, ты изрядно выучил.

1250. Идем же на попойку к Филоктемону.

Эй, мальчик, угощение собери нам, Крез!

Сегодня мы напьемся!

Клеонослав. Ни за что! Ни, ни!

Опасно пить. Несчастья все от выпивки:
Дверь выбитая, драка, камень в голову,
Потом спохмелья денежки тяжелые.

Мстиклеон. Совсем не так среди людей воспитанных.

Прощенья попроси у потерпевшего,
А нет, так басню расскажи занятную —
Эсоповскую или Сибаритскую,
Из тех, что сказывают на попойке. Так

1260.

Все в шутку обернешь ты и домой уйдешь.

Клеонослав. Немало надо выучить мне басенок,

Чтоб за бесчинство пени не уплачивать.

Мстиклеон. Идем же, старый. Пусть ничто не держит
нас!

(Оба уходят.)

ОДА.

Первое полухорие.

Завидна мне участь твоя,

(1450).

Старик, нашел ты счастье.

Угрюмым был, бедность забыл.

Теперь, узнав жребий другой,

Накинешься охотно

На сладкий кус, гладкую жизнь.

А вдруг на все скажешь ты: нет!

Привычки власть зла и сильна.

Менять свой нрав нам тяжело.

Немало все ж случаев есть:

Живя с людьми, слыша людей,

(1460).

Переменяем мы привычки.

АНТОДА.

Второе полухорие.

Тебе же — честь! Слава — тебе!

Так скажет тот, кто честен.

Отчизне ты — преданный друг.

Разумен, смел, вежлив и мудр,

О сын Клеонослава!

Кто скромн так, кто так учтив?
Таких нигде я не встречал.
Чья речъ, чей нрав душу мою
Пленили так, так вознесли?
В речах его трогало все.
(1470). Одну лишь цель он себе дал:
Венком удач, тьмою утех
Родителя украсить старость.

АНТЭПИРРЕМА.

КСАНФИЙ (вбегает). О горе! Черепахи, как вы счастливы
Под панцырем роговым! Трижды счастливы!
От колотушек как глубокомысленно
Укрыли вы хребет под черепицами!
А я, а я погиб под ливнем палочным!

ПРЕДВОДИТЕЛЬ ОС.

О что с тобою, отрок? Ибо отроком
Зовем и старца, если палкой бьют его.

1300. КСАНФИЙ. Старик наш оказался самым бешеным
И самым пьяным среди собутыльников.
Хоть были там Лисистрат, Антифонт, Ипилл,
Ликон и Фриних, Феофраст и кто еще?
Но наш шумел всех больше и бесчинствовал.
Как только брюхо переполнил кушаньем,
Вскочил, заржал, и затрубил, запрыгал он,
Как жеребенок, ячменем раскормленный.
10341) Меня ударил по-господски: „мальчик, эй!“
Лисистрат, это видя, так сравнил его:
„На выскочку похож ты. На Фригийского
1310. Осла, к подстилке, к яслям подскочившего“.
А тот, бранясь сравнил его с кузнечиком:
„Листочки все обгрыз ты на плаще своем.
Ах ты Сфенел, платишко разбазаривший!“
Захлопали тут гости. Феофраст один
Скривился. Он ведь человек воспитанный.

Старик на Феофраста: „Ты чего, скажи,
„Прикинулся вельможей, надуваешься?
Шут, прихлебатель у стола богатого!“.

Так грубо обругал он по порядку всех

С насмешкою мужицкой и словечками,

1320.

Ничуть не подходящими и бранными.

Тут, вовсе перепившись, он домой пошел,

Прохожих задирая и бесчинствуя.

Да вот и сам шатается, идет сюда.

От колотушек убегу подальше. (Убегает.)

Клеонослав. (Входит с флейтисткою и факелом. За ним —
рассерженные гости.) Разойдись! Расступись!

В морду тем, кто прилипает, лезет, пристаёт

Эй, отстаньте, перестаньте, [ко мне!

Воры, или этот факел

1330.

Вас в копчушку прокоптит!

Гости. За это все уплатишь завтра пеню нам.

Каким бы ни был смелым и заносчивым,

Придем всем скопом и тебя потянем в суд.

Клеонослав. Иэ! иа! Меня-то в суд!

Старье! Гнилье! Так знайте все:

И слышать не хочу про суд!

Тошнит, воротит, к чорту!

Убирайся! Где же ты старый

1340.

Заседатель? Друг, прощай! (Гонит гостей.)

(К флейтистке.) Взойди сюда, жучок золотокры-
ленький!

За жгут руками ухватись! Держи! Держи!

Но берегись: жгуток подгнил немножечко,

Хотя подергать за него и следует.

Как ловко прямо с пира я увел тебя!

Уже играть с гостями начинала ты.

Утешь за это и побалууй старого!

Ах знаю, не утетишь, не порадуешь,

Обманешь горемыку и раскроешь рот.

И прежде многих так же изводила ты.

1350.

А если будешь женкою послушненькой,
Тебя, моя щетинка, только сын умрет,
Освобожу я и подружкой сделаю.

Сейчас не господин я над добром своим:
Еще я молод и на воспитании.

Мой сын следит за мною, он суров и строг.
Боится страшно, чтоб не развратился я.
А у него ведь я отец единственный.

1360.

Да видишь, вот и сам он подбегает к нам.
Возьми же в руки факел и скорее стань
Сюда. Над ним я напотешусь вволюшку,
Как надо мною он, до посвящения.

Мстиклеон (вбегает). Постой, постой, лизунчик,
старый гроб, постой!

Свидетель Феб, из бани не уйдешь сухим.
Хорошей, свежей захотел могилки ты?

Клеонослав. Из уксуса и соли хочешь тяжебку!

Мстиклеон. Еще смеешься? Ты же у гостей украл
Флейтистку?

Клеонослав. Что? Флейтистку? И придумал же!

1370.

Чего ты бредишь, как из гроба выходец?

Мстиклеон. Да вот и Дарданида! Зевс свидетель мне!

Клеонослав. Нет. — Факел в честь богов горит на
площади.

Мстиклеон. Вот это — факел?

Клеонослав. Факел. Видишь — метина.

Мстиклеон. А в середине это что ж чернеется?

Клеонослав. Смола стекает, черная от пламени.

Мстиклеон. А это что же, говори, не задница?

Клеонослав. Не задница, а ручка. Тут берут ее.

Мстиклеон. Сказал же: ручка! (Флейтистке.) Детка,
подойди сюда!

Клеонослав. Ай, ай! Что ты затеял?

Мстиклеон. Уведу ее.

На что тебе девченка? Ты же вовсе сгнил,
И ничего не можешь.

1380.

Клеонославу. Ну так слушай же!
Когда на играх я гостил в Олимпии,
С Эскондом бился доблестно Эфудион,
Хоть он уж стар. И кулаком увесистым
Старик на землю опрокинул юношу.
Так берегись, чтоб глаз я не подбил тебе!

Мстиклеон. Олимпию свою ты твердо выучил!

(Уводит с собой флейтистку.)

Торговка (вбегает в бешенстве). Богами заклинаю,
защити меня!

Вот этот старый изувечил до смерти
Меня и факелом избил, и сбросил в грязь 1390.
Лепешок на десять грошей, и пять еще.

Мстиклеон. Вот видишь, что ты сделал? В тяжбу
впутал нас.

Под суд подвел бесчинством пьяным.

Клеонославу. Я? Ничуть?

Уладят все веселенькие басенки.

Поверь, я знаю, как угомонить ее.

Торговка. Так не уйдешь ты, нет! Клянусь богинями!
Состраты дочь и Анкилина, Миртию,
Меня ты разорил со всем лотком моим!

Клеонославу. Сперва послушай, друг мой! Расскажу
тебе

Занятный случай.

Торговка. Негодяй! Не надо мне! 1400.

Клеонославу. Эсоп с попойки возвращался некогда.

И тут, собака, дерзкая и пьяная,

Ну лаять! Тот сказал ей: „Стой, собака,
стой!“.

Когда бы, вместо языка болтливового,

Ты хлеб купила, было бы разумнее“.

Торговка. Смеешься надо мною? Потащу тебя

К надсмотрщикам. Улики очевидные!

И Хэрефонта приглашу в свидетели.

Клеонослав. Да нет! Послушай! Как тебе понравится?
1410. Однажды с Симонидом состязался Лас.

Сказал тут Лас: „Плевать я на тебя хочу!“.

Торговка. Ах вот как, вот как!

Клеонослав. Ты же, Хэрефонт, как раз
В свидетели годишься к этой высохшей
Ино, за ноги Еврипидом вздернутой.

(Торговка уходит.)

Мстиклеон. Вот и другой обиженный бежит сюда,
Чтоб в суд тебя тащить и с ним свидетели.

Обиженный (вбегает в ярости). Ой, ой, ой, ой! К суду
тебя зову, старик,

За оскорбленье.

Мстиклеон. Оскорбленье? Нет же, нет!
1420. Я за него с охотой, с благодарностью,
Чего б ни запросил ты, уплачу сполна.

Клеонослав. Отлично, мы и так договоримся с ним.
Я признаюсь, что бил и повалил тебя.
Так подойди ж поближе! Доверяешь мне
Назначить пеню, чтоб забыть о сделанном,
И быть мне другом, или скажешь цену сам?

Обиженный. Нет, ты скажи. До тяжёб не охотник я.

Клеонослав. Однажды с колесницы сибарит упал.
И больно о земь головой ударился:

1430. Плохим он был возницей и лошадином.

Приятель тут нашелся и сказал ему:

„Пускай займется каждый ремеслом своим“.

Так вот и ты беги в больницу к Питталу!

Мстиклеон. Опять про то же и опять про глупости!

Обиженный. Припомни также, что он отвечал ему.

(Драка.)

Клеонослав. Постой! Послушай! В Сибарисе
женщина

Горшок разбила...

Обиженный (к зрителям). Вас зову в свидетели.

Клеонослав. Горшок вот также пригласил свидетелей.

„Вот видит Зевс, сказала Сибаритянка,
Когда бы ты, послав к чертям свидетелей,
Достал повязку, было бы полезнее“.

1440.

Обиженный. Что ж, зубоскаль, пока к суду не вызвали!

(Уходит со свидетелями.)

Мстиклеон. Клянусь Деметрой, дольше здесь не быть тебе.

Возьму тебя и отнесу.

Клеонослав. Куда? Куда?

Мстиклеон. Запру тебя за дверью, а не то, боюсь,
Свидетелей не хватит у обиженных.

(Хватает его.)

Клеонослав. Эсоп однажды в Дельфах...

Мстиклеон. Мне и дела нет!

Клеонослав. В покраже обвинен был чаши Фебовой.
И рассказал дельфийцам, как однажды жук...

Мстиклеон. С жуками вместе, провались, негоднейший!

(Уносит старика.)

ЧЕТА СЕДЬМАЯ.

МАЛАЯ ПАРАБАЗА.

ОДА.

Первое полухорие.

Часто сметливым и ловким я казался сам себе.

И нимало не глупцом.

Но умней меня Аминий, длиннокосмый, Селла
сын.

Помню я, как позабывши брюкву, редьку и
салат,

Он с Леагором пировал.

Теперь он тощ, как Антифонт.

(1270).

Все ж послом в Фарсал уехал, важно там
держал себя.

Из Фессалийцев

С одной лишь голью дружбу вел.

Нищий с нищими, бездомный с художомной
беднотой.

ЭПИРРЕМА.

Предводитель первого полухория.

Арифрад, о как ты счастлив! Трижды славим
мы тебя.

Трех искусных, трех прекрасных воспитал ты
сыновей.

Первый сын, искусный мастер, превосходный
кифарист,

Милый всем и всюду славный, неизменный
друг Харит.

(1280).

Сын второй, еще искусней, знаменитейший
актер.

Третий, Арифрад, искусством всех богаче
одарен.

Сам собой, отец клянется, не учась ни у кого,
Следуя своей природе, научился третий сын
Ловко языком работать, забежав в веселый
дом.

АНТОДА.

Второе полухорие.

.....
.....

АНТЭПИРРЕМА.

Предводитель первого полухория.

Говорят сейчас в народе, что с Клеоном мир
у нас

Заключен, что поддался я, испугался,
сплоховал,

Изувеченный и битый. Да, когда в петле я
был,

Зрители, в покое сидя, издевались надо мной,
Крик мой слыша, видя муку, ни один мне не
помог.

Ждали, чтоб с петлей на шее, шуточкой
ответил я.

Тут, узнавши вас немного, в обезьяну я сыграл.
Но теперь, поверьте, снова обманул лозу колок! (1290)

ЭКСОД.

КСАНФИЙ (вбегает). Свидетель Бромий, чудеса немалые
Недобрый демон нынче в этот дом послал.
Старик-то наш напившись и накушавшись,
Наслушавшись флейтисток и довольный всем,
Плясать принялся, пляшет напролет всю ночь.
На старый лад, как некогда Феспид плясал.
А всех трагедов называет завалью, 1480.
И победить берется в состязании.

КЛЕОНОСЛАВ (появляется у дверей пьяный и вопит).

Кто воссел у дверей, у высоких ворот?

КСАНФИЙ. Вот оно, вот идет наше горе само!

КЛЕОНОСЛАВ. Отмыкайте засовы, ломайте замки.—

Начинается пляс!

КСАНФИЙ. Говорил бы, безумье твое началось.

КЛЕОНОСЛАВ. Выгибается грудь, извивается стан.

Из надутых ноздрей вырывается храп,

Позвоночник трещит...

КСАНФИЙ. Чемерицы испей!

КЛЕОНОСЛАВ. Подтолкнул меня Фриних, как клювом
петух... 1490.

СОЗИЙ. Опрокинешь меня!

КЛЕОНОСЛАВ. Задирается к небу беспечно нога...

СОЗИЙ. Раззевается зад.

КЛЕОНОСЛАВ. За собою гляди!

Наши гибкие кости проворно скользят,

В легкослаженной чашке суставов.

(Входит Мстиклеон.)

Клеонослав. Что, славно?

Мстиклеон. Зевс свидетель, отвратительно!

Клеонослав. Постой, сейчас на состязанье вызову.

Кто из трагедов мнит себя танцовщиком,
Пускай выходит, пусть со мною встретится!
Кто вызвался? — Боятся!

(Выходит первый танцовщик.)

1500. Мстиклеон. Вот идет один.

Клеонослав. Кто ж он несчастный?

Мстиклеон. Это рака Каркина
Середний сын.

Клеонослав. Сварился он и кончился!
„Священной пляской — в зубы“ уложу его.
А в этом вовсе слаб он.

(Выходит второй танцовщик.)

Мстиклеон. Ах, ты, бедненький!
Вот и другой раченок приближается.
Он брат тому.

Клеонослав. Отлично. На закуску мне!

(Третий танцовщик появляется.)

Мстиклеон. Свидетель Зевс, одни лишь нынче раки
здесь.

Подходит третий из отродья Каркина.

Клеонослав. Да кто же это, краб иль паучек ползет?

1510. Мстиклеон. Раченок это, из породы карликов.
Моложе всех и пишет он трагедии.

Клеонослав. Блаженный Каркин! О как в детях
счастлив ты!

Толпою целой подползают птенчики.
Пора на состязанье с ними выйти. Ты ж,
Подливку приготовь для них из уксуса!

(Общая пляска.)

Предводитель ос.

Мы же все, как один, дорогие друзья, отойдем
потихоньку в сторонку,
Чтоб на наших глазах без помехи они
кувыркаться могли и вертеться.

Первое полухорие. Вперед, знаменитые дети
Водяного старца!

Скачите по зыбким пескам,
По хляби отливов морских,
Братья вертких крабов!

1520.

Второе полухорие. Кружитесь быстрее и быстрее!
Фринихова пляска!

Закиньте повыше ступню!
Пусть зрители ахнут: „ай, ай!“,
Видя пятки в небе.

Предводитель ос. Кружись, кувыркайся и бей
себя по брюху!

Выбрасывай ноги вперед, вертись волчком
жужжащим!

1530.

Великий владыка морей, отец ваш подползает.
Вертлявой тройняшкой своей гордится
он и счастлив.

(К хору.)

Любезными будьте и нас в веселом хороводе
За дверь проводите теперь. До этих пор не
видел
Никто, чтоб комический хор игру закончил
пляской.

(Актеры и хор покидают оркестру.)

КОНЕЦ КОМЕДИИ.

III

ПТИЦЫ

КОМЕДИЯ ПОСТАВЛЕНА КАЛЛИСТРАТОМ В АРХОНТСТВО
ХАБРИЯ, НА ПРАЗДНИКЕ ВЕЛИКИХ ДИОНИСИЙ, В 414 ГОДУ
И ПОЛУЧИЛА ВТОРУЮ НАГРАДУ. ПЕРВЫМ БЫЛ АМИПСИЙ
С КОМЕДИЕЙ „ГУЛЯКИ“, ТРЕТЬИМ ФРИНИХ С КОМЕДИЕЙ
„ЧУДАК“.

КОМЕДИЯ-СКАЗКА,

1.

Год постановки „Птиц“—едва ли не самый роковой и переломный миг в истории древних Афин. Прерванная, было, Пелопоннесская война возобновилась. Правящая промышленно-торговая партия поставила на карту все могущество, все силы и средства города: была снаряжена небывалая еще флотилия для завоевания Сиракуз, столицы богатейшей Сицилии, ключа к торговле на западных берегах Средиземноморья. Гигантская экспедиция вызвала сперва необычайный подъем в подвижной и легко возбудимой афинской толпе. Самые необузданные надежды расцвели. Самые дерзкие планы воскресли снова. Но уже первые месяцы принесли разочарование. Вспыхнувшие смуты повлекли за собой отозванье, а затем и изгнание Алкивиада, талантливейшего вождя экспедиции, чаянного спасителя государства. Страшная тревога охватила всех. Раздраженное и подтачиваемое внутренними раздорами правительство демократии впервые за многие десятилетия решило нарушить исконную афинскую свободу речи и мнений. Закон Сиракосия набросил узду на своеволие карнавала. Были запрещены прямые нападки на лиц, занимающих государственные посты.

В этой, чудовищно напряженной, обстановке, на празднике Великих Дионисий 414 года Аристофан выступил со своими „Птицами“. Официальный запрет, а еще действительно, конечно, нелгущее чутье художника увели в эти смутные дни его творчество от прямой политической темы в область чистого вымысла. Но

стихия карнавала, стихия хорового театра была еще достаточно жизненна и свежа. Так сложилась эта комедия, как маскарадная сказка, как феерия, фантастическая и крылатая, древне-греческий „Сон в летнюю ночь“.

От старинной народной сказки здесь не только отдельные мотивы и детали (без таких сказочных рудиментов не обходится ни одна Аристофановская комедия), от сказки в „Птицах“ не только основная метафора „хора из пернатых“, — нет, самая тема комедии, вернее двойная тема ее заимствованы из старо-сказочного фольклора. Герои сказки отправляются к свойственнику своему, царю птиц, в чудесную и далекую страну. Это — имеющееся и в старославянском фольклоре сказанье об Иване-царевиче и трех зятях его: Орле, Вороне и Соколе. В комедии тема эта зазвучала, примерно, так: афинянин (обязательно, конечно, афинянин) Пифетер, — „Друзьям — советчик“, захватив с собой приятеля своего Эвельпида, — „Надеяша“, разыскивает птичьего царя Удада, сказочного своего согражданина. Действительно, миф гласил, что фракийский царь Терей женился некогда на афинской царевне Прокне, и был после превращен богами в птицу, в удода, жена же его — в соловья.

Пифетер пришел за советом (обычная комедийная завязка), как найти город счастливей и лучше Афин. Такого города не оказывается, но в вечно ищущем, суетливом, истинно-афинском уме Пифетера рождается замысел еще более величественный. А что, если, по образцу городов людей, основать птичье государство? Ведь птицам, а не людям и не богам принадлежит власть над миром.

Так мы сразу попадаем в весело-нелепую, фантастически-искаженную атмосферу карнавальной „перевернутости вещей и отношений“. Создается птичья столица „Тучекукуйщина“, где все и похоже, и вместе, с тем, непохоже на человеческую действительность. Как и в людских войнах, как в той же Пелопоннесской войне, птицы устраивают блокаду, отрезая небо от земли, беря измором богов и людей. Это гиперболическое допущение проводится в дальнейшем с истинно комедийной последо-

вательностью в нелепице. Параллелизм растет до размеров чудовищно-смехотворных. Но во всем остальном — в птичьем государстве все наыворот. Все, что среди людей „клеимтся беззаконием, грехом и пороком, — в царстве птичьем славно и разрешено“. Так будет возвеличен среди птиц тот, кто на земле „опозорен, как клейменный, беглый раб“. Вот он, пережиток старинного своеволия карнавала! Тоже и наоборот. Всякого рода почитаемым у людей проходимцам, — разумеется, в комедийном толковании этого слова, — нет места в птичьей столице. Афинский чиновник — „надсмотрщик“, шарлатан-прорицатель, продажный стихоплет, модный певец, продувной законодатель, ученый землемер, все они, — порождение торговых и промышленных Афин, Афин Пелопоннесской войны, с позором изгоняются из „Тучекукуйщины“. Здесь царит карнавальное веселье, обжорство и пляски. Птицы обещают людям золотой век.

Напоследок в первоначальную сказочную тему о „птице-свойственнике“ вплетается другой, также почерпнутый из старой народной сказки, мотив — „сватовство птичьего царя“. Пифетер, выступающий во второй половине комедии крылатым и оперенным, как владыка птиц, делает чудеса, строит, с помощью подвластных птиц, исполинскую стену через все небо (также исконный сказочный мотив) и берет себе в жены дочь небесного царя Василию. Этот, несомненно старинный, хотя и очень загадочный образ, перешедший и в славянскую поэзию под именем Василисы Премудрой — Царь-девицы, окончательно ставит комедию под знак сказки. Золотой век наступает. Карнавальное торжество достигает вершины.

Весь этот сказочный остов расшит блестками чистой комедии. Из балаганного театра заимствованы все эти сцены преследования героя-эйрона толпой суетливых „аладзонов“-бахвалов. От балагана идет и центральная пара красноречивого и пылкого Пифетера и простоватого весельчака Эвельпида, этих Дон-Кихота и Санчо-Пансо греческого театра. И совсем уж балаганны, буффонно-комедийны карикатурные фигуры богов, прежде всего Геракла, одаренного здесь теми чертами несокру-

шимого обжорства и нелепого ребячества, которые сделали этого величавого некогда героя излюбленной клоунской маской ярмарочных подмостков.

Не следует, однако, думать, что общественно-политические мотивы совершенно исключены из этой комедии-сказки. Она не была бы тогда древне-аттической комедией, комедией Аристофана. Правда, угадывать в общем замысле пьесы развитую пародию на фантастический, якобы, план сицилийского похода, как это не раз делалось в новейшей критике, было бы опрометчиво. Так же нелепо видеть Алкивиада, вождя похода, в образе Пифетера. Правда, оды и эпирремы этой комедии, в отличие от обычно резко политических песен Аристофана, то пересказывают забавные побасенки, то уносят читателя и зрителя в далекие края, где „лебеди кличут над Эбром, и „горные нимфы водят хороводы“; правда, „муза лесная“, мечтательная и задумчивая, а не бойкая муза рынков и гаваней, благословила эту комедию поэта. Все это верно, но верно и то, что фантастически тревожная атмосфера афинских народных собраний откровенно и сознательно перенесена здесь поэтом в щебечущий мир пернатых, что Пифетер и Эвельпид — подлинные, чистокровные афиняне, доверчивые и лукавые, мечтательные и хитроумные, что выводя шумную вереницу своих бахвалов, Аристофан смело возвращает действие комедии из-за облачных высот на почву своего родного города. Тысячью нитей, намеков, сравнений, внезапных ударов и уколов из-за угла, острот, то кусающихся, то добродушных связана эта комедия с Афинами 414 года.

2.

„Птицы“ — единственная из сохранных пьес Аристофана, выводящая ту „лесную“ декорацию, которая в дальнейшем стала одной из обычных декораций в комедии. На орхестре — „скалы“. Клоунский дуэт Пифетера и Эвельпида с сорокой и вороной, последующее обращение к зрителям — экспозиция, начинают пролог в обычных приемах Аристофана. Появляется Удод, условно-птичья

маскировка которого забавно мотивируется поэтом. Следует комический диалог между ними, во время которого обязанности шута-„бомолоха“ падают на простака Эвельпида. Пифетер, стоявший некоторое время в молчаньи, в пылкой речи дает завязку комедии, тему „птичьей столицы“.

Начинается парод. Появлению полухорий предшествует, однако, сольная ария в сопровождении флейты,— бесспорная дань тому самому новому вкусу и новым течениям в музыке, над которыми Аристофан так часто издевается. Это — знаменитая в древности „песня удода“, действительно мастерской образец звукоподражательной поэзии. Веселый маскарад ряженых — птиц, стрекочущих, прыгающих, свиристящих наполняют оркестру. Птицы нападают на незваных пришельцев из ненавистной породы людей, — разворачивается традиционная сцена драки, необычайно фантастическая на этот раз из-за диковинного наряда полухорий, и забавно усложненная метафорической игрой с буффорией Пифетера и Эвельпида.

Как и обычно, за дракой следует настоящий, словесно-песенный „агон“. Он построен правильно, но состоит не из столкновенья мнений, а из пространной речи Пифетера, захватывающего слово в обеих эпирремах. Красноречивый „Друзьям—советчик“ сперва доказывает неотъемлемые права птиц на всемирное владычество, затем излагает способы осуществленья гигантского плана. Тон пародии на „политическую речь“ выдержан тщательно. Реплики Эвельпида-шута оживляют сцену.

Разумеется, хор убежден доводами оратора. „Великому перевороту“, „птичьему царству“, — веселому разворачиванью карнавальных несообразностей посвящается вторая половина комедии. Но прежде хор выступает в песенно-балетной парабазе. От прямого обращенья к зрителям от своего лица, как в „Осах“ или в „Облаках“, поэт на этот раз воздержался, вероятно из того же желанья избежать остроты злободневности, которое определило и самый выбор темы комедии. Вместо страстных, личных выпадов, требований, полемики, мы имеем здесь еще большее углубленье фантастики, сказочную „генеалогию птиц“, забавный набор из мотивов

фольклора и обрывков софистических учений о мироздании. А далее карнавал полностью вступает в свои права. Хор прославляет себя и свое могущество.

Следующая, третья, чета строится вокруг ритуального центра—„жертвоприношения“. Эвельпида здесь уже нет, его отсылают для якобы необходимых распоряжений. Место его, в качестве шута - „бомолоха“, занимает сам Пифетер, ударами палки прогоняющий первую серию „аладзонов“-бахвалов — жреца, „стихоплета“, прорицателя, надсмотрщика, законодателя и „шарлатана-землемера“, неожиданно носящего почтенное и уважаемое в Афинах имя Метона. Смелая пародия на священный обряд, пародия, которая сейчас же напомним современному читателю аналогичные шутовские „обедни“ в русской народной комедии, пересмеиванье подделывающихся под старину виршеплетов, официальные тирады надсмотрщика, казенная проза законодателя, издевка над гексаметрами оракулов вносят разнообразие и веселье в эту ритуальную сцену. Обряд, как и водится, не удается довести до конца. Пифетер уходит с оркестры, унося с собой козленка, скудный дар скупого хорэга.

Заполненная шутивными угрозами и обещаньями хоров „малая парабаза“ служит переходом к следующему действию. И в этой парабазе поражает почти полное отсутствие личных выпадов и насмешек в одах и эпирремах. Шестая и седьмая четы посвящены параллельно развертывающимся победам птиц в небе и на земле. Начинаются они с небольшого монолога, сказочно-построенного рассказа о „чудесной стене“, служащего как бы дополнительной экспозицией ко второй половине комедии. Эпиррема рисует далее поразительные последствия гигантского замысла в области отношений с богами. Объявлена настоящая война богам; и те, пока что в образе крылатой вестницы Зевса — Ириды, терпят внушительное поражение.

Симметричный с рассказом о „стене“ монолог глашатая о событиях на земле вводит в седьмую чету. С земли приходит вторая серия „аладзонов“ — „блудный сын“, „певец Кинесий“ (опять-таки шутовская маска довольно известного в Афинах дифирамбиста), „доносчик“. Пифетер — „бомолох“ прогоняет их всех. Комическим при-

емом, объединяющим, служит эпизод, материализованная метафора „оперенья“. В совокупности своей эта пара чет может служить хорошим образцом смыслового параллелизма, заменяющего у Аристофана в так называемых „вольных четах“ недостающую, но обязательную для комедии симметрию в композиции.

На подобном же параллелизме строится и следующая, приводящая комедию к развязке, восьмая чета. Композиционной опорой ее служат четыре совершенно схожие между собой песенки-притчи о „чудо-дереве Клеониме“, о „бродяге Оресте“, о „Сократе-заклинателе душ“ и о „стране ябеды“. В оправу их вставлены две также симметричные в смысловом отношении сцены, поднимающие фантастический полет комедий и своеволие карнавала до предельных размеров. В них вводятся уже не люди, а боги, сперва—Прометей, под зонтиком, сбежавший от Зевса, затем целая депутация из разноплеменных богов, просящая владыку птиц Пифетера о пощаде и мире. Как уже сказано, это—чудовищно гротескное преувеличение приемов балагана. Но ритуальный мотив „пирушки“, служащий стержнем обеих сцен, фигура Пифетера, жарящего на вертеле праздничное угощение, напоминает о том, что и здесь мы на почве карнавальной комедии. Чистым видом карнавала является, наконец, развязка, „эксо́д“ комедии, торжественное возвращение Пифетера, „победителя богов“, и свадьба его и Василии. Венчальные песни, торжественный пляс всего крылатого хора завершают спектакль.

3.

Две с лишком тысячи лет спустя после постановки „Птиц“ в театре Диониса, поэт Гёте сделал попытку поставить их в своем Веймарском театре. Такой же опыт произвел еще недавно Рейнгард. Оба исходили из убеждения, что эта крылатая комедия не потеряла за столько веков прелести своей и значенья. И действительно, в мировом театре едва ли найдется второе созданье, полное такого необузданного полета фанта-

стики, такой проникновенной прелести поэзии, такого горделивого самоутверждения свободного народа, в ослеплении праздничного своеволия победоносно восстающего и на обычаи, и на традиционные верования своего города, и на все, что связано узами повседневности, игом быта и будничных мелочей.

ПТИЦЫ.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- Пифетер } — афиняне.
Эвельпид }
Удод — царь птиц.
Птичка-служка.
Жрец.
Стихоплет.
Гадатель.
Метон — землемер.
Надсмотрщик.
Законодатель.
Птица-вестник первый.
" " второй.
Дозорный.
Ирида, вестница богов.
Глашатай.
Блудный сын.
Кинесий — певец.
Доносчик.
Прометей.
Посидон } посольство
Трибалл } от богов.
Геракл }
Прекрасная Василия (без речей).
Хор из двадцати четырех птиц.

ПРОЛОГ.

(На сцене — горная местность. ПИФЕТЕР и ЭВЕЛЬПИД входят. В руках у них птицы: сорока и ворона. За ними — рабы с поклажей.)

ЭВЕЛЬПИД (к сороке). Вперед ведешь, где дерево
чернеется?

ПИФЕТЕР (к вороне). Эй, разорвись! (К Эвельпиду.) Моя
меня назад зовет.

ЭВЕЛЬПИД. Проклятье! Что ж мы? Так и будем стран-
ствовать,

Сновать туда, обратно, дохнуть, мучиться?

ПИФЕТЕР. Ах я, дурак! Вороне я доверился,
И проплутал напрасно стадий тысячу.

ЭВЕЛЬПИД. Ах я, глупец! Сороке я вручил себя.
И ногти стер. И пальцы изувечил в кровь.

ПИФЕТЕР. В какие дебри мы зашли, не ведаю.

10. На родину отсюда ты отыщешь путь?

ЭВЕЛЬПИД. Эксекестид и тот ломает шею здесь.
Ой, ой!

ПИФЕТЕР. Приятель, тише! На тебя: ой, ой!

ЭВЕЛЬПИД. Как подло обманул нас птичник рыночный,
Плут Филократ, от черной желчи бешеный.

Уверил, что к Терею нам укажут путь

Сорока и ворона. Хитро выманил

Полушку за сороку, за ворону — три.

А те одно и знают, что царапаться.

(К сороке.) Чего ж ты клюв разинула? С обрыва
вниз

20.

Нас хочешь сбросить? Нет тропы, нет выхода
Отсюда.

ПИФЕТЕР. Зевс свидетель, ни тропиночки!

ЭВЕЛЬПИД. А что ворона про дорогу каркает?

ПИФЕТЕР. Свидетель Зевс, не то, что прежде — новое.

ЭВЕЛЬПИД. А про дорогу что же?

ПИФЕТЕР. Что? Грозит она

Отгрызть и отклевать мне пальцев кончики.

ЭВЕЛЬПИД (к зрителям).

Ну не ужасно ль это? Захотели мы,
Собрались мы итти к чертям и к воронам.

И что ж, никак дороги не найдем туда!

Ведь мы страдаем, зрители, послушайте,
Болезнью, не похожею на Сакову.

30.

Тот, скиф и чужеземец, лезет в граждане.

А мы — семьи почтенной, рода честного,

Мы граждане из граждан, доброю волею

Из города родного упорхнули — фью!

Не потому, чтоб город ненавидели,

Что не велик, не славен, не прекрасен он,

Не создан для того, чтоб тратить денежки.

Ведь только месяц или два кузнечики

Гудят в садах, но целый год афиняне

40.

Галдят в судах, всю жизнь, не зная устали.

Вот почему мы в этот путь отправились,

С корзинкою, с горшком и веткой миртовой

Скитаясь, ищем тихого пристанища,

Чтоб основаться там и город выстроить.

К Терею шаг, к Удоду мы направили:

Летает он повсюду, так не видел ли

Такого государства, как нам нравится.

ПИФЕТЕР. Эй, эй!

ЭВЕЛЬПИД. Чего ты?

ПИФЕТЕР. Вверх уже давно зовет

Ворона.

ЭВЕЛЬПИД. И сорока, клюв разинувши,

50.

Глядит наверх. Здесь птицы, дело ясное!

Сейчас увидим. Шу, Шу! Попугаем птиц!

(Оба хлопают в ладоши. Молчание.)

ПИФЕТЕР. Так что ж нам делать? Стукни о скалу
ногой!

ЭВЕЛЬПИД. А ты, чтоб было громче, стукнись темечком!

ПИФЕТЕР. Так камень подыми и брякни!

(Стучит.)

Эвельпид.

Сделано!

Эй, мальчик! Го!

Пифетер. Удода кличешь мальчиком?

Не „го-го-го“ — „Удо-до-до“ — зови его!

Эвельпид. Удо-до-до! Прикажешь мне еще стучать?
Удо-до-до!

(Выбегает птичка-служка с длинным клювом. Пифетер и Эвельпид в страхе. Сорока и ворона улетают.)

60.

Служка. Кто кличет господина, кто?

Эвельпид. О, Аполлон, спаситель! Это что за клюв!

(Пугается.)

Служка. Да, это птицеловы! Ай, пропали мы!

(Пугается.)

Эвельпид. Прошу не оскорблять нас незаслуженно.

Служка. Чтоб сгинуть вам!

Эвельпид. Да мы ж не люди!

Служка. Кто же вы?

Эвельпид. Я — трясопузик, пташечка ливийская.

Служка. А это что за птица? Говори скорей!

Пифетер. А я — бездунчик из породы чижигов.

Служка. Болтаешь вздор!

Эвельпид. Взгляни на ноги, прав ли я!

А ты-то что за зверь? Скажи пожалуйста!

Служка. Я птичка-служка.

70.

Эвельпид. Петухом побитая?

Служка. Нет, нет! Когда удодом господин мой стал,
Взмолился он, чтоб птицей обернулся я.
И был ему слугою и попутчиком.

Эвельпид. Бывают, значит, и у птиц прислужники?

Служка. Ну да, у тех, кто прежде человеком был.
Сельдей фалерских вдруг ему захочется,
Схватив горшок, бегу я за селедками.
То каши пожелает: ложку, плоску дай —
Бегу за ложкой.

Эвельпид. Птичка-бегуночек ты!
Послушай, бегуночек, позови-ка нам
Хозяина! 80.

Служка. Свидетель Зевс, сейчас лишь он
Заснул, покушав ягод и комариков.

Эвельпид. Так разбуди!

Служка. Ох, знаю, что рассердится.
Но ради вас, согласен. Разбужу его. (Уходит.)

Пифетер. Чтоб лопнул ты! До смерти напугал меня!

Эвельпид. Беда, беда! Моя сорока милая
Со страху упорхнула!

Пифетер. Трус негоднейший!
Не удержал сороку?

Эвельпид. Да и ты хорош!
Упал на землю и ворону выпустил!

Пифетер. Не я!

Эвельпид. Так где ж ворона?

Пифетер. Улетела, друг! 90.

Эвельпид. А ты не отпускал ее? Храбрец какой!

(Слышен голос Удоды.)

Удод. Раздвиньте чашу! Выхожу я из дому.
(Выходит Удод.)

Эвельпид. Геракл, владыка, это что за чудище?
Какие перья! Три хохла на маковке!

Удод. Кто звал меня?

Эвельпид. Бедняга, погубить тебя
Все боги сговорились.

Удод. Насмехаетесь,
На перья глядя! Странники, ведь был и я
Когда-то человеком.

Эвельпид. Нам не ты смешон.

Удод. А что же?

Эвельпид. Клюв твой нам потешным кажется.

Удод. Поэт Софокл так страшно изуродовал
Меня, Терей бедного, в трагедии. 100.

Эвельпид. Так ты Терей? Что ж птица или чучело?

Удод. Конечно, птица!

Эвельпид. Птица, где же перышки?

Удод. Пovyлезли.

Эвельпид. Должно быть от болезни, да?

Удод. Ничуть! Зимой теряем оперение

Мы, птицы, и отращаем новое.

Теперь ответьте, кто же вы?

Эвельпид. Мы? Смертные.

Удод. Откуда?

Эвельпид. Из страны триер воинственных.

Удод. Так ты судья присяжный?

Эвельпид. Да ничуть, отнюдь!

Присяжный враг сутяжных.

110. Удод. Разве сеется

У вас такое семя?

Эвельпид. В селах изредка.

Удод. Какое ж дело вас сюда направило?

Эвельпид. С тобой хотим мы говорить.

Удод. О чем это?

Эвельпид. Когда-то человеком, как и мы, ты был,

Когда-то в долг монету, как и мы, ты брал.

И о долгах не помнить, как и мы, любил.

Теперь же, видом птице уподобившись,

Моря и земли кругом облетаешь ты,

И птичий ум в тебе и человеческий ум.

120. Вот почему к тебе пришли мы с просьбою:

Не знаешь ли ты города пухового

И ладного, чтоб жить, как в теплом

войлоке.

Удод. Славнее чем Афины ищешь города?

Эвельпид. Хоть не славнее, а для нас удобнее.

Удод. По власти знатных ты тоскуешь?

Эвельпид. Я? Ничуть!

Противен мне Аристократ, сын Скелия.

Удод. В каком же поселиться хочешь городе?

Эвельпид. В таком, чтобы заботой самой важною
Была такая: к дому подойдет сосед
И скажет: Зевса олимпийца именем
Прошу тебя, приди ко мне с детишками
С утра на свадебное угощение.
Не думай об отказе! Не придешь, так знай,
Не приходи ко мне в пору несчастную.

130.

Удод. О Зевс, по горькой жизни ты соскучился!

(К Пифетеру.)

А ты чего желаешь?

Пифетер.

Я? Того ж.

Удод.

Чего?

Пифетер. Чтобы, со мною повстречавшись, выбранил
Меня отец хорошенького мальчика:

„С сынком моим прекрасно обошелся ты!
Видал, как шел он из палестры, вымытый,
Не обнял, не окликнул, провожать не стал.
И не похлопал даже. Закадычный друг!

140.

Удод. Диковинное, видит бог, желанье!

Но есть блаженный город, как вам хочется, —
На море пурпуровом.

Эвельпид.

Ни за что, нет, нет!

О, только не на море! Тотчас вынырнет
С глашатаем судебным Саламиния.

Нет, лучше город укажи нам Эллинский!

Удод. В Дориде поселиться не хотите ли?

Прекрасный город, видит бог!

150.

Эвельпид.

Дориду, друг,

Дари другим, не надо мне дарителей!

Удод. В Локриде обоснуйтесь! Край пленительный!

Эвельпид. Корми других лакрицей и слабительным!

Не соглашусь! Давай хоть бочку золота!

Но расскажи нам, птичье какво житье!

Тебе ж оно знакомо.

Удод.

Жизнь отменная!

Вот первое: без кошельков живем мы здесь.

Эвельпид. От многих зол и сплетен вы избавлены.

160. Удод. В кусточках щиплем белую смородину,
Головки мака, мирты, барбарисины.

Эвельпид. Да это же не жизнь, а месяц свадебный!

Пифетер (оглядевшись вокруг). Ого-го-го!

Какой великий жребий предвещаю я
Породе птичьей! Власть и честь! Послушайте!

Удод. В чем слушаться?

Пифетер. В чем слушаться? Вот первое:

Порхать повсюду бросьте, клюв разинувши.

Совсем это не ладно. На земле у нас

Едва о Феогене спросит кто-нибудь:

„А это кто?“, Телей ответит тотчас же:

„Не человек, а птаха, легкомысленный,

170. Порхающий, не постоянный, ветренный“.

Удод. Мне Дионис свидетель, верно сказано!

Так что ж нам делать?

Пифетер (торжественно). Основать единый град.

Удод. Какой же город мы, пичуги, выстроим?

Пифетер. Мой бог, какие речи бестолковые!

Взгляни сюда!

Удод. Гляжу!

Пифетер. Теперь сюда гляди!

Удод. Гляжу!

Пифетер. Затылком обернись!

Удод. Великий Зевс!

Вот буду счастлив, если шею вывихну!

Пифетер. Видал?

Удод. Что видел? Небо? Облака на нем?

Пифетер. Узнай же, здесь — пернатых вековечный свод.

Удод. Что это значит, „свод“?

180. Пифетер. Ну, площадь сводная.

Все сводится, проводится и сходится

Сюда. Вот почему и говорю я: свод.

Когда же здесь оседло оснуетесь вы,

Что было сводом, станет птичьим городом.

Людьми, как мошкаррой, вы править будете,
Богов мелийским голодом уморите.

Удод. Но как?

Пифетер. Меж небом и землей воздушная
Простерлась гладь. Как мы, в Пифо
отправившись,
Должны просить у беотийцев пропуска,
Так точно вы с богов взимайте пошину
Со всякой жертвы, приносимой смертными.
А нет, не пропускайте чада жирного!

190.

Удод. Ну, ну!

Клянусь петлей, шнуром, силками, сетками,
Хитрей я никогда не слышал замысла!
С тобою вместе город основать я рад,
Пускай лишь птицы согласятся прочие.

Пифетер. Но кто ж о деле им расскажет?

Удод. Ты скажи!

Хоть варварами были, научил я их,
Живя здесь долго, речи человеческой.

200.

Пифетер. Но как мы соберем их?

Удод. Созову легко.

Взойду сюда, в густую сень кустарников,
И друга сердца разбужу, соловушку.
И вместе станем кликать. Песнь услышавши,
Тотчас же к нам слетятся все пернатые.

Пифетер. О, птичка дорогая, так не жди ж, не стой,
Прошу тебя, взойти под сень

кустарников,

И разбуди чудесного соловушку!

Удод. (Скрывается. Слышна его песнь.)

О подруженька, дрему от глаз отгони!

Золотого напева потоки пролей!

210.

Пусть из дивного горла струится печаль,

Ах, об Итисе, сыне твоём и моём.

Пусть звенит рыжеватая шейка, дрожа

От священной тоски.

220. Пусть промчится сквозь ясеней сонных
листву
Звонконогое эхо к престолу отца,
Чтоб Феб златокудрый, услышав призыв,
По тугим, по звенящим ударил струнам
На кифаре из кости слоновой, богов
Хороводы ведя.

Чтоб раздалась в ответ из божественных
уст

Многозвучная песнь,
Непорочное пенье бессмертных.

(Слышится игра на флейте — пенье соловья.)

Эвельпид. О Зевс, как славно распевает пташечка:
Всю рощу медом напоила липовым!

Пифетер. Эй, эй!

Эвельпид. Что надо?

Пифетер. Помолчи!

Эвельпид. Что нового?

Пифетер. Удод опять заголосить готовится.

Удод (поет). Э по-пой, по-пой, по-по-по-попой.

Ио-ио-ито-ито-ито-ито!

Сюда, сюда, друзья мои пернатые!

230. В овсах спелых вы! В хлебах ваш приют!

Тьмы тем, сюда спешите, тысяч тысячи,

Семя собирающий род!

Слетайтесь, сбегайтесь

С писком резвым и веселым!

Вы, что стаями целыми

В бороздах на рыхлой пашне притаились,

Чуть щебеча тишком.

Тьо-тьо-тьо-тьо-тьо-тьо-тьо-тьо.

Вы, что в тьме рощ, где расцвел плющ,

Шлете гимн свой,

Птичий пронзительный зов.

240. Из нагорных лесов, с ежевичных кустов,

С шелковицы

Подымайтесь, слетайтесь,

Мою песнь услыша!

Трио-то трио-то то-то-брикс.

Вы чей дом — лог и топь,

Вы чей корм — мошек рой,

Влажный луг, пойма речная, болотная,

Дол марафонский, пленительный берег —

Сладкий кров ваших гнезд!

Птица пестрокрылатая, журавель, журавель!

Все, кто над морем, над пеной, над суводью 250.

Кружится, плещется с белыми чайками,

Все поспешайте, прознайте про новости,

Всех приглашаем мы, всех собираем мы,

Птицы, о долгие шеи!

Пришел в наш край чудной старик.

Чудесных дел,

Чудесных дум выдумщик он.

Все спешите на беседу

Живо, живо, живо, живо!

Торо-торо-торо-торо-торо-торо-тикс 260.

Кикабау, ки-ка-бау

Торо-торо-торо-торо-ли-ли-ликс.

ЧЕТА ПЕРВАЯ.

ПАРОД.

Пифетер. Что, видишь птиц?

Эвельпид. Свидетель Феб, не вижу, нет,

Хоть рот разинув, в небеса уставился.

Пифетер. Напрасно, видно, наш Удод под сень кустов

Взошедши, токовал, как пьяный тетерев.

(Вбегают первая птица.)

Птица первая. Торо-тикс, торо-тикс.

Пифетер. Посмотри, приятель, видишь, птица подбе-

гает к нам.

Эвельпид. Правда, птица!

Любопытно, что за птица. Вдруг, павлин?

Пифетер. Сам хозяин нам расскажет. (К Удоду.)

Что за птица, объясни!

270. Удод. Это птичка не простая, не из тех, кто вам знаком, —

Птах болотный.

Пифетер. Вот так диво! Он красив и краснопер!

Удод. Краснокрылое фламинго, так не зря его зовут.

(Входит другая птица.)

Эвельпид. Эй, постой!

Пифетер. Чего кричишь ты?

Эвельпид. Птица новая бежит!

Пифетер. Новая, Геракл свидетель.

Удод. Птица из далеких стран.

Пифетер. Кто же?

Удод. Петел-предсказатель.

Пифетер. Дивный вид и важный шаг!

Удод. Звать Мидийцем!

Эвельпид. Что, мидийцем? О, владыка Посидон!

Почему же без верблюда к нам мидиец прилетел?

(Вбегаёт ещё птица.)

Пифетер. Вот ещё вбегаёт птица с гребнем гордым и большим.

Эвельпид. Это что ещё за чудо? Не один ты здесь, — Удод?

280.

И другой Удод нашелся?

Удод. Тот Удод — Филокла сын,

Внук Удода. Я же дедом прихожусь им, ну точь-в-точь

Каллия отец Гиппоник, Каллия — Гиппоник сын.

Эвельпид. Значит эта птица — Каллий? Ах, бедняга,
как он лыс!

Удод. Благороден он и щиплет рой доносчиков его.
Самки тоже перьев много потаскали из хвоста.

(Входит еще птица.)

Пифетер. Боги, птица поспешает в перьях пестрых и
цветных.

Как зовут ее?

Удод. Вот эту? Птица — пырин-живоглот.

Пифетер. Как же это? Ведь Клеоним — знаменитый
живоглот.

Эвельпид. Что? Клеоним? Почему же гребня он не
потерял? 290.

Пифетер. Вообще, к чему на шлемах, гребни чудные
у птиц?

Или это бег гоплитов?

Удод. Вспомни карян, ведь и те,
От врагов спасаясь, ставят шалаши на гребнях
гор.

Пифетер. Видишь, видишь, стаей целой мчатся птицы,
вьется рой.

О, Геракл!

Эвельпид. О Феб владыка! Клубом, тучей!
Угу-гу!

Не видать от птиц летящих ни дороги, ни
ворот!

(На оркестру входит хор из птиц, в пестрых оперениях, разделенный
на два полухория.)

Пифетер. Вот чепура.

Эвельпид. А за нею, видят боги, свиристель.

Пифетер. Вот гагара.

Эвельпид. Да, гагара, за гагарой пустельга.

Пифетер. Кто за пустельгою, видишь?

Удод. Это тетерев-глухарь. 300.

Пифетер. Что ты, разве ж это птица?

Эвельпид. Споргил — шорник, вот глухарь.

Удод. Вот сова.

Эвельпид. Сова? Пустое! Сов возить в Афины — вздор!

Удод. Щур, кукушка, трясогузка, шилохвостка, гага, гусь, Цапля, иволга, оляпка, кобчик, рябчик, козодой. Дятел, дупель, куропатка, коршун, коростель, дрофа.

Пифетер. Уй! уй! уй! уй! Без счета птиц!

Эвельпид. Уй! уй! уй! уй! сорок, синиц!

Пифетер. Верещат, пищат, стрекочут, скачут, прыгают, свистят.

Эвельпид. Нам грозятся, нас пугают.

Пифетер. Клюв раскрыли на меня, На тебя глядят сердито.

Эвельпид. Горе, горе нам, глядят!

Предвод-ца птиц. Ку-ку-ку-ку-да пропал он, тот, что нас сюда созвал?

310.

Удод. Здесь давно уж поджидаю, от друзей не отступлюсь.

Предвод-ца птиц. По-по-по-по-по-почему же звал? И что расскажешь нам?

Удод. Слово правды золотое, крепкое, на пользу всем. Два выдумщика искусных объявились у меня.

Предвод-ца птиц. Что? Как? Вот вздор!

320. Удод. Да! Из племени людского двое стариков пришло С ношей замыслов огромных, грузных, как дубовый кряж.

Предвод-ца птиц. О злодей! Такой измены, отродясь я не слыхал!

Что сказал ты?

Удод. Не пугайся!

Предвод-ца птиц. О, что сделал ты со мной?

Удод. Стариков двоих я принял, с нами жить они хотят.

Предвод-ца птиц. Это сделал ты, негодный?

Удод. Да, и сделанным горжусь.

Предвод-ца птиц. Где же, где же чужеземцы? С нами?

Удод. Если с вами я!

ОДА.

Первое полухорие.

Ай, ай, ай, ай!

Обманули безжалостно, предали нас!

Наш испытанный друг, уважаемый брат,

Однокашник, сосед,

Преступил закон отцовский,

Преступил обычай птичий,

Заманил в ловушку низко, натравил

врагов старинных,

Безобразных и бесчестных, неприятелей

исконных,

С нами бившихся всегда!

Предвод-ца птиц. С ним поговорить позднее мы
успеем, а сейчас

Наказать должны мы мерзких, ненавистных
стариков.

Разорвем их на кусочки!

Пифетер. Горе нам, погибли мы!

Эвельпид. (Пифетеру.) Ты один всему причина, всех
несчастий ты виной!

Ах, зачем меня завел ты?

Пифетер. Чтобы ты за мной пошел.

Эвельпид. Чтобы плакать, чтобы слезы проливать!

Пифетер. Болтаешь вздор!

Как же лить ты будешь слезы, если выключают
глаза?

АНТОДА.

Второе полухорие.

Нападай, налетай, в смертоносный поход

Выступай, остроперые крылья раскинь,

Неприятеля бей!

Ждет обоих казнь и пытка,

330.

340.

Клювам корм готов отменный.
Пусть ни в облаке летучем,
Ни в лесу-бору дремучем,
Ни в седом глухом текучем океане
избавленья

350.

Негодяи не найдут. (Птицы строятся.)

Предводитель второго полухория.

Медлить нечего, когтите, клюйте, бейте, в бок
щипок!

Что же взводный? В наступленье правое
веди крыло!

Эвельпид. Началось! Куда я денусь, сирота?

Пифетер. Ни с места, стой!

Эвельпид. Разорвут меня на части!

Пифетер. А куда же убежать

Думаешь?

Эвельпид. И сам не знаю.

Пифетер. Ну так слушайся меня!

Не бежать, а драться надо. Надо в руки взять
горшки.

Эвельпид. От горшков какая польза?

Пифетер. Читит горшечников сова.

Эвельпид. Ну, а эти, с острым когтем?

Пифетер. Вертел кухонный возьми

И воткни перед собою!

360.

Эвельпид. Как глаза уберегу?

Пифетер. Живо на голову кринку или миску опрокинь!

Эвельпид. О хитрейший полководец, ловко все
придумал ты!

Никия в военном деле переплюнешь ты, шутя.

(Оба вооружаются домашней утварью.)

Предвод-ца птиц. Эла-ла, не время мешкать, клюв
нагни и в бой иди!

Рви, когти, кусай, царапай, бей, сперва коли
горшок!

(Птицы налетают. Драка.)

Удод. Что вам надо? Стойте, звери! Злейшие из всех зверей!

Разорвать, убить хотите без причины, без вины.

Соплеменников, соседей милой женушки моей?

Предвод-ца птиц. Нам зачем жалеть их? Люди — ненавистнее волков!

Если им не отомстим мы, кто ж для нас страшнее враг?

370.

Удод. Хоть враги они по крови, но по замыслам друзья,
И пришли, чтоб научить нас превосходнейшим вещам.

Предвод-ца птиц. Как же доброму научат, как же пользу принесут

Те, кто был врагом природным дедам,
прадедам моим?

Удод. Люди умные умеют поучаться от врагов.

Осторожность — вот спасенье! Не научит друг тому,

Что от горя поневоле изобрести принудит враг.

Вот пример: не от друзей же научились города,
рода,

Стены возводить и башни, в море строить корабли.

Так наука сохраняет дом, имущество, детей.

380.

Предвод-ца птиц. Что же, выслушать, пожалуй, мы согласны речи их.

Доброму, конечно, может неприятель научить.

Пифетер. Вожжи злобы отпускают птицы. Шаг назад, кругом!

Удод. (К птицам.) Я прошу о справедливом. Смилюйтесь в угоду мне!

Предвод-ца птиц. Рады мы тебя уважить. Были в дружбе мы всегда.

Пифетер. (К Эвельпиду.) Думают враги мириться,
Положи горшки на землю!

390. В руки взявши
Копья — вертелы, мы будем
Обходить дозором лагерь,
С высоты горшков окрестность
Наблюдать. Бежать постыдно!
Эвельпид. Так, но если мы погибнем,
Где, скажи, нас похоронят?
Пифетер. Ляжем на мостках горшечных.
Государство погребет нас.
Объясним мы полководцам,
Что на поле куликовом
Пали мы в бою с врагом.

ЧЕТА ВТОРАЯ.

АГОН.

400. Предвод-ца птиц. Птичье войско! На место! В ряды
становись!
Ярость в ножны вложите, покройте чехлом
Ненавидящий пыл!
Пусть ответят пришельцы, откуда они,
Как добрались сюда
И с какою явились надеждой?
(Хор занимает прежнее положение.)
Предвод-ца птиц. Эй, эй, Удод! Тебя зову!
Удод. Зачем зовешь? Что хочешь знать?
Предвод-ца птиц. Кто — гости и откуда к нам?
Удод. Из мудрой Эллинской земли.
410. Предвод-ца птиц. Какой же бог в глушь сюда
Их послал, в птичий край
Их привел?
Удод. Страх и страсть
Жизни путь вновь начать,
Жить с тобой, быть с тобой,
Навсегда, за одно.

Предвод-ца птиц. Вот что!
Слова какие говорят?

Удод. Чудней чудесного слова.

Предвод-ца птиц. А прибыль видит в чем себе,
И почему желает он
Со мною жить?

Врагу ли хочет отомстить,
За дружбу ль другу отплатить? 420.

Удод. Не рассказать, не описать
Какое счастье он сулит.
Клянется он,
Что все, что здесь и там и тут
Тебе должно принадлежать.

Предвод-ца птиц. С ума он сошел?

Удод. Ничуть, страшно мудр.

Предвод-ца птиц. Хитер, ловок он?

Удод. Хитер, словно лис.

Не человек — петля, лазейка, выдумка. 430.

Предвод-ца птиц. Пускай, пускай начнет он речь!

Внимаю я словам твоим

И сердцем окрыляюсь.

Удод. (РАБАМ.) Эй, ты и ты, доспехи и оружие
Снесите в дом, приколотите в добрый час
Над очагом и на шестке расставьте их!

(К ПИФЕТЕРУ.) Ты ж дольше не таи речей обещанных,
Начни и научи нас!

ПИФЕТЕР. Феб свидетель, нет!

Сначала заключим мы соглашение

Такое же, как заключил с супругою 440.

Мартышечка-точильщик: не кусать меня,

Не дергать, не щипаться и не лезть...

Удод (с жестом). Сюда? —

О, ни за что!

ПИФЕТЕР. Я говорил: в глаза не лезть.

Предвод-ца птиц. Согласен я.

ПИФЕТЕР. Присягу принесите мне!

Предвод-ца птиц. Клянусь! Да победим мы голосами
всех

И зрителей и судей!

Пифетер. Пусть свершится так!

Предвод-ца птиц. А нет, пусть победим одним лишь
голосом!

Пифетер. Народ, послушай! Подобрав оружие,
Домой итти велим мы ополчению
И ожидать распоряженья нашего.

450.

ОДА.

Первое полухорие.

Человек — лицемер и хитрец

Всегда во всем.

В крови его ложь.

Все же начни свою речь!

Может статься, верно,

Путь увидел ты для меня величавый,

И великую славу

Разгадал, позабытую мной,

Нерадивым глупцом.

Говори же! Все скажи, что знаешь!

Всю удачу и счастье,

Что доставишь ты нам, мы разделим честно.

ЭПИРРЕМА.

Предводитель первого полухория.

Что придумал, открой, что решил, говори,

Для чего к нам пришел, расскажи нам!

Ни о чем не заботься, присяги своей

Не нарушим мы первыми, помни!

460.

Пифетер. Забродил я давно, видят боги, давно уж
замешена речь и поднялась.

Остается испечь. Эй, несите венок, эй, рабы,
принесите в кувшине

Родниковой воды, чтобы руки омыть.

Эвельпид. Значит будем сейчас мы обедать?

Пифетер. Да нимало! Давно уж таю я в душе
заповедное, веское слово,
Им я сердце пернатых до дна потрясу!
(К птицам, торжественно.) О, несчастные,
как я жалею
Вас, что были когда-то царями!

Удод. Постой, мы царями, какого же царства?

Пифетер. Надо всем вы царили, что есть, надо мной,
и над ним. Вы стариннее Зевса,
Вы маститого древнего Крона древней, вы
начальней и старше титанов,
И земли.

Удод. И земли?

Пифетер. И земли, видит Феб!

Удод. Зевс свидетель, а я и не думал! 470.

Пифетер. Потому, что ты глуп и невеждою рос, и не
читывал басен Эсопа,

А Эсоп-то ведь учит, что прежде всего
появился на свет жаворонок.

Был он старше земли. Тут отец у него
захворал, прохворал, да и умер.

А земли еще не было. Так и лежал дня
четыре мертвец. Жаворонок,

Растерявшись, смутившись, отца схоронил в
голове своей собственной, вот что!

Эвельпид. Значит, нынче отец жаворонка лежит в
Слободе Головной, понимаю.

Пифетер. Разве ж те, кто стариннее старой земли и
древнее богов, по закону

Старшинства и наследства царить не должны
над землей и над всею вселенной?

Удод. Феб свидетель, ты прав!

Эвельпид. Значит, клюв отрастить нам с тобою
придется, приятель.

Скоро, вижу я, Зевсу придется отдать
царский скипетр свой Сорокопуту. 480.

Пифетер. А что, в годы старинные родом людским
управляли не боги, а птицы,
И что птицы владели судьбою людей — целый
ворох тому доказательств.
Вот, к примеру, я тотчас же вам докажу, что
петух был когда-то владыкой
И тираном персидским, он много древней
всяких Дариев и Мегабазов,
И по этой-то власти старинной своей и
зовется он „птицей персидской“.

Эвельпид. Понимаю, так вот почему, точно царь,
и сейчас он надменно шагает,
И один среди пернатых с тиарой прямой
выступает на маковке алой.

Пифетер. Был он так-то силен, был он так-то велик,
был он так-то могуч, что и ныне
По чудесной петушечьей воле его, по
петушечьей утренней песне
Поднимаются все на работу, ткачи, печники,
скорняки, мукомолы.

490.

Гончары, столяры, маляры, мастера по
слесарно-кузнечному делу,
Обуваются наспех, впотьмах и бегут.
Эвельпид. У меня вы спросите об этом!
Я накидочку так, горемыка, сгубил из
новехонькой шерсти фригийской.
К именинам мальчишечки в город на днях
пригласили меня, я напился,
И чуть-чуть задремал, тут до ночи еще, до
пирушки, запел окаянный.
Я подумал — рассвет. Побежал в Алимунт;
забежал впопыхах за ворота,
А навстречу налетчик, хватает меня, по спине
угощает дубинкой.
Я упал, я ничком, собираюсь кричать, тот
накидку стильбонил и смылся!

Пифетер. Да, а ястреб когда-то Эллады самой
повелителем был и владыкой.

Удод. Что, Эллады владыкой?

Пифетер. И в те времена приказал он, гордясь
своей властью,

500.

Перед ястребом на-земь склоняться.

Эвельпид. Ну да! Дионис мне свидетель, на
днях лишь

Заприметивши ястреба, шлепнулся я. Рот
разинув лежал, да с испугу
Медный грош проглотил и поплелся домой,
не пожравши, с пустою сумою.

Пифетер. А Египта всего и Финикии всей госпожею
царила кукушка.

Чуть в лесах закукует кукушка „ку-ку“, так
сейчас финикияне скопом

В поле идут, пшеницу созревшую жнут и
ячменные режут колосья.

Эвельпид. Значит, правду в присловьи народ говорит:
„Ку-ку-ку, петушки, за работу!“.

Пифетер. Так строга была птиц изначальная власть,
что и после, кому ни случилось

В городах и селеньях Эллады царить,

Агамемнону иль Менелаю,

Птица все же сидела на скиптре у них и
брала свою долю во взятках.

510.

Эвельпид. Вот чего я не знал! Понимаю теперь!

А ведь прежде всегда я дивился,

Чуть в театре, в трагедии, выйдет Приам или
кто-нибудь с птицей на палке,

Стерегла Лисикрата она, норовя получить свою
долю во взятках.

Пифетер. Но всего удивительней то, что и Зевс, тот,
что ныне вселенною правит,

Посадил себе птицу на скипетр, как царь,
посадил он орла-господина.

Зевса дочка, Афина, избрала сову, Аполлон,
как слуга, ястребенка.

Удод. Говоришь ты прекрасно, Деметрой клянусь! Для
чего ж это птиц они держат?

Пифетер. Для того, чтоб пернатые прежде, чем Зевс,
потрохами могли поживиться,
Если кто-нибудь к Зевсу с мольбой подойдя,
потроха ему в руку положит.

520.

И с присягою тоже. Когда-то клялись не
богами, а птицами люди.

Эвельпид. А Лампон, чуть захочет кого обмануть, и
сейчас еще гусем клянется.

Пифетер. Так-то некогда вас почитали везде за царей,
за вельмож, за могучих,

А теперь ценят в грош.

Как в бродяг сумасшедших, бросаются в вас

Голышами, камнями. В лесах и полях

Против вас расставляет злодей птицелов

Западни, наволоки, силки, тайники,

Перевесы, тенета, капканы, лучки,

Нанизав на веревку, несет продавать,

530.

Покупатели щупают пальцем жирок,

И не попросту жарят, не просто съедят —

Если нужно, пускай бы изжарили, — нет,

Прежде сыра крошат, заправят лучком,

Кислым уксусом, маслом масличным, вином,

Сладковатой и жирной подливкой зальют,

И приправу горячую, снадобья все

Опрокинут на вас,

Как на подлую, дохлую пададь.

АНТОДА.

Второе полухорие.

Несказанно тяжелую весть

Принес ты мне.

Я плачу, гляди,

540.

Слезы я лью, человек!

Страшный грех отцовский,
Грех лишил меня государства предков
И в ничтожество ввергнул.
Но теперь мне судьба и удача послали тебя,
Ты спаситель мой, ты мое счастье,
Я к тебе прибегаю
С молодыми птенцами. Друг я твой навеки.

АНТЭПИРРЕМА.

Предводитель второго полухория.

Что нам делать скажи, как нам быть научи,
нам и жизнь-то теперь не на радость,
Не хотим мы дышать, не добыв, не отняв
нашей птичьей, прадедовской власти.

Пифетер. Вот вам первое слово: должны вы создать
город птичий, единый и грозный. 550.

А потом, меж землею и небом простор, воздух
весь опоясать стеною
Из огромных камней, из тройных кирпичей,
наподобие стен Вавилонских.

Эвельпид. О владыка, мой зяблик! О чиж господин,
что за дивное сооруженье!

Пифетер. А когда будет выстроен город, должны вы
от Зевса потребовать власти.

Если ж будет он медлить, согласия не даст
и посмеет ответить отказом,
Мы священный поход на богов протрубим,
всем богам олимпийским объявим,
Чтоб они через наши поля и края, распаясь,
разгорясь не шатались.

А ведь прежде на землю с Алкменой блудить
и с Алопою боги сходили,
И с Семелами разными. Если же все ж
забредут, так поставить немедля
На приятное место печать, чтобы впредь
человечьих не портили женщин. 560.

А на землю второго отправить гонца, — вот
 второе вам слово, — чтоб людям
 Объявить, что присвоили птицы всю власть,
 и чтоб птицам отныне молились,
 А богам олимпийским потом, под конец. А для
 этого каждому богу
 Подходящую птицу в товарищи дать, чтобы
 всякий, кто жертву приносит
 Афродите, ячменные зерна принес
 чернокрылой богине — Гагаре,
 Кто овцу Посидону захочет принести, пусть
 пшеницею Утку накормит.
 Кто Гераклу желает молиться, пускай
 Пеликану подарит коврижку.
 Кто барана заколет для Зевса — царя, помни
 царствует птичка-Синичка,
 Прежде Зевса Синичке ты должен заклать
 комара непорочного в жертву.
 Эвельпид. Это здорово! В жертву заклать комара!
 570. Зевс великий, греми же громами!
 Удод. Почему же должны нас богами считать, а не
 жалкими галками люди?
 Мы порхаем, мы в перьях, есть крылья у нас.
 Пифетер. Зевс свидетель, пустое! Ведь бог же,
 Хоть пернат и повсюду летает Гермес, да и
 многие боги крылаты.
 И Победа парит на крылах золотых и Эрот
 легкокрылый порхает.
 А Ириду, служанку Олимпа, Гомер уподобил
 пугливой голубке.
 Ну, а Зевс, разве он, прогремев в небесах, не
 кидает нам молний крылатых?
 Удод. Если все же и впредь за ничто почитать будут
 нас по неведенью люди,
 А богами считать Олимпийских богов, что
 тогда?

Пифетер. Воробьев ополченье
Мы найдем на поля, пусть снопы поклюют,
пусть из колоса выщиплют зерна,
Мы поля раззорим, пусть Деметра потом
голодающим выдаст пшеницы. 580.

Эвельпид. Видит Зевс, не захочет! Увидишь, найдет
отговорки, предлоги пустые.

Пифетер. После воронов черных найдем мы на скот,
на волов, поднимающих пашню,
На овец и на коз. Пусть им выбьют глаза!
Это будет хорошей наукой!

А потом пусть их вылечит врач Аполлон,
ведь не зря ж получает он деньги.

Эвельпид. Подождите, не надо! Сначала продать мне
дозвольте быков моих двойку!

Пифетер. Если ж люди признают тебя божеством,
Посидоном, Судьбою и Кроном,
Все угодыя посыплются разом на них.

Удод. Хоть одно назови мне угодые!

Пифетер. Сколько хочешь! Не будет тогда саранча
пожирать виноградную зелень;
Взвод один пугачей и сычей мохначей саранчу
уничтожат повсюду.

Муравьи и шмели не посмеют тогда в
созревающих смоквах гнездиться. 590.

Всех повыберет начисто рота одна реполовов,
не знающих страха.

Удод. А богатство откуда мы людям дадим? Ведь они
обожают богатство.

Пифетер. В предсказаньях, в гаданьях и этак и так
обещают им золото птицы.

Прорицая, удачу в делах принесут и доходной
торговле научат.

Ни один не погибнет на море купец.

Удод. Как же так? Почему ж
не погибнет?

Пифетер. Будут птицы торговцам советы давать, перед
тем как им в море пуститься.

„Берегись не плыви, будет ветер и снег!

Смело в плаванье! Ждет тебя прибыль“.

Эвельпид (в сторону). Покупаю будару и в море иду!

С вами больше мне нечего делать!

Пифетер. Вы откроете людям в земле глубоко
погребенные некогда клады.

Птицы знают про клады. Недаром, не зря
приговаривают в поговорках:

„Где мой клад похоронен, никто не видал,
разве только летучая птица“.

Эвельпид (в сторону). Я будару продам и мотыгу куплю
и копать буду золота бочки.

Удод. А здоровьем, вы как наградите людей? Ведь
здоровье во власти бессмертных.

Пифетер. А удача и счастье, по-твоему, что ж, не
дороже здоровья? Поверь мне!

Эвельпид. Если в горе живет и в нужде человек,
все равно не здоров он, а болен.

Удод. Ну, а как же до старости людям дожить? Ведь
и старость-подарок Олимпа.

Неужели младенцами им умирать?

Пифетер. Зевс свидетель, ни мало!
Накинут

Птицы роду людскому по триста годов.

Удод. Да откуда? Каких же?

Пифетер. Да птичьих.

Иль не слышал, что пять человеческих веков
Проживет белобока-сорока?

Эвельпид. Ого-го!

Ну не лучше ль для нас, не нужней во сто
раз эти боги, чем боги Олимпа?

Пифетер. Нам ни каменных храмов не надо для них
Городить, ни дверей золотых золотить,
Под кустами, в траве, под зеленой листвой

600.

610.

Станут жить наши боги. Старейшим из птиц
Будет храмом масличного дерева тень.

Ни в далекие Дельфы отныне ходить
Мы не будем, ни денег в Додону носить. 620.

В ежевичных, пахучих, цветущих кустах,
В повиликовых зарослях, желтый ячмень
И пшеницу рассыпав, помолимся мы
Богу новому, с верою руки воздев,
Ожидая награды, и нас осенит

Преизбыток щедрот,

В воздаянье за горсточку зерен.

Предвод-ца птиц. О старик, ты мне был ненавистным
врагом, а теперь ты милее родного.

От советов твоих никогда, ни за что добро-
вольно теперь не уйду я.

Я загордился от речей твоих.

Я присягаю и клянусь тебе: 630.

Со мной в святой, нерушимый, вечный союз
вступи!

Правдиво, честно и храбро в бой на богов иди!

И знаю я наверно, уж не долгий срок

Богам тогда

Мой порочить скипетр.

Все, где надобны сила, усердие, труд, на себя
мы сполна принимаем.

Но где нужен расчет и обдуманый план,

Это все мы кладем в твои руки.

Удод. Свидетель Зевс дремать теперь не время нам,

Как сонный Никий колебаться некогда.

Должны мы быстродействовать. Сперва, друзья, 640.

В гнездо мое зайдите, отдохните там

В ветвях и поваляйтесь на валежнике!

И ваше имя мне скажите!

Пифетер.

Вот оно:

Меня прозвали Пифетером, этого —
Бараном Эвельпидом!

Удод. Ну так здравствуйте
Вы оба!

Пифетер. Будь и ты здоров!

Удод. Зайдем в гнездо!

Пифетер. Зайдем! Веди нас! За тобой и мы!

Удод. Идем! (Идет.)

Пифетер. Эй ты, послушай, обернись, постой, дружок,
Скажи нам, как же я и он, бесперые,
Якшаться будем с вами, оперенными?

650.

Удод. Премило!

Пифетер. У Эсопа в баснях, помнишь ли
Что говорится о лисице, вздумавшей
С орлом соединиться на беду себе?

Удод. Не бойся, есть чудесный корешок у нас.
Его пожуйте, станете крылатыми.

Пифетер. Ну если так, идем! (К рабам.) Эй, Ксанфий,
мальчик, эй!

И Манодор! Поклажу отнесите в дом!

Предвод-ца птиц. Эй, дружок, эй, Удод, эй, Удод!

Удод. Я Удод.

Предвод-ца птиц. Стариков отведи на лежанку,
Накорми их до-сыта, а к нам позови
сладкозвучную птичку певунью,
Друга муз, соловья. Пусть побудет у нас,
поиграть мы хотим с молодойю.

660.

Пифетер. Свидетель Зевс, исполни их желанье!

Взойди и вышли птичку из кустарника!

Эвельпид. Да, да, богами заклинаю, вызови!

Взглянуть и нам приятно на соловушку.

Удод. Желанье ваше исполняю. Прокна, эй!

Иди сюда и покажись гостям моим!

(Выходит соловушка, в образе девушки-флейтистки.)

Пифетер. О Зевс великий, что за птичка чудная!

И нежная и белая!

Эвельпид. А знаешь ли,

Ее бы я пощупал с удовольствием.

Пифетер. Вся в золоте, как девушка на празднике!

670.

Эвельпид. Не удержусь и поцелую милую!

Пифетер. Несчастный! Ведь у милой — длинный,
острый клюв.

Эвельпид. Я облуплю, как скорлупу яичную,
С лица ее чешуйки! Поцелую! Вот! (Целует
танцовщицу.)

Удод. Идем!

Пифетер. Веди нас! Пусть судьба поможет нам!

(Все актеры уходят.)

ЧЕТА ТРЕТЬЯ.

БОЛЬШАЯ ПАРАБАЗА.

Хор. Милая, рыжая!

Всех пташек милее ты!

Песен наших товарищ, рощ

Гость, соловей мой!

Вот ты, вот ты, вижу,

Слышу сладостный голос твой,

Звонкой флейты весенней зов

Пряжу песен пускай прядет!

Мы начнем парабазу.

Вы же смертные, род, обреченный на зло,
оппадающим листьям подобный,

Легковей, от дыма бегущая тень, род

бессильный, создание праха,

Однодневки, бескрылая брменная тварь,

сновиденьям подобное племя,

Нам внемлите, не знающим смерти и зла, не

стареющим, вечно живущим,

Нам, парящим в эфире, соседям небес,

промыслителям мудрых решений!

Нас услышьте, всему научитесь у нас, о

природе вещей поднебесных,

680.

690.

О рождении птиц, о породе богов, о Хаосе,
Эребе и реках,
Все, как было, узнайте и Продику впредь ни
на грош, ни на каплю не верьте!
Был в начале Хаос, Ночь и черный Эреб и
бездонно зияющий Тартар.
Но земли еще не было, тверди Небес еще не
было, в лоне широком
Понесла чернокрылая, грозная ночь
первородок яичко-болтушку.
Из яичка в круженьи летящих годов
объявился Эрот — сладострастный,
Золотыми крылами блистающий бог,
дуновению вихря подобный.
Это он сочетался в тумане и тьме, в безднах
Тартара, с Хаосом-птицей
И гнездо себе свил и в начале всего наше
птичье высидел племя.
А богов еще не было. После уже твари все
сочетал он любовью.
И из смеси всего, из скрещенья вещей,
появилось и небо, и море,
И земля, и блаженно живущих богов поколенье
нетленное. Мы же
И богов и блаженных гораздо древней. А что
правда мы дети Эрота,
Это видно из многого. С крыльями мы, и
порхаем, и служим влюбленным.
Через наше могущество мало ль мужчин,
распаленных любовью, сумело
Победить своенравье, строптивость сломить
у любимцев, цветущих и юных?
Тот — скворца подарив, этот — селезня, тот —
петуха-митроносца и гуся.
Все, что нужно и важно для смертных людей,
получают они от пернатых.

Мы вас учим погоде и смене времен и посевам
и зимам и жатвам.

Закричат журавли и в Ливийскую даль
полетят, время пахарю сеять,

710.

А матросам, повесив над печкой весло,
отдыхать на лежанке и греться,
А бродяге Оресту овчинный тулуп заводить,
чтобы после не грабить.

А появится ястреб, минует зима и пора
наступает цветенья,

Значит, время снимать скотоводу с овец шерсть
волнистую. Ласточка-вестник

Солнцепека, тут можно овчину продать,
полотняную вынуть рубашку.

Мы для вас и Додона и Феб Аполлон и Аммон
и Трофоний и Дельфы.

К нам, к пернатым всегда обращаетесь вы за
советами и наставленьем.

По торговым делам, о богатстве прося, о
вступлении в брак вопрошая.

Птичьей весточкой, птицею прозвали вы все
приметы и все предсказанья.

Птица — уличный крик и прохожего зов и
чиханье внезапное — птица.

720.

Птица — встреча дорожная, птица — слуга,
птица — песенка, птица — ослица.

Так поймите ж, признайте, что птицы для
вас — Аполлон прорицатель и Музы.

Если будете нас за богов почитать,
Предсказаньями верными вас наградим,

Дуновеньями теплыми зимней порой
И прохладой в летние знойные дни.

Убежавши от вас и зачванившись, спать
В облаках мы не станем, как спит ваш

Олимп.

Нет же, с вами мы будем и вам ниспошлем,

730.

Вам, и вашим детишкам, и детям детей,
Мир, богатство, здоровье, беспечную жизнь,
Хороводы и праздники, молодость, смех,
Молоко, да не телок, а птиц! От удач
И от радостей будет вас, люди, тошнить,
До того объедитесь вы счастьем!

ОДА.

Первое полухорие.

Муза лесная!

740.

Тио-тио-тио-тио-тио-тио-тио-тинкс —

Звонкая, с тобою мы

На жарких гребнях гор, в тихих долинах —

Тио-тио-тио-тио-тинкс —

Свищем и цокаем в темной кленовой листве.

Тио-тио-тио-тио-тинкс —

Вылетает из горлышка рыжего стон.

Пану поем величавые гимны,

Песни священные матери Горной.

То-то-то-то-то-то-то-то-то-тинкс —

В рощах тех, подобно пчелке,

Фриних амвросию звуков медовых собирал,

750.

возвращаясь

С ношей вечно сладких песен.

Тио-тио-тио-тио-тинкс.

ЭПИРРЕМА.

Предводитель первого полухория.

Зрители, хотите в счастье и в довольстве
сытно жить

С нами, с птицами, — не ждите, поспешите все
сюда!

Все, что среди вас клеймится беззаконием, грехом
И пороком, в царстве птичьем славно и
разрешено.

Здесь в Афинах — беззаконно бить дубинкою
отца.

Мы же подвигом считаем, если на отца
 скакнув,
 Петушок закукуречит: „ну, попробуй, ну,
 ударь!“
 Тот, кто вами опозорен, как клейменный беглый
 раб, 760.
 Будет здесь среди пернатых пестрокрылой
 цаплей слыть.
 Всякий варвар, всякий Спинфар и фригиец
 всякий здесь
 Будут птичкою - фригийкой и варакушкой
 лесной;
 А Кариец, раб безродный, сирота Экзекестид
 Здесь родней обзаведется, дедов - филинов
 найдет;
 Если ж Пасия сыночек, подлый трус, предать
 друзей
 Пожелает, трясогузкой обернется он пускай!
 Пусть трясется трясогузка, в этом мы не
 видим зла!

АНТОДА.

Второе полухорие.

Лебеди будут — 770.
 Тио-тио-тио-тио-тио-тио-тио-тинкс —
 С кликами мешая плеск
 Глухошумящих крыл, славить Иакха —
 Тио-тио-тио-тио-тинкс.
 Сидя на кручах над Эбром, над быстрой
 рекой —
 Тио-тио-тио-тио-тинкс.
 Сквозь эфирные выси проносится клик,
 В норах и дебрях зверье замолкает,
 Волны смиряет зеркальная затишь —
 То-то-то-то-то-то-то-то-тинкс.
 Загудел Олимп нагорный. 780.

Диву дались небожители. Возликовали, запели
Девы-Музы и Хариты
Тио-тио-тио-тио-тинкс.

АНТЭПИРРЕМА.

Предводитель второго полухория.

С крыльями на свет родиться — выше счастья
в мире нет!

Зрители, когда б крылатый среди вас нашелся
кто,

Не скучал бы он, голодный, на трагедию
смотря,

Но вспорхнул и полетел бы, дома досыта
поел

И вернулся с полным брюхом, к нашим играм
плясовым.

А почувствует в желудке утеснение

790.

Патроклid,
Он плаща марать не станет, преспокойно
улетит.

Облегчится, отольется и усядется опять.

А найдется ловкий хахаль среди вас, заметит он,

Что супруг его подружки дремлет в кресле
должностном,

Из театра упорхнет он, в спальню к милой
полетит,

Полежит с ней, побалуует и воротится назад.

Ну не радость, ну не счастье ль в перьях по
миру летать?

Диитреф — пример. Поднялся он на липовых
крылах,

Стал филархом, стал гиппархом, стал
большим из ничего.

А теперь шагает важно, рыжий пырин
растопыр.

800.

ЧЕТА ЧЕТВЕРТАЯ.

„ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ“.

(Выходят Пифетер и Эвельпид, ряженые.)

Пифетер. Все удалось отлично.

Эвельпид. Но свидетель Зевс,
Смешнее ничего еще не видел я!

Пифетер. Над чем смеешься?

Эвельпид. Над твоими перьями.

Кого ты мне напомнил, знаешь, в перышках?

Пифетер. Ты — гусака на бакалейной вывеске.

Эвельпид. А ты — в кружок ошипанного рябчика.

Пифетер. Украшены мы оба по-эсхиловски:

„Да не чужими, а своими перьями“

Эвельпид. Что ж дальше делать будем?

Пифетер. Имя городу 810.

Должны мы дать, великое и славное,

Потом богам помолимся.

Эвельпид. Согласен я.

Предвод-ца птиц. Какое же дадим мы имя городу?

Эвельпид. Хотите имя, важное, тяжелое — Лакедемон.

Пифетер. Что? „Ляг где можешь?“ Зевс! Отец!

Чтоб город мой назвался „ляг где можешь!“

Нет!

Уж лучше лягу я в постель пуховую.

Предвод-ца птиц. Откуда ж имя мы возьмем?

Эвельпид (с торжественным жестом). Отсюда вот —

Из туч, из пара, мыльное, пузырьное,

Форсистое.

Пифетер. Нашел! Тучекукуйщина!

Предвод-ца птиц. Эге, эге!

Эвельпид. Нашел ты имя прямо превосходное! 820.

Так эта та, скажи, Тучекукуйщина,

Где скрыты Феогеновы сокровища

И золото Эсхина?

Пифетер. Больше, больше, здесь —

„Горелые поля“ где боги некогда
Гигантов похвальбою переплюнули.

Эвельпид. Приятный городишка, но какой же бог
Хозяином здесь будет? Ткать покров кому?

Пифетер. Афины ты забыл горододержицу?

830. Эвельпид. Да неужели крепким будет город тот,
Где вместо бога, женщина копье и щит
Как воин держит, а Клисфен кудель прядет?

Предвод-ца птиц. Так кто же встанет на нашестке
города?

Пифетер. Есть птица рода славного, персидского,
Грознее всех, ужасней всех слывет она —
Петух, птенец Арея.

Эвельпид. Государь птенец,
Как добрый бог ты будешь на скалах
сидеть!

Пифетер. Так поспешим же! (К Эвельпиду.) В небо
отправляйся ты

840. И каменщикам помогай, подтаскивай
Песок, щебенку, глину, засучась, меси,
Носи в лоханке воду, падай с лестницы,
Расставь охрану всюду, за огнем следи,
С колокольцами бегай, у стены ночуй,
Отправь к богам на небеса глашатая,
Другого вниз на землю, в города людей!
И возвращайся поскорее!

Эвельпид. Я ж тебя,
Лентяй, негодный!

850. Пифетер. Милый, собирайся в путь,
Ведь без тебя ничто не будет сделано.
А я богов прослаблю новоявленных,
Молебствие устрою, за жрецом пошлю.
Эй, мальчик, эй! Корзинку и кувшин мне дай!

(Уходят: Эвельпид вдаль, Пифетер в дом.)

ОДА.

Первое полухорие.

Согласны мы, рады мы,
Приготовили хвалу,
Торжественное славословие богам в угоду.
На радостях надо бы жирного заклать
козленка.

Звучи, звучи, звучи же песнь пифийская,
Тяни в лад нам
Хэрид пискунчик!

ЭПИРРЕМА.

(Пифетер в сопровождении птицы-жреца, ворона-флейтиста
и рабов выходит из дома. Выносят козленка—жертву.)

Пифетер. Довольно писка, визга! Это что еще?

Свидетель Зевс, чудес немало видел я,
Но ворона—гудошника не видывал!

860.

Эй, жрец, за дело, новым помолись богам!

Жрец. Помолимся! Но где слуга с корзинкою?

(Украшается. Возглашает.)

Гестии непорочно-птичьей помолимся,
И коршуну, хранителю очага нашего,
И всем птахам и птицам олимпийским,
И присно пернатым,
И ястребу владыке сунийскому!

Пифетер (подпевает). Владыка ястреб, косогузый,
радуйся!

Жрец. И лебедю пифийскому и делосскому,

И Латоне дроздородице,

И Артемиде Оляпке.

870.

Пифетер. Оляпкой стала дивная охотница...

Жрец. И зимородку Сабасию

И великой матери богов и людей воробьихе.

Пифетер. Кибела воробьиха, Клеокрита мать!

ЖРЕЦ. Пошлите граду Тучекукуйщине
Великие и богатые милости,
А также и Хиосцам...

880. ПИФЕТЕР. Люблю Хиосцев, всюду присоседятся!

ЖРЕЦ. И птахам и птицам блаженным и преподобным,
И кречету, и чоглоку, и турухтану,
И крякве, и квакве, и выпи,
И горихвостке, и шилохвостке, и малиновке,
И чибису, и ибису, и альбатросу,
И перепелке!

ПИФЕТЕР. Пошел к воронам, замолчи, довольно звать!
Несчастный! На какое кличешь пиршество
Стервятников и беркутов? Смотри сюда!
Все угощенье — дятлу на один зубок!
890. Проваливай, повязки унеси свои!
И без тебя сумею помолиться я. (Гонит жреца.
Сначала начинает жертвоприношение.)

АНТОДА.

ВТОРОЕ ПОЛУХОРИЕ.

Другую песнь рады мы
Затянуть с тобою в лад,
Священную жертву моленьями сопровождая,
Богов призывая, нет, бога лишь: на всех не
900. хватит!

Козленок тощий — жертва незавидная;
Куда ни ткни,
Борода и роги!

АНТЭПИРРЕМА.

(Стихоплет, оборванный и грязный, входит распевая.)

СТИХОПЛЕТ. Блаженный град, Тучекукуйщину,
Муза, пой, муза, прославь
В гимнах сладкогласных...

ПИФЕТЕР. А это что такое, говори, ты кто?

Стихоплет. Кто я? Речей мед льется с моих уст
В песнях нежных.

Дев муз я послушник проворный,
Как стоит в Гомере.

910.

Пифетер. Ага, ты раб и потому не стриженный?

Стихоплет. Ни мало. Все мы таковы, писатели,
Дев муз слуги проворные,
Как стоит в Гомере.

Пифетер. Да, ты проворен и в плаще ворованном.
Эй, стихоплет, зачем ты поспешил сюда?

Стихоплет. Сложил я песни в честь Тучекукуйщины,
Сто песен хороводных, ладных, праздничных,
Для девушек, и в роде Симонидовом.

Пифетер. Когда же их сложил ты, как успел сложить? 920.

Стихоплет. Давно, давно сей город воспеваю я.

Пифетер. Да только-что всего и основался он,
И как младенцу имя я даю ему.

Стихоплет. Быстро летят вещих муз прорицанья,
Коней быстрее звонкокопытных.

Ты же, отец, Этны зодчий

Гиерон, иерей блаженный,

Подари мне, подай,

Что милость твоя рассудит

От великих щедрот твоих!

930.

Пифетер. Негодник этот нас вконец замучает!

Подачкой надо от него отделаться.

(К слуге.) Эй, раб, в плаще, в рубашке

щеголяешь ты:

Сними, поэта награди премудрого!

(Стихоплета одевают.)

Вот плащ тебе. Я вижу, ты совсем замерз.

Стихоплет. Дар доброхотный с умильной душой
Милая муза берет.

Ты же открой свое сердце

Пиндара песне...

940. ПИФЕТЕР. От нас еще он долго не отвяжется!
- СТИХОПЛЕТ. Среди Скифских глухих степей
Кочевник бродит,
Беспризорный, лишенный одеяний тканых.
Славы нет в тебе, плащ без рубашки!
Понял слова мои?
- ПИФЕТЕР. Одно я понял, на рубашку целится!
(К слуге.) Сними, должны мы поддержать
художника.
(СТИХОПЛЕТА одевают.)
- Бери рубашку и беги!
- СТИХОПЛЕТ. Бегу, бегу!
- А город твой прославлю в песнопеньях:
„Пой, богиня, город метелей, морозов и вьюг.
Снежно блаженные выси объяли меня...“
950. А-ла-ла! (Уходит.)
- ПИФЕТЕР. Свидетель Зевс, от вьюг и от метелицы
Ты убежал, добыв накидку теплую.
Ах, Зевс, такой напасти и не чаял я,
Тотчас пронюхал он о нашем городе!
(К слуге.) Начнем с начала! С чашей обходи
алтарь!
(Снова начинают обряд.)
- Благоговейте!
- (Входит Прорицатель со свитками в руках.)
- ПРОРИЦАТЕЛЬ. Руки от козленка прочь!
- ПИФЕТЕР. Ты кто?
- ПРОРИЦАТЕЛЬ. Кто я? — Я прорицатель.
960. ПИФЕТЕР. Вон пошел!
- ПРОРИЦАТЕЛЬ. Чудак, не издевайся над пророчеством
Бакида. Есть гаданье, и открыта в нем
Судьба тучекукуйцев.
- ПИФЕТЕР. Почему ж это
Не прорицал ты раньше, до того как я
Построил город?

Прорицатель. Божество противилось.

Пифетер. Отлично, мы послушаем пророчество.

Прорицатель (торжественно вещает). „В день, когда
рядом поселятся галки и серые волки
В области между страной Коринфскою и
Сикионом...“

Пифетер. Втолк не возьму, при чем же здесь
коринфяне?

Прорицатель. Под словом этим воздух разумел
Бакид. 970.

(Продолжает вещать.)

„Прежде всего заколите Пандоре козу - бело-
шерстку!

Кто же к вам первым придет и мое вам
поведает слово,

Плащ подарите тому подобротней и новые
туфли!“

Пифетер. Так и стоит там — „туфли“?

Прорицатель. Погляди, прочти!

„Пусть ему кружку дадут, требухой пусть
наполнят ладони...“

Пифетер. И требуха стоит там?

Прорицатель. Погляди, прочти!

„Если же, муж благодатный, мои ты исполнишь
заветы,

Словно орел в облаках воспаришь ты. Когда ж
поскупишься,

Будешь презренней синицы, и зяблика, и
канарейки“.

Пифетер. Так и стоит в гаданьях?

Прорицатель. Погляди, прочти!

Пифетер. Пророчество твое во всем расходится

С моим, от Феба самого полученным:

„Если незванный притащится плут и болтун-
хвастунишка,

„Будет молящимся надоедать и жаркого
попросит,
Надо схватить хвастуна и лупить меж
спиною и задом“.

Прорицатель. Пустое ты болтаешь.

Пифетер. Погляди, прочти.

„И не щади никого, ни орла, воспарившего
в небе,
Ни богомольца Лампона, ни горе-жреца
Диопифа“.

Прорицатель. Так и стоит в гаданьях?

Пифетер. Погляди, прочти!

Пошел за дверь, к воронам! (Гонит и бьет Про-
рицателя.)

990. Прорицатель. Горе, горе мне!

Пифетер. Ступай подальше, прорицай другим теперь.

(Прорицатель убегает, входит Метон — землемер с диковинными
орудиями в руках.)

Метон. Я к вам пришел.

Пифетер. Опять напасть нежданная!

А ты чего? Пришел с какими мыслями?

В чем дело? Цель какая путешествия?

Метон. Хочу я воздух на аршины вымерить,
Размежевать на межи.

Пифетер. О великий Зевс!

Ты кто ж такой?

Метон. Кто я? Я землемер Метон,

По всей Элладе славный и в окрестностях.

Пифетер. А это что ж такое?

Метон. Меры воздуха.

1000. Сказать к примеру, воздух над землей лежит,
Как на тушилке крышка. Приложив сюда
Линейку, круг описываю циркулем,
И вверх и вниз. Ты понял?

Пифетер. Ничегошеньки!

Метон. Потом линейкой отношу прямую. Круг
Теперь подобен четырехугольнику.
По середине - рынок. От него ведут
Прямолинейно улицы. Бегут они
Во все концы от круга срединного,
Как от звезды сияющей лучи.

Пифетер. Фалет!

Мудрец! — Метон!

Метон. 1010.
Что надо?

Пифетер. Я люблю тебя,
Послушайся: пока ты цел, домой иди!

Метон. Но что грозит мне?

Пифетер. Словно в Лакедемоне,
Здесь чужеземцев гонят. Все волнуются,
И сыплются удары.

Метон. Что ж, восстание?

Пифетер. Да нет, не то!

Метон. Так что же?

Пифетер. Постановлено
Бахвалов всех дубинкой бить по макушке.

Метон. Так я уж лучше побегу.

Пифетер. Свидетель Зевс,
Боюсь, что не успеешь. Палки, вот они! (Бьет его.)

Метон. Ах, я несчастный!

Пифетер. Я же говорил тебе,
Катись отсюда циркулем, линейкою! 1020.

(Метон убегает, входит Надсмотрщик с огромным котелком,
важно одетый.)

Надсмотрщик. Где представитель?

Пифетер. Что за фараон еще?

Надсмотрщик. По жребию отправлен я надсмотрщиком
Сюда в Тучекукуйщину.

Пифетер. Надсмотрщиком?

Да кто же тебя отправил?

Надсмотрщик. Бумаженки клок,
Подписанный Телеем.

Пифетер. Хочешь денег взять
И без хлопот домой вернуться?

Надсмотрщик. Как еще!
Домой поспеть я должен на собрание,
Затеяны у нас делишки с Фарнаком.

Пифетер. Бери ж и уходи! А вот и денежки! (Бьет
его палкою.)

Надсмотрщик. Да это что?

1030. Пифетер. Твои делишки с Фарнаком.

Надсмотрщик (к зрителям). В свидетели зову вас! Бьют
надсмотрщика!

Пифетер. Пошел, пошел, кадушки захвати свои! (Гонит
и бьет Надсмотрщика.)

Ну не ужасно ль это? Шлют надсмотрщика,
А гражданам и помолиться некогда!

(Входит Законодатель с табличками.)

Законодатель (бормочет). Если же Тучекукуевец
нанесет вред афинянину...

Пифетер. Что за напасть такая, что за книжица?

Законодатель. Законодатель я, и прихожу сюда
С собранием законов, самых свежих.

Пифетер. Ну?

1040. Законодатель (также). Пользоваться Тучекукуйщине
той же мерой и весом как Айайайщине.

Пифетер. Вот получай по мерам Айайайщины!

(Бьет его.)

Законодатель. Чего ж ты, что ж ты?

Пифетер. Вон пошел с законами!

Я пропишу тебе законы горькие!

(Гонит его. Вбегают Надсмотрщик.)

Надсмотрщик. Вызываю Пифетера в суд по делу об
оскорблении личности на месяц мунихион.

Пифетер. Ах вот как! Ты надсмотрщик, не ушел
еще! (Гонит его. Вбегают Законодатель.)

1050.

Законодатель. Если же кто оскорбит должностных
лиц и не примет их по закону...

Пифетер. Ах горе мне! Ты тоже не ушел еще!
(Гонит его.)

Надсмотрщик (вбегая). Погибнешь! Десять тысяч мне
уплатишь драхм!

Пифетер. Твои кадушки раскидаю вдребезги!

Законодатель (вбегая). А помнишь, обмочил ты
договорный столб!

Пифетер. Ай-ай-ай-ай! Хватай его! Держи, лупи!

(Гонится за ними. Оба убегают.)

Уйдемте все отсюда! Там внутри богам
Козленка принесем мы, жертву скромную.

(Пифетер и слуги входят в дом.)

ЧЕТА ПЯТАЯ.

МАЛАЯ ПАРАБАЗА,

ОДА.

Первое полухорие. Всевидящим, всесильным

Зовет меня земная тварь

И жертвы мне приносят.

Над всей землей моей покров.

В садах листву храню я,

Гублю породу злую

Зверей, зверушек мелких,

Нечисть, пресмыкающихся в знойных

виноградниках,

Завязи зеленые гложущих безжалостно,

Гублю и тех, кто роц красу

Бесчестит ядом мерзостным.

Хищники ползучие, кусучие

Клювов не избегнут наших.

Смертью злою все умрут.

1060.

1070.

ЭПИРРЕМА.

Предводитель первого полухория.

Объявляют всенародно в деревнях и в
городах:
Кто безбожника мелийца Диагора истребит,
Золотой талант получит! Кто кого-нибудь
убьет
Из тиранов, из умерших — золотой тому
талант!

Вот и мы хотим сегодня громогласно
объявить:
Кто погубит Филократа, истребителя скворцов,
Жди таланта, кто живого приведет —
получит два!
Вертишеек продает он по семи за медный
грош.

1080.

Фаршированных тетерек выставляет напоказ,
Перья в клюв он продевает куропаткам и
дроздам,
А голубок держит в клетке и заманивать в
силки
Заставляет беззаботных, легкокрылых голубей.
Вот, что вам мы объявляем. Тот из вас, кто
под замком
Во дворе пернатых держит, пусть отпустит
их тотчас!
Не хотите, берегитесь: птицы вас захватят
в плен,
Скрутят, свяжут и поставят, как приманку
напоказ!

АНТОДА.

Второе полухорие.

Счастливым род пернатых,
Крылатых птиц. Зимой в мороз
Накидок мы не носим.

Дневных лучей горячий зной

1096.

Не сушит и не жжет нас.

Мы в зарослях цветистых,

В густой листве гнездимся

В час, когда кузнечики пронзительно

звонящие,

Солнцем опьяненные, сладостно безумствуют.

Зимуем мы в пещерах гор,

Играем с хороводом нимф,

А весною миртовые ягоды,

Милые невестам, на кустах Харит

Мы клюем.

1100.

АНТЭПИРРЕМА.

Предводитель второго полухория.

Судьям зрителям хотим мы кой о чем

порассказать.

Присудите нам победу, — счастьем мы осыпем

вас!

Сам Парис таких подарков от богинь не

получал.

Первое, — а кто из судей всей душой не

любит сов, —

Сов серебряных Лаврийских будет вам не

сосчитать.

В вашем доме поселятся, угнездятся в

кошельках,

Выводить начнут совяток и полушек наплодят.

Да не все еще: как в храмах, жить вы будете

теперь.

Мы коньки на ваших кровлях разукрасим

петушком,

1110.

А получите местечко, захотите куш урвать, —

Острый коготь ястребиный в ваши руки мы

дадим.

Пригласят вас на пирушку, толстым зобом
наградим,
Кто ж наградой нас обидит, медный зонтик
тот пускай,
Словно статуя, нацепит: чуть он выйдет
погулять
Без зонта в накидке белой, разом отомстим
ему, —
Птицы стаями слетятся, птицы вымажут врага.

ЧЕТА ШЕСТАЯ.

(Входит ПИФЕТЕР.)

ПИФЕТЕР. Обряд на славу удался нам, пташечки.
Но почему ж со стен не видно вестника?
Узнать должны мы, как работа ладится.

ПРЕДВОД-ЦА ПТИЦ. Уж он бежит, храпя, как беговой
рысак!

1120.

(Вбегает Птица-вестник.)

ПТИЦА-ВЕСТИК. Ку-ку-ку-ку! Ох, ку-ку-ку! — куда
пойду?

Где Пифетер, где предводитель?

ПИФЕТЕР. Вот он — я.

ПТИЦА-ВЕСТИК. Стена под крышу выведена.

ПИФЕТЕР. Здорово!

ПТИЦА-ВЕСТИК. Прекрасная постройка, исполинская!

Такая, что по верху Проксенид — пузырь
И Феоген — от дыма тень — с упряжками
Коней Троянских могут беспрепятственно
Разъехаться.

ПИФЕТЕР. Какой простор! Неслыханно!

ПТИЦА-ВЕСТИК. А в вышину, собственнокрыльно

1130.

мерил я,

Сто вытянутых рук!

ПИФЕТЕР. Неописуемо!

Но кто же город величавый выстроил?

Птица-вестник. Никто, как птицы! Печников
Египетских,

Ни плотников ни каменщиков не было.

Собственноручно птицы все построили.

Три мириады журавлей из Ливии

Примчалось, зоб щебенкою наполнивши,

Основу дятлы заложили клювами,

Кирпич месили десять тысяч аистов,

Носили воду на леса воздушные

Гагары и другая водяная тварь.

1140.

Пифетер. А глину кто таскал им?

Птица-вестник.

Сероглинники.

В корчагах.

Пифетер. Кто же глину им накладывал?

Птица-вестник. Дружок, прехитро было все устроено.

Топтали глину гуси красноногие

И лапами лепили, как лопатками.

Пифетер. На все годятся лапочки гусиные!

Птица-вестник. Вот, вот, а утки, подвязав передники,

Кирпич носили, а известку на стену,

Зажавши в клювах, подымали ласточки,

Резвясь, как ребятишки над постройкою.

1150.

Пифетер. Кто станет нанимать теперь поденщиков!

Скажи, что ж дальше? Кто же деревянные

Построил укрепления?

Птица-вестник.

Птицы-плотники.

Искуснейшие пеликаны клювами

Ворота обстругали; от работы их,

Как в корабельной верфи, шум и гром

стоял.

Сейчас ворота все уже прорублены,

Засовами задвинуты. В звонок звоня,

Дозоры ходят. Патрули расставлены

На башнях. Все! Я побегу и вымоюсь!

А ты решай, как дальше быть, приказывай!

1160.

(Убегает.)

Предвод-ца птиц (к Пифетеру). Ты что, молчишь? Не
веришь, удивляешься

Тому, что стены в миг один построены?

Пифетер. Не скрою, удивляюсь, да и есть чему,
Поистине похоже все на выдумку.

Но вот дозорный вестником из города
Бежит. Он скачет, словно в пляске воинской.

(Вбегает Дозорный.)

1170. Дозорный. Ого-го-го-го-го-го-го-го-го-го-го!

Пифетер. В чем дело?

Дозорный. Горе! Новости ужасные!

Пришлец какой-то из богов, из Зевсовых,
Влетел в ворота и в просторы вылетел,
Тайком от галок, на часы поставленных.

Пифетер. Поступок низкий, преступленье дерзкое!
Кто ж из богов?

Дозорный. Не знаю, только видели,
Что с крыльями.

Пифетер. Но почему же стражников
Вы не послали за бродягой?

Дозорный. Посланы

1180. Три мириады ястребов — копейщиков.
За ними мчатся, скрючив когти острые,
Стервятник, сокол, коршун, пустельга, орел.
От крыл широких верезга и стрепета
Гремит эфир. За богом птицы гонятся.
Далеко не уйдет он. Здесь поблизости
Укрылся.

Пифетер. Так возьмемся ж за пращи, друзья,
За луки. Пусть сбежится ополчение,
Стреляй, бросай! Пращу тугую дайте мне!
(Уходит. За ним птичье войско.)

ОДА.

Первое полухорие.

1190. Война вспыхнула! Война страшная!
Богов в бой зову! Смотри зорко всяк!

Гляди в кручи туч, храни воздух наш!
И знай, всем богам сюда путь закрыт.
Предвод-ца птиц. Гляди кругом, всмотрись в простор
внимательней!
Из самой близкой вышины доносится
Протяжный стрепет божества крылатого.

(Пифетер вводит Ириду.)

Пифетер. Эй, ты куда? Остановись! Куда спешишь?
Хватай ее! Ни с места, задержи полет! 1200.
Ты кто? Откуда? Говори, кем послана?

Ирида. Я от богов, что на Олимпе властвую.

Пифетер. Да кто ты, парус или шляпа пестрая?

Ирида. Я быстрая Ирида.

Пифетер. Саламиния?

Ирида. Что ты сказал?

Пифетер. Нет никого поблизости,
Чтобы помять девченку?

Ирида. Что? Помять меня?

Еще напасть!

Пифетер. Потихе, завизжишь сейчас!

Ирида. Невиданное дело!

Пифетер. Эй, беспутная!

Через какие ворота влетела ты?

Ирида. Через какие ворота? Бессмыслица! 1210.

Пифетер. Вы слышите, она же издевается.

(К Ириде.)

А к галочьим являлась ты полковникам,
От аистов пароль ты получила?

Ирида. Что?

Пифетер. Не получала?

Ирида. Бредишь ты!

Пифетер. Никто тебя

Из птичьих воевод не припечатывал?

Ирида. Свидетель Зевс, никто не припечатывал!

- Пифетер. Так, значит, втихомолку пролетела ты
 Чрез хаос дикий и страну враждебную?
- Ирида. Какой другой дорогой нам, богам, летать?
1220. Пифетер. Свидетель Зевс, не знаю, но не этою!
 Преступница! Да знаешь, что грозит тебе?
 Верней, чем все Ириды вместе взятые,
 Ты смерти заслужила найзаконнейшей!
- Ирида. Да я ж бессмертна!
- Пифетер. Но умрешь ты все-таки!
 Чудовищно, ужасно и неслыханно!
 Землею всей мы правим, вы лишь, боги лишь,
 Бесчинствуете и признать упрямитесь
 Господ своих и не хотите слушаться!
 Но говори, куда плывешь, крылатая?
- Ирида. Куда? Лечу я к людям, от родителя,
 1230. С приказом телок резать и баранов бить
 Богам во славу Олимпийским. Улицы
 Наполнить чадом.
- Пифетер. Чадам? В честь каких богов?
- Ирида. Каких богов? — Небесных. Чадам в нашу честь.
- Пифетер. Да вы ж не боги!
- Ирида. Кто же боги иначе?
- Пифетер. Отныне птицы — боги для людей земных!
 Зевс видит, им, не Зевсу надо жертвы жечь.
- Ирида (торжественно). Глупец, богов не искушай терпения!
 Страшись, страшись, чтоб весь твой
 1240. окаянный род
 Не погубила кара громом Зевсовым,
 Чтоб тело и жилище и добро твое
 Не сокрушили молнии Ликимния!
- Пифетер. Послушай, эй! Довольно хвастовства, молчи!
 Раба фригийца иль глупца лидийского
 Побасенками застращать ты думаешь?
 (Так же торжественно.)
 Так знай же, если станет докучать мне Зевс,
 Его палаты и дворец Амфиона

Мои орлы развеют пламеносные.
Варакушек ужасных я нашлю на вас,
Покрытых леопардовыми шкурами,
Шестьсот, не меньше, а шестьсот варакушек
Страшнее, чем гигантов ополчение!
Ты ж, если будешь злить меня, поплатишься
Всех раньше. Разложу и обниму тебя,
Ирида крошка, так, что удивятся все,
Откуда в старикашке столько пороху!

1250.

Ирида. Грубиян, невежа, неуч, чтобы лопнул ты!

Пифетер. Пошла, пошла! Пошевелись, кыш, кыш,
шалишь!

Ирида. Вот погоди, родитель спесь собьет с тебя!

Пифетер. Пропал я бедный! Улетай и мальчиков
Грози испепелить своею молнией!

1260.

(Гонит Ириду, та улетает.)

АНТОДА.

Второе полухорие.

Запрет мой на вас богов, гордый род!
Навек в город мой для вас замкнут путь.
Всходить жирный дым молений людских
К нагорным богам не будет теперь.

Пифетер. Мне странно, что глашатай, к людям
посланный,
С обратной вестью не вернулся все еще.

ЧЕТА СЕДЬМАЯ.

ЭПИРРЕМА.

(Вбегает Глашатай, увенчанный, в сопровождении флейтистов.)

Глашатай. О Пифетер! О мудрый! О единственный!
Благословенный, славный, ослепительный!

(К флейтисту.)

Да замолчи, да, замолчи!

1270.

Пифетер.

Чего тебе?

Глашатай. За мудрость награждая, золотым венком
Тебя венчают, славят племена людей.

(Передает венок.)

Пифетер. Беру венок. За что же люди чтут меня?

Глашатай. О, устроитель города воздушного,
Не знаешь сам, как на земле ты славишься,
Как много у страны твоих поклонников!

1280.

Пока дворцов ты не построил облачных,
Лакедемоном бредили афиняне,

Не мылись и не брились, бородами

Сократами расхаживали с палками.

Сейчас все бредят птицами. С охотою

Все подражают птичьему обычаю:

Едва с перин поднявшись, ото сна вскочив,

Летят, как птицы за крапивным семенем,

Листики на стенах разжевать торопятся,

Потом на рынке слухами питаются.

1290.

Так заразило всех птицебезумие,

Что гражданам даются птичьи прозвища,

Там лавочник безногий назван рябчиком.

Мениппа обозвали резвой ласточкой.

Опунтия — вороной одноглазою.

Щуром — Филокла, Феогена — Ибисом.

Ликурга — гусем, Хэрефонта тощего —

Нетопырем. Сорокой — Сирокосия,

А Мидия — дроздом: напоминает он

Дрозда, ловцем ушибленного в темечко.

1300.

Влюбившись в птиц, и песенки поют они,

Такие, где голубка воспевадается,

Иль ласточка, иль чайка или утица,

Иль крылья, иль по крайней мере, перышки.

Вот, что творится на земле! Одно скажу:

Сюда они привалят туча тучею

За перьями и за когтями острыми.

Так приготовь же перья для просителей!

(Уходит.)

Пифетер (слугам). Свидетель Зевс, теперь не время
мешкать нам.

Беги скорее и наполни перьями
Корзины, кадки, сундуки, столечницы! 1310.
А ты, Манет носи мне перья из дому,
А я гостей приму здесь, приходящих к нам.

(Слуги убегают.)

ОДА И АНТОДА.

Хор. Многолюдной столицей молва назовет
Город наш скоро!
Во всем удача с нами,
Всем желанен наш город и всеми любим!

(Раб выносит корзинку с перьями.)

Пифетер. Несите, торопитесь!

Хор. Сколько счастья пришельцу
Среди нас поселиться!
С нами мудрость и радость и ласка Харит, 1320
И безоблачно ясной святой Тишины
Счастливая улыбка.

Пифетер (рабу). Прескверно служишь ты, вертись
вьюном, старайся!

Хор. Волоките же перья в плетенку сюда.
Ты пришпорь снова,
Побей лентяя палкой!
Он упрям, он ленив, словно вьючный осел!

Пифетер. Он раб, Манет, негодник!

Хор. А теперь оперенье 1330.
Разложи по порядку:
Птицы певчие в ряд, птицы хищные в ряд,
И морские, а после людей оперяй
С расчетом и с разбором!

Пифетер (рабу). Вот шилохвосткой я клянусь, задам тебе
Ленивому, сопливому, негодному! (Подгоняет
слуг.)

АНТЭПИРРЕМА.

Блудный сын (входит и поет). О стать бы в небе
парящим орлом.

Лететь, лететь бы, ширясь в высях над хлябью
глухой,

Над морем беспредельным.

1340. Пифетер. Принес нам вестник новости не лживые
Уже подходит кто-то, об орлах мыча.

Блудный сын. Ого!

Порхать, летать — нет участи счастливее!

Я птичьей жизнью брежу. С вами жить хочу.

Я очарован птичьими законами.

Пифетер. Какими? У пернатых — что ни кон — закон!

Блудный сын. Все хороши, но лучше всех один из
них:

Кусать и бить отца заведено у птиц.

Пифетер. Да, Зевс свидетель, храбрецом считаем мы

1350. Цыпленка, пощипавшего родителя.

Блудный сын. Вот почему хочу я, приписавшись
к вам,

Отца пристукнуть и забрать имение.

Пифетер. Но помни, есть старинный среди птиц закон,

Запечатленный в уложеньи аистов:

Когда родитель аист аистят своих

Взлелеет, вскормит, выучит летать, тогда

Птенцы кормить обязаны родителя.

Блудный сын (разочарованный). Свидетель Зевс, в какой
же буду прибыли,

Когда кормить придется мне родителя?

1360. Пифетер. Какая прибыль! Раз уж ты пришел сюда

Как птичку-сиротинку окрылю тебя.

Мой юный друг, вреду не обучу тебя.

Любя скажу, что сам я слышал мальчиком.

Отца не бей, возьми перо копейщика

И шпоры прицепи к ногам петушечьи,

Пусть будет гребнем этот шлем воинственный.

На страже стой, сражайся, сам корми себя!
Отца оставь в покое! Молодой задор
Отдай войне, лети в поход, во Фракию!

(Вооружает его.)

Блудный сын. Совет отличный, Дионис свидетель мне, 1370.
Совет исполню.

Пифетер. И поступишь правильно.

(Блудный сын уходит, входит Кинесий-певец.)

Кинесий (распевает). Воспарил дух, возлетел в высь
на струнах крыл, ширясь.

Перепутьями песен лечу в край чужедальный.

Пифетер (в сторону). Запросит этот перьев барку целую.

Кинесий. Тело крепко и дух закален.

Устремляюсь к пернатому царству.

Пифетер. Кинесий, здравствуй! Лыком шитый,
липовый! 1380.

Кинесий. Легкой птичкой стать хочу,
Дроздом звонкоголосым.

Пифетер. Вопить довольно, говори, зачем пришел?

Кинесий. Тобою оперенный, в выси горние

Хочу взлететь, хочу от облаков занять

Запевок небывалых, мгlistых, дымчатых.

Пифетер. У облаков занять запевок? Что это?

Кинесий. Все ремесло у нас из туч, из облака.

Вся красота в стихах дифирамбических

Туманна, темновата и превыспрення 1390.

И окрыленна. Вот сейчас услышишь ты...

Пифетер. Я? — Ни за что!

Кинесий. Услышишь, Феб свидетель мне!

С тобою облетим мы твердь небесную.

(Поет.) Пернатые тени

В небесных полях,

Птицы с долгою шеей!

Пифетер. Ой-ой!

Кинесий. О полететь бы над гладью морей
По дуновению ветра.

Пифетер. Твои мне надоели дуновения! (Хватает его
и кружит.)

Кинесий. То на юг обращая парящий полет,
То на север бросая крылатую плоть,
Бороздя

1400. Неба пустынные дали...

Прекрасно пошутил ты, восхитительно!

Пифетер. Ну, что порхать приятно окрыленному?

Кинесий. Смеешься над певцом дифирамбическим,
Ценимым и начальством уважаемым!

Пифетер. Что ж, хочешь здесь остаться и разучивать
С порхающими зябликами песенки
Для чахлого Леотрофида?

Кинесий. Шутишь ты!

Так помни же, не прежде успокоюсь я,
Чем, окрыленным полечу над сушею.

(Убегает.)

(Входит Доносчик.)

Доносчик. Кто ж это здесь — нищий народ, птиц
пестрокрылый люд,

1410. Остроперая ласточка, ответь мне!

Пифетер. Опять беда подходит неминуемая,
Крадется кто-то и мычит вполголоса.

Доносчик. Остроперая ласточка, сказал я!..

Пифетер. Про рваный плащ свой он поет наверное,
Он в нем замерзнет без весны и ласточек.

Доносчик. Где ж тот, кто оперяет приезжающих?

Пифетер. Перед тобой он. Говори, зачем пришел?

Доносчик. Нужны мне крылья, крылья! Что еще
сказать!

1420. Пифетер. Лететь в Пеллену за плащем задумал ты?

Доносчик. Ни мало! Я истец присяжный, ябедник.

Доносчик я.

- Пифетер. О ремесло почтенное!
- Доносчик. Я кляузник. А крылья мне затем нужны,
Чтобы порхая, звать к суду ответчиков.
- Пифетер. Порхая, разве выгодней мошенничать?
- Доносчик. Ну да, чтоб не ограбили разбойники.
А возвращаться с журавлями буду я,
На место галек, зоб набивши тяжбами.
- Пифетер. Так вот чем промышляешь! Но скажи,
дружок, 1430.
Ведь ты не стар, зачем живешь доносами?
- Доносчик. Как быть, в земле копать не умею я.
- Пифетер. Свидетель Зевс, ремесла и другие есть,
Достойные и честные; таких как ты
Они прокормят. Так зачем сутяжничать?
- Доносчик. Чудак, не поучай, а окрыли меня!
- Пифетер. Тебя словами окрыляю.
- Доносчик. Как же так
Словами окрыляешь?
- Пифетер. Людям свойственно
Словами окрыляться.
- Доносчик. Неужели?
- Пифетер. Да. 1440.
Не слышал ты, как старики ворчливые
Бубнят в цырульнях, говоря с соседями:
Мой мальчик высоко взлетел, к ристаниям
И скачкам окрыляет Диитреф его.
Другой же уверяет, что его сынок
На крыльях воспаряется к трагедии.
- Доносчик. Слова дают нам крылья?
- Пифетер. Ну, конечно, да!
От слов высоких мысли возвышаются,
И человек смелеет. Вот и я хочу
Тебя, словами окрыливши добрыми,
На путь наставить честный.
- Доносчик. Не хочу совсем! 1450.
- Пифетер. Как будешь жить?

Доносчик. Не посрамлю семьи своей!
От дедов повелось у нас сутяжничать.
Так окрыли ж меня крылами быстрыми
Стервятника и коршуна, чтоб в суд позвать
Я мог бы чужеземца, засадить его,
И полететь за новым.

Пифетер. Понимаю я.
Ты хочешь, чтобы тяжбу проиграл бедняк,
К разбору дела опоздавши?

Доносчик. Правильно!

Пифетер. Чтоб он сюда тащился, ты ж назад летел
Забрать его имение?

1460. Доносчик. Понял верно ты!
Волчком мне нужно сделаться.

Пифетер. Ну да, волчком!
А для волчка вот перья превосходные,
Свидетель Зевс, коркирские, отличные!

Доносчик. Беда, беда, ты плетку поднял?

Пифетер. Вот тебе!
Вертись волчком, сейчас я окрылю тебя!
(Бьет Доносчика. Тот вертится волчком.)

Доносчик. Ай-ай-ай-ай! (Убегает.)

1470. Пифетер. Лети проворной пташечкой,
Катись шаром, проклятый, пропадай, подлец!
Увидишь ты, как правосудие солоно! (Гонит его.)
(Слугам.) Уйдем отсюда! Захватите перышки!
(Уходит в дом.)

ЧЕТА ВОСЬМАЯ.

„ПИРУШКА“.

ОДА И АНТОДА.

Первое полухорие. Много стран мы облетели,
Изумительных и дивных,
Много видели чудес.

Есть на свете дуб, растет он
Далеко в стране-трясучке,
Стоеросый Клеоним.

Ни на что не годен дуб,
Хоть велик и ядовит,
Расцветает он весной,
Созревает фигой с маслом,
А зимой роняет листья,
Нет, не листья, а щиты!

1480.

Второе полухорие. Есть еще страна, за гранью

Мрака, ужаса обитель,
Степь без свеч и фонарей.
Там с героями за кружкой
Смертные общаться могут,
Вместе есть и вместе пить.

Но вечернею порой
Заходить туда опасно.

Кто встречал впотьмах героя,

Полоумного Ореста,
Уходил с побитым задом
И раздетым догола.

1490.

ЭПИРРЕМА.

(Входит Прометей закутанный, с зонтом.)

ПРОМЕТЕЙ. Боюсь я, как бы Зевс не увидал меня.

Где Пифетер?

ПИФЕТЕР (выходит). Да это кто пришел сюда,

С лицом закрытым?

ПРОМЕТЕЙ. Милый, за спиной моей,

Какого-нибудь бога ты не видишь?

ПИФЕТЕР. Нет.

Ты кто же?

ПРОМЕТЕЙ. Час который от полуночи?

ПИФЕТЕР. Который час? Да так немного за полдень.

Но ты то кто?

ПРОМЕТЕЙ. Обед, иль ближе к вечеру?

1500.

ПИФЕТЕР. Вот надоел!

ПРОМЕТЕЙ. А Зевс, скажи, что делает?
Блестит лазурью, небо застил тучами?

ПИФЕТЕР. Чтоб сгинул ты!

ПРОМЕТЕЙ. Теперь тебе откроюсь я. (Снимает
с головы плащ.)

ПИФЕТЕР. А, Прометей, приятель!

ПРОМЕТЕЙ. Не кричи, молчи!

ПИФЕТЕР. Ты, что?

ПРОМЕТЕЙ. Не называй меня по имени!
Погиб я, если Зевс меня заметит здесь.
Все расскажу я про дела небесные.
Но прежде этот зонтик надо мной раскрой,
Чтоб боги нас обоих не увидели.

1510. ПИФЕТЕР. Ого-ого!

Не опрометчив Прометей, но — выдумщик!
Зонтом закройся! Говори без страха все!

ПРОМЕТЕЙ. Так слушай же!

ПИФЕТЕР. Да говори, я слушаю.

ПРОМЕТЕЙ. Зевс кончился!

ПИФЕТЕР. Когда же это кончился?

ПРОМЕТЕЙ. С тех пор, как город вы воздвигли в воздухе,
Никто из смертных божествам не молится.
С тех пор и чад от жертвы всесожжения
К столу богов с земли не подымается.
Постимся мы, как будто в Фесмофории,
Сидим без приношений. Боги варваров
Как Иллирийцы, лязгая от голода,
Войной на Зевса угрожают двинуться
И требуют, чтобы границ открытия
Добился он и ввоза продовольствия.

1520.

ПИФЕТЕР. Но разве заседают боги варваров
Средь вас на небе?

ПРОМЕТЕЙ. Разве ж те не варвары,
Кого родными чтит Эксекестид?

ПИФЕТЕР. Скажи,

А как зовутся эти боги варваров
По имени?

ПРОМЕТЕЙ. Трибаллы.

ПИФЕТЕР. Понимаю я!

Вот почему у вас „трепаться“ начали! 1530.

ПРОМЕТЕЙ. Конечно так, еще одно скажу тебе,
Послы от Зевса и трибаллов в скорости
К тебе придут о мире разговаривать.
Вы ни за что не соглашайтесь, требуйте,
Чтоб Зевс обратно птицам скипетр передал
И в жены отдал за тебя Василию.

ПИФЕТЕР. Да это кто ж Василия?

ПРОМЕТЕЙ. Красавица,
Над Зевсовыми молниями ключница,
И надо всем хозяйка, над законами,
Над правом, честью, совестью и верфями,
Над клеветой, казною и поденщиной. 1540.

ПИФЕТЕР. Всему она хозяйка?

ПРОМЕТЕЙ. Видят боги, да!
Добудь ее в супруги, завоюешь все!
Вот для чего сегодня я спустился к вам.
Любовью к людям я горю старинною.

ПИФЕТЕР. Из-за тебя лишь мы едим горячее.

ПРОМЕТЕЙ. Богов я ненавижу — это знаете.

ПИФЕТЕР. Да. Ненавистен ты богам порядочно!
Ты новый Тимон!

ПРОМЕТЕЙ. Друг мой, мне бежать пора!
Отдай мне зонтик! Коль увидит Зевс меня, 1550.
Пусть примет за служаночку на празднике.

ПИФЕТЕР. Возьми еще скамейку, будь носильщицей.
(ПРОМЕТЕЙ уходит в небо, ПИФЕТЕР в дом.)

ОДА ВТОРАЯ.

Первое полухорие. Есть в стране головотяпов
Озеро; невытый, души
Вызывает там Сократ.

1560.

За душой своей трусливой,
Тело бросившей при жизни,
Прискакал туда Писандр.
Верблюженка заколол.
Горло бритвой перерезал,
Сел как Одиссей у крови.
И взлетел к нему из бездны,
И припал к крови верблюда,
Хэрефонт нетопырем.

(Входит посольство богов: Посидон, Геракл и Трибалл.)

Посидон. Послами мы идем в Тучекукуйщину,
И вот пред нами эта крепость гордая.
(К Трибаллу.) Ты, что ж, чудак, налево
перекинул плащ?

1570.

Закинь направо, как велят обычаи.
Беда, беда, не бог, а обезьяна ты!
О власть народа, о куда ведешь ты нас!
Своим послом уroda боги выбрали.
Стой смирно! Пропасть! Ах, такого варвара
Как ты, среди богов еще не видел я!
(К Гераклу.) Что ж, будем делать, друг, Геракл?

ГЕРАКЛ.

Сказал уж я.
Безбожников передушу, задумавших
Богов замуровать стеною каменной.

Посидон. Но нас послали, чтобы разговаривать
О мире.

ГЕРАКЛ.

Вздор! Передушу и кончено!

ПИФЕТЕР (входит с дичиной в сопровождении рабов. Начинает жарить).

Несите сыротерку, дайте сильфия,
Тащите сыр, в жаровне вздуйте уголья!

1580. Посидон (к Пифетеру торжественно).

О смертный, божества тебя приветствуют.
Нас трое здесь.

ПИФЕТЕР (не слушая его к другому рабу). Эй, кроши мне
сильфия!

ГЕРАКЛ (прельщенный запахом дичи). Что это за жаркое?

ПИФЕТЕР. Кое-кто из птиц

Посмел восстать на власть народа птичьего

И к смертной казни присужден.

ГЕРАКЛ (оживляясь при виде жаркого). И хочешь ты

Сперва нарезать сильфия?

ПИФЕТЕР. Геракл, дружок,

В чем дело?

ПОСИДОН. От богов пришли послами мы,

Чтобы войну закончить примиреньем.

ПИФЕТЕР (рабу). В кувшине масла не осталось. Масла
мне!

ГЕРАКЛ. Конечно, птицы любят в масле жариться.

1590.

ПОСИДОН. Нам от войны нет ни малейшей прибыли,

И вам с богами помириться выгодно.

Наполнят боги лужи дождевой водой,

Безветрие пошлют вам и гагачьи дни.

Договориться с вами правомочны мы.

ПИФЕТЕР. Ну, что ж, войну мы первыми не начали,

Да и сейчас, когда вы справедливые

И честные предложите условия,

Мириться мы согласны. Вот условие:

Пускай свой царский скипетр роду птичьему

Зевс передаст обратно. Коль согласны вы,

1600.

Послов на угощение приглашаю я.

ГЕРАКЛ. Согласен я! Условия прекрасные!

ПОСИДОН. Ты что, негодник, простофиля, лакомка!

Лишить престола хочешь ты родителя!

ПИФЕТЕР. Неужто? Да богам же будет выгодно,

Когда над миром станут птицы царствовать.

Теперь, от вас под облаками спрятавшись,

Клянутся лживо люди вашим именем.

Когда ж союз вы заключите с птицами,

Пусть поклянется Зевсом кто и вороном,

Настигнет ворон клятвонарушителя,

1610.

И налетит, и глаз сразмаху выклюет.

Посидон. Мне Посидон свидетель, это правильно!

ГЕРАКЛ. Еще бы нет!

ПОСИДОН (к Трибаллу). Что скажешь ты?

Трибалл. Идем вся трой.

ГЕРАКЛ. Вот видишь, он согласен!

Пифетер. Так узнайте же

И о другой великой вашей выгоде.

Бывает так, что смертный жертву славную

Вам обещает, а потом раздумает.

1620.

„Бог подождет“. Так скажет он по скупости.

Поможем мы и в этом.

Посидон. Как же так, скажи?

Пифетер. Когда запрется дома, чтоб казну считать,

Обманщик, или в бане будет мылиться,

Нагрянет коршун, двух баранов стоимость

Из кошелька утащит и богам вручит.

ГЕРАКЛ. Еще раз предлагаю: скипетр царственный

Отдать пернатым.

Посидон. А Трибалл как думает?

ГЕРАКЛ. Трибалл, а палок хочешь!

Трибалл. Балка савнака

По мордам.

ГЕРАКЛ. Он согласен, дело ясное!

1630. Посидон. Когда согласны оба вы, не спорю я.

ГЕРАКЛ. Послушай, друг, со скиптром дело кончено.

Пифетер. Насилу вспомнил, вот еще условие:

Старушку Геру Зевсу оставляю я.

А за меня пусть дочь свою Василию

Отдаст он!

Посидон (возмущенно). Ты мириться и не думаешь!

Уходим мы.

Пифетер. Ну, что ж, дорога скатертью!

(Раву.) Эй, раб, подливку не забудь подсахарить!

ГЕРАКЛ. Чудак ты право, Посидон! Подумаешь,

Из-за одной мы будем спорить женщины!

Посидон. Что ж делать?

ГЕРАКЛ. Как что делать? Мир подпишем мы. 1640.

ПОСИДОН. Беда, беда! Не видишь, как обманут ты!
Себе вреда ты хочешь. Если Зевс умрет,
Вот этого назначивши наследником,
Ты нищим будешь. Ведь тебе ж останется
По смерти Зевса все его имущество.

ПИФЕТЕР. Не верь, не верь, он хочет обмануть тебя!
Со мной в сторонку отойди, узнаешь все.

(Шепчет на ухо.) Выдумывает дядя. Знай, ни крошечки

Ты не получишь из добра отцовского.
Таков закон ведь ты байструк, не честный сын. 1650.

ГЕРАКЛ. Байструк, да что ты?

ПИФЕТЕР. Ну, конечно, видит Зевс!
Сын чужеземки матери. Что ж думаешь,
Афина б стала дочерью наследницей
В семье, где жив был брат законнорожденный?

ГЕРАКЛ. А если в завещании наследником
Меня отец оставит?

ПИФЕТЕР. Воспретит закон.

И этот самый Посидон, хоть все сейчас
Он обещает, на тебя подыметя:
„Я сам,—он скажет,—брат родной покойнику,
А вот установление Солоново: 1660.

„Незаконному не иметь прав на наследство при жизни
детей законнорожденных, если же нет детей законно-
рожденных, наследство отдается ближайшему родичу“.

ГЕРАКЛ. А мне, Гераклу, из отцовских денежек
Ничем не поживиться?

ПИФЕТЕР. Нет! Скажи-ка мне,
Родитель записал тебя в родню свою?

ГЕРАКЛ (яростно). И не подумал! Уж давно дивился я! 1670.

ПИФЕТЕР. Чего ты в небо смотришь? Руки чешутся?
Будь другом нашим! Я тебя наместником
Назначу. Птичьим буду молоком поить.

ГЕРАКЛ. Еще раз заявляю: справедливо все

- Что говоришь о деве. Отдаю ее!
- Пифетер (к Посидону). А ты, что скажешь?
- Посидон. Мненья я обратного.
- Пифетер. В Трибалле вся загвоздка. (К Трибаллу.)
Ты что думаешь?
- Трибалл. Василица красивица госпожица
Отдать нет птицам.
- Геракл. Видишь, говорит; отдать.
1680. Посидон. Свидетель Зевс совсем не то сказал бы он,
Когда б не пел, не верещал, как ласточка.
- Пифетер. Вот, вот, отдайте, говорит он, ласточкам!
- Посидон. Во всем договоритесь, порешите все!
Не буду больше спорить, замолкаю я.
- Геракл. Согласны мы со всем, чего ты требуешь.
Идем же к нам на небеса! Василию
Невесту там найдешь ты и приданое.
- Пифетер. Так этих пташек я зарезал во-время,
На свадьбу.
- Геракл. Хочешь, я останусь поваром
1690. И птиц дожарю? Вы же отправляйтесь в путь.
- Посидон. Дожаришь птиц, брюхан, обжора, жадина!
Пошел за нами!
- Геракл. Выдумка! Еще чего! (Бежит в дом.)
- Пифетер. Эй, свадебное платье принесите мне!
(Пифетер, Посидон и Трибалл уходят.)

АНТОДА ВТОРАЯ.

- Второе полухорие. У часов стоит, у водных
Город ябеды. Живет там
Племя долгих языков.
Языками семя сеют,
Молотят и жатву делят,
Мелют долгим языком.
1700. Иноземцы по рожденью
Дети Горгия, Филиппа.
Вот от них-то говорливых

Из-за этих-то Филиппов
Нынче в Аттике повсюду
Вырезают языки.

ЭКСОД.

(Входит Вестник.)

Вестник. О, радуйся, высокий, всеми славимый
Пернатых птиц блаженный несказанно род!
Готовьтесь же приветствовать властителя
В счастливых стенах! Он идет сияющий.
Звезда, на небе золотом горящая,

1710.

И солнце, пламенеющее, ясное,
Не светят так! Идет он и жену ведет,
Сверкающую несказанной прелестью.
Крылатую он держит Зевса молнию.
В глубинах мира дуновенье сладкое
Разносится. О зрелище чудесное!
Дым благовонный в воздухе колышется.
Но вот и сам он! С песнею приветственной
Уста раскройте, Музам посвященные!

1720.

ХОР (выстраивается). Встаньте, вспорхните, возрадуйтесь,
выстройтесь! Сдвиньтесь кольцом!
Славьте счастливца на счастье, на радостях!
Го-го-го-го! Юности блеск, цвет красоты!
Слава тебе, счастлив твой брак, счастлив и
твой город!

Предвод-ца птиц. От него, от него величавой судьбы
Ослепительный дар

Роду птичьему выпал. Встречайте же их,
Величайте, пропойте венчальную песнь
Жениху и Василии деве!

1730.

Первое полухорие. Так Геру на брачный пир,
Царицу небес, вели
К престолу отца богов.
И моиры пели в лад
На свадьбе священной:

Хор. Гимен, о Гименей, о!

Второе полухорие. Цветущего брака сын,

Эрот, златокрылый бог,

Держал под уздцы коня,

Великого Зевса сват

И Геры счастливой.

1740.

Хор. Гимен, о Гименей, о!

Пифетер (появляется при блеске факелов на свадебной колеснице с невестой-Василией).

По душе ваш напев, по душе ваша песнь,

По душе величанье. Прославьте ж еще

Дар венчальный, далеко грохочущий гром

И пылающей Зевсовой молнии блеск,

Величавые грозы прославьте!

Хор. Золото, золото, ясная молния!

Зевса копье, огненосное, вечное!

Гулкие, тяжко гремящие

Влагу дарящие громы!

Ты ими нынче владеешь,

Зевсовой власти наследник,

Дочь его в жены берешь ты, Василию,

О, Гимен, Гименей, о!

1750.

Пифетер. На свадьбу приглашаю вас,

Друзья крылатые мои,

К высоким Зевсовым дворцам

И к брачной постели.

Невеста, обними меня!

Руками крыл моих коснись!

Начнем же пляску, в высь легко

Тебя подниму я. (Общая пляска.)

1760.

Хор. Ала-ла-ла-иэ-пэан.

Венок побед, венок тебе,

Победителю богов!

(Актеры и хор уходят.)

КОНЕЦ КОМЕДИИ.

КОММЕНТАРИИ

КОМПОЗИЦИЯ КОМЕДИИ „ОБЛАКА“.

<p>Пролог. Ст. 1 — 262. Чета I.</p>	<p>Ямбические триметры.</p>	<p>Стрепсиад, Фидипид, Сократ.</p>
<p>Парод. Ст. 263 — 456.</p>	<p>Эпиррема. 263 — 274. Анапестические тетраметры. Ода. 275 — 290. Дактилическая система. Антэпиррема. 291 — 297. Анапестические тетраметры. Антода. 298 — 313. Дактилическая система. Заключительная эпиррема. 314 — 456. Анапестические тетраметры и анапестические диметры.</p>	<p>Стрепсиад, Сократ. 1-ое полухорие. Стрепсиад, Сократ. 2-ое полухорие. Стрепсиад и Сократ.</p>
<p>Ст. 457 — 509.</p>	<p>457 — 509. Переходная сцена. Лирическая система, анапестические тетраметры и ямбические триметры.</p>	<p>Стрепсиад, Сократ. Хор.</p>
<p>Чета II. Большая парабаза. Ст. 510 — 626.</p>	<p>Комматий. 510 — 517. Лирическая система. Парабаза. 518 — 562. Евполидов. стих. Ода. 563 — 574. Лирическая система. Эпиррема. 575 — 594. Хореические тетраметры. Антода. 595 — 606. Лирическая система. Антэпиррема. 607 — 626 Хореические тетраметры.</p>	<p>Предводитель облаков. Предводитель облаков. 1-ое полухорие. Предводитель 1-го полухория. 2-ое полухорие. Предводитель 2-го полухория.</p>

Чета III. Ст. 627 — 888.	Эпиррема. 627 — 699. Ям- бические триметры.	Стрепсиад, Сократ.
	Ода. 700 — 706. Хореиче- ская система.	1-ое полухорие.
	707 — 722. Лирическая система.	Стрепсиад, Кори- фей.
	Антэпиррема 723 — 803. Ямбические триметры.	Стрепсиад, Сократ.
Антода. 804 — 813. Лири- ческая система.	2-ое полухорие.	
Заключительная эпиррема. 814 — 888. Ямбические триметры.	Стрепсиад, Сократ, Фидиппид.	
Чета IV. Ст. 889 — 1105. Большой агон.	Анапесты. 889 — 948.	Правда, Кривда.
	Ода. 949 — 958. Хориямбы.	1-ое полухорие.
	Эпиррема. 959 — 1023. Ана- пестические тетраметры.	Правда, Кривда.
	Антода. 1024 — 1032. Хо- риамбы.	2-ое полухорие.
Антэпиррема. 1033 — 1105. Ямбические тетраметры.	Кривда, Правда.	
Чета V. Ст. 1106 — 1130. Малая парабаза.	Переходная сцена. 1106 — 1114. Ямбические три- метры.	Стрепсиад, Сократ, Фидиппид.
	Парабаза. 1115 — 1130. Хо- реические тетраметры.	Предводительница Облаков.
Чета VI. Ст. 1131 — 1320. „Пирушка“.	Эпиррема. 1131 — 1212. Ям- бические триметры и лирические системы.	Стрепсиад, Сократ, Фидиппид.
	Антэпиррема. 1213 — 1302. Ямбические триметры и лирические системы.	Стрепсиад, Пасий, Аминий.
	Ода. 1303 — 1311. Ямби- ческая система.	1-ое полухорие.
	Антода. 1312 — 1320. Ям- бическая система.	2-ое полухорие.

Чета VII.
Ст. 1321 — 1452.
Малый агон.

Вводная эпиррема. 1321 — 1344. Ямбические три-
метры. Стрепсиад, Фидип-
пид.
Ода. 1345—1350. Ямбиче-
ская система. 1-ое полухорие.
Эпиррема. 1351—1390. Ям-
бические тетраметры. Стрепсиад, Фидип-
пид.
Антода. 1391 — 1396. Ям-
бическая система. 2-ое полухорие.
Антэпиррема. 1397—1452. Фидиппид, Стреп-
сиад.
Ямбические тетраметры.

Эксод. 1453 — 1510. Ямбические триметры. Стрепсиад, Фидип-
пид, Сократ, Хор.

ПРИМЕЧАНИЯ К КОМЕДИИ „ОБЛАКА“.

Ст. 6. Шутливое упоминание об очень серьезном явлении. Война расшатала основы рабовладельческого хозяйства Афин. Рабы убегали или перебежали к врагам во множестве. Государство принуждено было делать рабам ряд уступок и льгот, среди них—ограничение наказаний.

Ст. 15. Конный спорт был дорогостоящим увлечением богатой и знатной молодежи. Представителей этой молодежи Аристофан вывел в качестве хора в комедии своей „Всадники“.

Ст. 29. В подлиннике двойной каламбур, до известной степени отраженный в переводе.

Ст. 37. Греческая обиходная речь знала множество шутливых описательных выражений для клопов и подобных тварей.

Ст. 47. Мегакл—имя, часто повторявшееся в роду Алкмеонидов, одном из самых старинных и знатных афинских родов. Кисира—дочь одного из Мегаклов, жена афинского тирана Писистрата. И Кисира и Мегакл—здесь имена нарицательные для щеголей, кичащихся своей роскошью и богатством. К роду Мегакла принадлежал знаменитый афинский государственный деятель Перикл, умерший за несколько лет до постановки „Облаков“ и молодой Алкивиад, тогда только еще начинавший свою карьеру. Шутка Аристофана была таким образом достаточно злободневной.

Ст. 65. Прозрачные имена. Аристократка-мать предлагает имена производные от „hippos“—конь, считавшиеся изысканными, благородными. Отец стоит за Фидонида, т.-е. „бережливого“. Компромиссное „фид-иппид“ совершенно бессмысленно, и в этом его комизм.

Ст. 82. Посидон чтился в Афинах, как бог-покровитель конного дела, подаривший городу коня.

Ст. 94. Шутовское пародирование двух основных утверждений современной Аристофану просветительной, „софистической“ философии: учения о механическом строении вселенной (ср. тоже в „Птицах“ ст. 1001) и о всеильном могуществе диалектики, убедительной речи. Учителя „софисты“ были одними из первых профессионалов

науки, бравших деньги за преподавание. Это нововведение, в реакционных кругах почитавшееся безнравственным, служит предметом постоянных нападок Аристофана и других комедийных поэтов.

Ст. 104. Хэрефонт — один из ближайших и преданнейших учеников Сократа. Высмеивая его бледность и тощий вид „ученого“, комедия звала его „нетопырем“. (См. „Птицы“ ст. 1297 и „Осы“ ст. 1412) „сыном ночи“, „липовым“.

Ст. 110. Во времена Аристофана фазаны считались еще редкостной заморской новинкой. Леагор, привезший их с востока, вышучивался, как ленивый и сумасбродный богач и мот. (Ср. „Осы“ ст. 1269). О нем писал комический поэт Платон:

„Ты, Морих чудный, родился счастливым!
И Камбала-Главкет и Леагор-богач!
Живете сладко, ни о чем не думая!“.

Ст. 126. Бодрая поговорка, взятая из быта кулачных бойцов.

Ст. 134. Кикинна — один из демов (областей) Аттики.

Ст. 140. Насмешка над полным скрытностью обиходом тайных обществ и учений, широко распространившихся в Афинах в годы Пелопоннесской войны.

Ст. 148. Диковинные естественно-научные эксперименты, производимые учеными „просветительной“, „софистической“ школы, были новинкой во времена Аристофана и естественно преломлялись в обывательской молве и верной передатчице ее, комедии, таким вот шутовским образом. Любопытно, что этот же анекдот о блошиных ножках несколько десятилетий спустя повторен у Ксенофонта, вложившего его в уста застольного шута-скомороха. Это доказывает либо чрезвычайный и длительный успех этой Аристофановской шутки, либо (что вероятнее) то, что и сам Аристофан почерпал ее из запаса ходовых, общераспространенных городских острот.

Ст. 160. Начатки научной зоологии в шутовском преломлении обывательской сплетни. Любопытно, что, спустя полвека, ученый и философ Аристотель действительно и всерьез занимался вопросом о жужжании насекомых.

Ст. 174. Подобным повторением, вложенным в уста собеседника, Аристофан любит подчеркивать острые шутки для невнимательных зрителей.

Ст. 170. Родственная насмешка у поэта Евполида:

„Задумав петь, кувшин с вином стянул Сократ“.

Ст. 180. Незадолго до постановки „Облаков“ афинянам удалось взять в плен отряд спартиатов, отборного войска спартанцев. Их держали в тюрьме, в качестве заложников. Упоминание об этом обстоя-

тельстве и здесь и ранее в комедии „Всадники“ очевидно воспроизводят толки и пересуды, возникшие в городе.

Ст. 190 сл. Комизм следующей сцены в том, что простак Стрепсиад не понимает, вернее понимает в прямом, буквальном, смысле отвлеченную речь своего ученого собеседника. Прием очень обычный и в Аристофановских комедиях и в народных комедиях вообще.

Ст. 208. В представлении Стрепсиада — его родной город и „суд присяжных“ — неотделимы. Насмешкам над „присяжным судом“ посвящена следующая комедия Аристофана „Осы“.

Ст. 211. Эвбея — остров на восток от Аттики, опустошенный одним из походов Перикла в первые же годы Пелопоннесской войны.

Ст. 230. Обычная в поэтике Аристофана материализованная метафора. „Парящий мыслями в облаках“ Сократ изображен „подвешенным в гамаке“.

Ст. 234. Сократ, как и софисты, любил разъяснять непривычные для слушателей отвлеченные понятия через конкретные аналогии, заимствованные из повседневности. Платон в своих диалогах дает много примеров Сократовского метода. Аристофан здесь шутовски преувеличивает этот прием.

Ст. 257. Трагедия о принесенном в жертву Афаманте была поставлена Софоклом за год до представления „Облаков“ (422 г. до н. э.); Аристофан мог поэтому рассчитывать, что она осталась в памяти зрителей. Весьма вероятно, что сходство между „Облаками“ и „Афамантом“ не ограничивалось одной этой сценой. Героиней трагедии, женой Афаманта, была Нефела — „Облако“. Не являлась ли комедия Аристофана сложной пародией на Софокловскую трагедию, в частности не были ли схожи хоры в обоих произведениях?

Ст. 260. Снова материализованная метафора. Стрепсиада делают „тертым“, обсыпают „тертой мукой“.

Ст. 272. Олимп — священная гора греков, расположенная на севере в Фессалии. Мимант — гора в Малой Азии. Мэотида — нынешнее Азовское море.

Ст. 300. Город Кекропа — Афины, считавшиеся основанным сказочным царем Кекропом. Земля Паллады — Аттика.

Ст. 280. В течение всей этой сцены Стрепсиад играет роль „шута“ — „бомолоха“, клоунскими репликами перемежая торжественную церемонию.

Ст. 311. Бромий — одно из культовых имен бога Диониса, которому были посвящены сценические игры и состязанья.

Ст. 322. Один из самых ярких примеров нарушения Аристофаном сценической иллюзии. Актеры рассматривают с оркестры облачную шапку на Парнете, горе, возвышающейся к северу от Афин. Затем они ищут те же облака в самом здании театра, у его входов,

подготавливая этим последующее появление хора „Облаков“ на оркестре театра.

Ст. 333. Представители довольно новых в эпоху Аристофана „интеллигентных“ профессий перечисляются здесь в качестве слуг и прихлебателей „Облаков“.

Ст. 335. Стрепсиад пересмеивает напыщенный и вычурный стиль новейших дифирамбических и трагических поэтов, в частности, Еврипида. Под „лакомствами“, упоминаемыми дальше, следует, вероятно понимать угощение, по обычаю следуемое от устроителя праздника — хорэга его участникам: поэту и хору.

Ст. 345 сл. Попытка комически мотивировать явно недостаточную сценическую костюмировку „Облаков“. Выдумывается целая притча, дающая в дальнейшем повод к ряду забавных, свойственных аттическому остроумию, уподоблений. Иероним, сын Ксенофонта, современный Аристофану лирический поэт, задетый также в „Ахарнянах“ (ст. 389). Симон, государственный деятель, пользующийся, как кажется, незавидной славой. (См. о нем же ст. 391.) О Клеониме — легендарном трусе, обжоре и толстяке „Фальстафе“ греческой комедии, см. подробнее „Осы“, ст. 19 и особенно „Птицы“, ст. 1473.

Ст. 361. Продик — один из родоначальников просветительной софистической философии. (См. также „Птицы“, ст. 693.) Почтительный отзыв о нем Аристофана несколько удивляет при общем отрицательном отношении поэта к новейшей философии.

Ст. 380. Греческие ученые — материалисты приписывали вихревому движению первенствующую роль в образовании мира. Дальше — каламбур. Вихрь „Dinos“ может быть приближен к корню „Di.“ — Зевс. Простак Стрепсиад видит поэтому в Вихре-Дине сына Зевса, изгнавшего отца точно так же, как и Зевс, согласно греческой мифологии, в свое время низверг отца своего Крона. Этот каламбур — один из основных в комедии „Облака“. Он варьируется дальше на разные лады.

Ст. 387. Панафинеи — ежегодный праздник в честь покровительницы города — Афины, сопровождавшийся угощением и гуляньями.

Ст. 400. Феор — один из деятелей демократической партии, постоянная жертва насмешек комедии. В „Осах“ он назван „блюдолизом“ и „лгуном“. (См. „Осы“, ст. 42.)

Ст. 401. Суний — мыс на юго-восточной оконечности Аттики. Здесь и теперь еще высятся развалины храма Посидона и богини Афины.

Ст. 408. Диасии — старинный, посвященный Зевсу праздник, сопровождавшийся ярмаркой и гуляньем. В этот день было в обычае угощаться вскладчину и дарить подарки малым ребятам. (См. об этом дальше, ст. 864.)

Ст. 481. Стрепсиад здесь снова выступает в качестве простака-шута.

Ст. 508. Пещера Трофония — знаменитое прорицалище в Северной Греции. Посвященные входили туда в одних рубашках. О пещере рассказывали чудеса и ужасы, так что имя ее сделалось нарицательным для места, полного страхов. Комический поэт Кратин написал целую комедию о „пещере Трофония“. Не эту ли пьесу имеет здесь в виду Аристофан?

Ст. 529. В первой из комедий, написанных Аристофаном, „Гуляки“ (429 г.) были выведены два брата, „добрый“ и „блудный“. Комедия эта потому ли, что поэт не достиг еще узаконенного возраста, по другой ли причине была поставлена под именем актера Филонида, так же как и ряд последующих его комедий, вплоть до „Всадников“, „Гуляки“ имели успех и укрепили славу молодого поэта.

Ст. 534. В сохраненной нам трагедии Эсхила „Хоефоры“ царевна Электра узнает по отрезанной пряди кудрей на могиле отца о возвращении брата своего Ореста. На это, знаменитое уже в древности, место здесь и намекает Аристофан.

Ст. 538. Полемизируя со своими соперниками, Аристофан насмешливо перечисляет здесь основные приемы балаганной комедии. К ним он относит и разнузданную пляску „кордак“, и комическую драку и беготню с факелами и злоупотребление, оставшейся, как пережиток древнего ритуала, частью комического костюма, — бутафорским фаллом. В других комедиях своих, например, в „Осах“ и „Лягушках“, Аристофан продолжает подобные нападки. Все это отнюдь не означает, что поэт сам не пользовался точно такими же приемами примитивного народного комизма. Наоборот, в комедиях его нетрудно подыскать примеры для всех упомянутых приемов. Значительность и глубина основной комической идеи, — вот что, повидимому, в особенности ставит себе здесь в заслугу Аристофан. Вот почему он и здесь и далее в „Осах“ с гордостью вспоминает о своей борьбе с всемогущим вождем демократов — Клеоном.

От общих обвинений поэт переходит к частностям, в первую очередь к нападкам на Евполида. Этот автор комедий был одно время другом Аристофана и, по преданию, помог ему в написании „Всадников“, также содержащих ряд выпадов против современных комических поэтов. На этот раз Аристофан обвиняет самого Евполида в плагиате, в использовании мотивов из „Всадников“ для комедии „Марикант“, поставленной Евполидом незадолго до „Облаков“ и направленной против Гипербола, видного политического деятеля, впоследствии сменившего убитого во Фракии Клеона в руководстве городом. Мать этого Гипербола Евполид, как кажется, вывел в виде пьяной, комической старухи. Ей же посвятил целую комедию „Торговка“ поэт Гермипп.

Ст. 558. Самоцитата Аристофана из упомянутых уже „Всадников“. (Ст. 864.)

Ст. 576. Эппирема хора, как и обычно в парабазах, посвящена самопрославлению хора. Ода — молитва Зевсу, Посидону, Эфиру и Солнцу. В антоде последовательно прославляются боги Аполлон, Артемида, Афина и Дионис.

Ст. 589. Старое афинское поверье гласило, что „боги обращают на пользу афинянам их собственное безрассудство“.

Ст. 591. Очевидная невязка с предшествующими стихами 550 сл. Объяснение в том, что начальная часть парабазы относится к вторичной переработке комедии, произведенной уже после гибели Клеона (421 год).

Ст. 597. Кинф — гора на посвященном Аполлону острове Делосе, одном из островов греческого архипелага. Лидия — страна на западном побережье Малой Азии с знаменитым центром культа Артемиды-Эфесом.

Ст. 608. За год до постановки „Облаков“ в Афинах была произведена частичная реформа календаря, в итоге которой дни ежегодных праздников и торжеств были передвинуты. Аристофан и здесь выступает глашатаем реакционной, издевающейся над новизной молвы. Селена — богиня Луны.

Ст. 622. Сарпедон и Мемнон — восточные герои, мифические любимцы богов, погибшие трагически. По логике комедии предполагается, что и боги соблюдают свои посты и дни траура, точно так же как и люди.

Ст. 638. На ряду с основами естественной истории, учеными софистами были начаты изыскания в области науки о языке. Поставлены были под сомнение традиционные понятия о падежах, числе, роде. Комическая пародия на подобные изыскания дана здесь в сцене, где Стрепсиад, оставаясь верным своему амплу „шута“, попросту, пожитейски толкует правила грамматики.

Ст. 665. В подлиннике каламбур касается „петуха“ и „курицы“, для которых разговорный греческий язык не знал отдельных слов. И эта, довольно наивная, шутка — одна из основных в „Облаках“; она проходит сквозь всю комедию. Чтобы оценить шутки с именем „Клеонима“ следует помнить об обвинениях в трусости, обжорстве и женоподобности, постоянно предъявляемых к нему Аристофаном.

Ст. 696. Ряд мужских собственных имен в греческом языке (частично перешедших и в русский) имеют окончание на „ас“ и „а“. Между тем, как правило, эти окончания свойственны женскому роду. Отсюда — шутка.

Ст. 735. Аристофан пользуется здесь той самой игрой с привязанным бутафорским фаллом, которую он сам осудил несколькими строками выше. (См. ст. 538 сл.)

Ст. 750. Возможно, что и эти блестящие образцы комической логики заимствованы Аристофаном из сокровищницы ходовых анекдотов.

Ст. 768. Речь идет о зажигательном стекле. Стекло было редкостью в V веке и ценилось высоко.

Ст. 830. Родом с острова Мелоса был Диагор, один из самых ожесточенных разрушителей традиционной греческой религии. (См. „Птицы“ ст. 1072.) Имя это, как нарицательное для „безбожника“, перенесено здесь на Сократа, как известно несколько десятилетий спустя действительно казненного за „непочитание отечественных богов“.

Ст. 835. Мазаться маслом было общераспространенным гигиеническим правилом в Греции.

Ст. 859. Расходы на „секретные надобности“ были со времен Перикла непременной частью афинского бюджета, и, вместе с тем, постоянным источником злоупотреблений.

Ст. 888. По вполне правдоподобному указанию древнего комментатора спор Правды и Кривды следует представить себе, как развернутую материализованную метафору, как „поединок боевых петухов“. Обоих актеров приносят в корзинах и выпускают на огороженное поле для „боя“.

Ст. 900. Отрицание абсолютных моральных ценностей: истины, как таковой, и прирожденного права было одним из боевых лозунгов просветительной софистической школы в борьбе против традиционных понятий о праве и правде. Их и пародирует здесь Аристофан.

Ст. 904. Рационалистическое, морализующее истолкование старинных мифов было также излюбленным методом софистов. Его можно встретить и в еврипидовских трагедиях и в диалогах философа Платона. Для „Правды“ — это непереносимая банальность.

Ст. 907. „Правду“ тошнит от доводов „Кривды“. Отсюда возникает материализованная метафора с „тазиком“.

Ст. 922. Мисийский царь Телеф, мифический царь — нищий, был героем одноименной трагедии Еврипида. Современники видели в этой трагедии с ее мелодраматическим сюжетом и сентиментальным героем наиболее яркое произведение новой театральной школы, отказывающейся в пользу реализма от традиционной трагической пышности и величия. Насмешкам над еврипидовским „Телефом“ Аристофан посвящает большую часть комедии „Ахарняне“ (425 до н. э.). Здесь он лишь мельком возвращается к этой старой своей теме. „Панделет“, как кажется, один из популярных учителей софистики.

Ст. 925. В таких же, примерно, выражениях слишком двадцать лет спустя было сформулировано государственное обвинение против Сократа, „развратителя молодежи“.

Ст. 965. Аристофан часто и всегда с уважением вспоминает о старинных поэтах и музыкантах, в частности, о трагическом поэте (начало V века) Фринихе. Здесь цитируется отрывок из гимна Фриниха к Афине:

„Дева Паллада, в бою воевода, великого Зевса
Дочь! Я тебя призываю...“

Ст. 969. Фринид — представитель новых течений в музыке, искавших, как кажется, более сильных эффектов и резкой эмоциональной выразительности. Аристофан смеется над этими приемами, но и сам иногда к ним прибегает в ритмической композиции своих песен. (Ср. хотя бы знаменитую песню „Удода“, „Птицы“ ст. 228.)

Ст. 984. Диполии тоже, что Буфонии — очень древний земледельческий праздник, в ритуал которого входило убийство быка. Кикид — старинный, полумифический певец. Все это — нарицательные имена для характеристики глубокой старины. Таким же старинным был обычай афинян носить длинные волосы, закалывая их золотой пряжкой в форме цикады — кузнечика.

Ст. 990. Тритогеия — одно из культовых имен Афины-Паллады.

Ст. 1001. Гиппократ — афинский полководец, племянник Перикла. Над сыновьями его, воспитанными в обычаях дедов, любила смеяться комедия. Евполид говорит о них:

„А дети Гиппократа — недоноски все,
Слюнтяи, нюни, нынче не ко времени“.

Они то и именуется здесь „гиппократовыми поросятами“.

Ст. 1005. Академия — роща в окрестностях Афин, названная так в честь мифического героя Академа. Любимый афинянами сад для гуляний, он получил всемирную известность впоследствии, когда Платон основал здесь свою школу, прославив в диалоге „Федр“ платаны и маслины „Академии“.

Ст. 1022. Над Антимахом — „Брюзгой“, хорэгом и неудачливым поэтом Аристофан издевается в комедии „Ахарняне“ (ст. 1150). Тот ли Антимах имеется в виду здесь, с определенностью сказать трудно.

Ст. 1051. Каламбур. Знаменитые в древности горячие ключи в Фермопильском ущельи звались „Геракловыми“. Предание гласило, что богиня Афина сотворила их, чтобы дать отдых изнемогшему в трудах Гераклу.

Ст. 1057. Ссылки на авторитет древнего Гомера в подтверждение самоновейших теорий также были любимым приемом софистов, искавших опоры в авторитетах для своих революционных учений. Прием этот пародирует и философ Платон в диалоге, посвященном софисту Протагору.

Ст. 1063. Старинный миф гласил, что боги наградили героя Пелея мечом, приносящим победу, и дали ему в жены морскую богиню Фетиду. И этот сказочный брак, от которого мифология производила славнейшего из греческих героев Ахилла, „Кривда“ толкует здесь с ошеломляющей новизной.

Ст. 1080. Подобное двусмысленное истолкование легендарных, лежащих в основе греческих феодальных генеалогий, земных связей

отца богов — Зевса также было обычным приемом софистики, стремившейся подорвать традиционную религию.

Ст. 1083. Такое своеобразное обращение греческий обычай предписывал обманутому мужу по отношению к избалованному любовнику.

Ст. 1096. Сценическая иллюзия нарушается здесь, в финале агона, окончательно.

Ст. 1115. Комедия близится к концу, и, как, обычно, хор обращается к зрителям и судьям с просьбой об одобрении (ср. „Птицы“ ст. 1101). Обычно обещанья и угрозы, составляющие эту часть комедии со своеобразной логикой вытекают из той или иной фантастической природы хора.

Ст. 1133. Греки отсчитывали вторую половину месяца с конца, говоря о „пятом“ (с конца), „четвертом“ (с конца) и т. д. днях. Последний день месяца назывался днем „старым и новым“ (по отношению к истекшему и наступающему месяцу. Это обиходное название дает Аристофану повод к каламбуру, играющему значительную роль в финальной части комедии.

Ст. 1174. Угрожающее „что ты сказал?“ было по свидетельству древних комментаторов характерным выражением афинских спорщиков.

Ст. 1186. И это толкование „духа закона“ в противовес „мертвой букве“ — часто встречающееся орудие софистов. Более или менее произвольные ссылки на Солона, основателя афинской демократии, также вероятно заимствованы из практики судебных ораторов.

Ст. 1199. Так называлась специальная коллегия жрецов, предварительно пробовавшая мясо, предназначенное для жертвоприношений.

Ст. 1251. Здесь блистательно разрешается каламбур, заданный в ст. 671.

Ст. 1261. Каркин — современный Аристофану трагический поэт, отец нескольких сыновей, поэтов и актеров. Все семейство Каркина Аристофан вывел позднее в комедии „Осы“ (ст. 1502 сл.) в пародийно-комическом танце.

Ст. 1265. Вошедший Амений действительно говорит стихами из несохраненной нам трагедии сына Каркина, поэта Ксенокла. Героем ее был мифический Тлеполем, бежавший под Трою и там убитый.

Ст. 1279. Стрепсиад повторяет здесь первоначальные свои шутки, замыкая, таким образом, по законам комедии, каламбурный круг.

Ст. 1304. Сцена заканчивается материализованной метафорой, опять-таки замыкающей смысловое кольцо эпизода. Амений входит, „упав с лошади“, уходит „как лошадь“.

Ст. 1330. Комическое повторение мотива из ст. 909.

Ст. 1356. Симонид, один из трех великих лирических поэтов Греции. Для Аристофана он, как и Эсхил — классик, предмет почтительного удивления.

Ст. 1373. Полемике с Еврипидом, [Аристофан посвятил целые сцены в „Ахарнянах“ и целые комедии („Фесмофориазусы“, „Лягушки“). Здесь пародируется трагедия Еврипида „Эол“, давшая современникам богатейший материал для шумных нападок и сплетен. В ней трагический поэт, в острейшей форме внося современную моральную оценку в древний генеалогический миф, вывел влюбленными друг в друга брата и сестру.

Ст. 1417. „Старик — вдвойне ребенок“ — старинная греческая поговорка, получающая здесь неожиданный комический оборот.

Ст. 1421. Одним из наиболее боевых лозунгов софистической философии было утверждение, что законы и правила нравственности существуют не сами по себе, не „по природе“, а по „установлению“, что они — создание людей и, значит, могут быть изменены и обновлены людьми же. Здесь этот чрезвычайно важный революционный лозунг комически искажен и спародирован.

Ст. 1454. Хор, в течение спектакля занимавший довольно двусмысленную позицию, перед концом комедии решительно становится на сторону автора. Это необходимо для того, чтобы закончить комедию общим дружным плясом. При этом, как и во „Всадниках“ делается попытка представить прежнее поведение „Облаков“ сознательной ловушкой.

Ст. 1471. Здесь оборачивается против Стрепсиада и третий основной каламбур комедии — „Зевс-Вихрь“. Комические пружины спектакля таким образом исчерпаны до конца.

Ст. 1477. Статуи богов по всей вероятности украшали оркестру, где происходило представление.

Ст. 1483. Аристофан любит вводить разговоры актеров со статуями, животными, вещами. (См. „Осы“ ст. 933, 962. „Птицы“ ст. 1 сл.) и т. д. Это давало актерам простор для комической игры, смены интонаций, недомолвок и шуток „в сторону“.

Ст. 1493. Начинается та самая (ритуальная) „беготня с факелами“, которую Аристофан осудил в парабазе „Облаков“, но пример которой есть и в „Осах“, ст. 1330 сл. и во всех прочих комедиях Аристофана.

Ст. 1503. Стрепсиад пародирует здесь витиеватую речь Сократа в ст. 225.

Перевод сделан по изданию I. van Leeuwen. Lugduni Batavorum. 1898. Комедия „Облака“ была переведена: 1) Муравьевым - Апостолом. СПб. 1821, 2) Карновичем (Репертуар и Пантеон 1845 г., № 1).

КОМПОЗИЦИЯ КОМЕДИИ „ОСЫ“.

Пролог. Ст. 1 — 229.	Ямбические триметры.	Клеонослав. Мстиклеон. Рабы.
Чета I. Ст. 230 — 402. Парод.	Лирические системы, ямбические тетраметры, анапестические тетраметры.	1-е и 2-е полухория стариков — „ос“. Клеонослав. Мстиклеон.
Чета II. Ст. 403 — 525. Предагон.	Ода. 403 — 429. Хореическая система. Эпиррема. 430 — 461. Хореические тетраметры. Антода. 462 — 487. Хореическая система. Антэпиррема. 488 — 525. Хореические тетраметры.	1-ое полухорие. Клеонослав, Мстиклеон. 2-ое полухорие. Клеонослав, Мстиклеон.
Чета III. Ст. 526 — 725. Агон.	Ода. 526 — 544. Гликонеи. Эпиррема. 545 — 630. Анапестические тетраметры. Антода. 631 — 649. Гликонеи. Антэпиррема. 650 — 725. Анапестические тетраметры.	1-ое полухорие. Клеонослав. Мстиклеон. 2-ое полухорие. Мстиклеон, Клеонослав.

Чета IV.
Ст. 726 — 1008.
„Жертвоприноше-
ние“.

Ода I и Антода I. 726 — 759. Ямбические и анапестические системы.
Эпиррема. 760 — 862. Ямбические триметры.
Ода и антода II. 863 — 890. Ямбические и анапестические системы.
Антэпиррема. 891 — 1008. Ямбические триметры.

1-е и 2-е полухория.
Мстиклеон, Клеоно-
слав.
1-е и 2-е полухория.
Мстиклеон, Клеоно-
слав. Ксанфий.

Чета V.
Ст. 1009 — 1122.
Большая пара-
база.

Анапесты. 1009 — 1059. Анапестические тетраметры.
Ода. 1060 — 1070. Хореическая система.
Эпиррема. 1071 — 1091. Хореические тетраметры.
Антода. 1092 — 1102. Хореическая система.
Антэпиррема. 1102 — 1122. Хореические тетраметры.

Предводитель ос.
1-ое полухорие.
Предводитель
1-го полухория.
2-го полухория.
Предводитель
2-го полухория.

Чета VI.
Ст. 1123 — 1449.
„Пирушка“.

Эпиррема. 1123 — 1264. Ямбические триметры.
Ода. 1450 — 1461. Логаэды.
Антода. 1462 — 1473. Логаэды.
Антэпиррема. 1292 — 1449. Ямбические триметры.

Клеонослав, Мстиклеон.
1-ое полухорие.
2-ое полухорие.
Клеонослав, Мстиклеон. Прохожие.

Чета VII.
Ст. 1265 — 1291.
Малая парабаза.

Ода. 1265 — 1274. Хореическая система.
Эпиррема. 1275 — 1283. Хореические тетраметры.
Антода. (Не сохранилась.)
Антэпиррема. 1284 — 1291. Хореические тетраметры.

1-ое полухорие.
Предводитель
1-го полухория.
Предводитель
2-го полухория.

Эксод.
Ст. 1474 — 1537.

Ямбические триметры и лирическая система.

Клеонослав, Мстиклеон. Хор.

ПРИМЕЧАНИЯ К КОМЕДИИ „ОСЫ“.

Ст. 10. Сабасий — одно из восточных божеств, во времена Аристофана, проникших в Афины. Культ его сопровождался неистовой пляской. Судорожные движения старающегося побороть сон Созия напомнили Ксанфию эту пляску.

Ст. 12. Мидиец-перс, — в устах афинянина нарицательное имя для могущественного врага.

Ст. 19 сл. Весь дальнейший диалог рабов построен на характерном „аттическом“ остроумии, на игре загадок, каламбуров и неожиданных поворотов речи. Острие первого рассказа Ксанфия в каламбуре. Существовала старинная басня „Об орле и змее“. Но „змея“ (aspis) и „щит“ по-гречески — одно слово. А слово „щит“ заставляет вспомнить о Клеониме — „щитобросе“, постоянно обвиняемом комедией в трусости (Ср. „Осы“ — 592, „Облака“ — 353, 680, в особенности „Птицы“ — 1470 сл.).

Ст. 30 сл. Рассказ Созия в шутливом извращении изображает афинское народное собрание. Овчинные сермяги и длинные посохи были характерной принадлежностью афинских поселян. Крокодил, страшно визжащий — Клеон — против политики которого в значительной мере направлена вся комедия „Осы“ с ее героями „Клеонославом“ и „Мстиклеоном“. Клеона городская сплетня называла „кожевником“ (он был владельцем кожевенной мастерской) — отсюда „дубленая кожа“.

В годы постановки „Ос“ Клеон проводил налоговую реформу, жестко облагая имущие слои граждан. Вот почему он „взвешивает город“.

Ст. 42 сл. Феор — государственный деятель из партии Клеона. Аристофан часто смеется над ним, называя „льстецом“, „лизоблюдом“, „клятвopреступником“. См. также о Феоре — „Осы“ — ст. 415, 1234. „Облака“ — 400. В уста Алкивиада, тогда еще только начинавшего свою политическую карьеру, вложен каламбур, основанный на свойственном Алкивиаду пороке произношения, мямленьи. В переводе сделана попытка сохранить этот каламбур.

Ст. 54. Следует обычный в комедиях Аристофана монолог с изложением („экспозицией“) темы спектакля. И здесь, как и в соответствующем месте „Облаков“ (ст. 535 сл.) Аристофан старается отгородить свое искусство от современных ему комедийных штампов, грубых, „мегарских“ шуток, клоунских диалогов рабов, балаганной маски обжоры Геракла. Но, как и в „Облаках“, и на этот раз Аристофан перечисляет приемы, которыми на деле сам охотно пользуется. (См. „Введение“.)

Ст. 70 сл. „Болезнь“, т.-е. навязчивая страсть героя у Аристофана часто служит завязкой комического действия. Здесь изложение ее осложнено широко развернутой сценой нарушения сценической иллюзии, перебранкой со зрителями. Перечисляемые дальше Аминий (см. о нем также „Облака“ ст. 1257, „Осы“, ст. 1272), Никострат, Деркил и др., современные Аристофану, афинские политические деятели.

Ст. 94. „Часы“ (водяные) и „решетка“ — обязательная принадлежность суда. О них и ниже ст. 857.

Ст. 97. Пирилампов сын-Дем славился, как один из красивейших юношей тогдашних Афин. О нем упоминает и философ Платон в диалоге „Горгий“. Ласкательные надписи, подобные приведенным здесь, частично еще сохранились на стенах греческих домов, на вазах и т. п.

Ст. 107. При одном из способов голосования в суде пользовались восковыми табличками, на которых ногтем проводили короткую (оправдание!) или длинную (обвинение!) черту. Вот почему помешанный на судах Клеонослав возвращается домой с ногтями, полными воска. Распространеннейшим способом голосования была, однако, подача раковин. Отсюда гипербола с „устричной отмелью“, заведенной Клеонославом. (Ст. 110.)

Ст. 123. На Эгине, острове против Афин, находилось знаменитое святилище бога Асклепия. Больных оставляли на ночлег с верой, что ночью бог исцелит их.

Ст. 157. Драконтид, политический деятель, аристократ, участвовавший через двадцать лет после представления „Ос“ в олигархическом правительстве „тридцати“. Шутовское прорицанье, якобы полученное Клеонославом, пародирует предсказания, традиционные в трагедиях.

Ст. 181. Полуакробатическая шутка с ослом усложнена здесь мифологической пародией. У Гомера Одиссей сумел выбраться из пещеры людоеда Киклопа, спрятавшись под брюхом у барана. Он назвал себя Киклопу двусмысленным именем „Никто“. Отсюда — шутка в ст. 185 — 186. Итака — мифическая родина Одиссея.

Ст. 191. „Тень осла“ — поговорка, для обозначения пустого спора. Старинная басня гласила: путник, наняв осла и утомившись в дороге, сел отдохнуть в тени осла. Погонщик воспротивился, заявив, что отдал в наймы только осла, но не тень его.

Ст. 220. Старики-судьи — любители старинной поэзии. Они распевают песни из трагедии „Финикиянки“, принадлежащей древнейшему трагическому поэту Фриниху (см. о нем „Облака“ ст. 965 и „Птицы“ ст. 749). В трагедии этой, посвященной победе афинян в персидской войне и поставленной в хорэгию самого победителя при Саламине Фемистокла, был выведен хор из женщин финикиянок, оплакивающих мужей своих, покинувших город Сидон.

Ст. 225. Обычная у Аристофана попытка мотивировать фантастический наряд хора. Дана материализованная метафора „судьи злы, как осы, судьи — осы“.

Ст. 230. Все эти имена едва ли имеют реальное значение. Это — один из обычных у Аристофана приемов оживленья сцены выхода (парода) хора.

Ст. 236. Старики имеют в виду зимнюю осаду Византии в 478 году, событие, с более чем пятидесятилетней давностью.

Ст. 240. Лахет — довольно известный афинский полководец эпохи Пелопоннесской войны. Повидимому он был обвинен во мздоимстве. Громкий процесс этот послужил материалом для комической сцены ст. 760 сл.

Ст. 280. Поговорка. Смысл — делать бесполезные попытки.

Ст. 281. Шутка довольно темная. Повидимому речь идет о некоем доносчике, обещавшем раскрытие злоупотреблений в Самосе и оказавшемся клеветником.

Ст. 289. Идет ли здесь речь о Лахете или о другом государственном преступнике, сказать трудно.

Ст. 308. Пародия на мелодраматический стиль Еврипидовских трагедий.

Ст. 327. Проксенд и сын Селла Эскин, прозванный „дымом“, слыли в Афинах хвастунами и бахвалами (ср. также „Птицы“ 1126).

Ст. 333. Подобные гиперболические, невозможные желанья часто встречаются у Аристофана и в аттической комедии вообще.

Ст. 344. Одна из частых у Аристофана насмешек над чрезмерной подозрительностью афинян, особенно обострившейся в годы войны.

Ст. 354. Осада отпавшего от Афинского союза острова Накса — относится к 473 году. Таким образом, это также событие седой старины.

Ст. 367. Диктинна — „царица сетей“ — имя богини лесов и зверей — Артемиды.

Ст. 380. Диопиф — ханжа и стародум, часто высмеиваемый Аристофаном. (Ср. „Птицы“ ст. 988.)

Ст. 388. Герой Лик, получеловек-полуволок — старинный покровитель судов. Его святыня стояла перед дверьми афинского суда.

Ст. 399. Материализованная метафора. Клеонослава волокут, как барку на буксире.

Ст. 415. О Феоре см. выше ст. 42.

Ст. 421. Филипп, — оратор, ученик знаменитого Горгия. О нем см. также „Птицы“, ст. 1703.

Ст. 438. Кекроп — сказочный предок афинского народа, с ногами дракона. Отсюда, по созвучию — „Драконтид“, о котором см. выше ст. 157.

Ст. 458. Материализованная метафора. Судей — „ос“ прогоняют едким дымом, возникающим из „болтовни“ упомянутого уже в ст. 327 Эсхина-„дыма“.

Ст. 462. Филокл — трагический поэт, племянник Эсхила. В трагедиях своих он с малым успехом старался подражать тяжелой монументальности Эсхилловского стиля. О нем ср. также „Птицы“, ст. 281. В одной из комедий Кратина трагическая Муза говорит о нем:

„Негодного Филокла ненавижу я,
Хоть и урод, берет с Эсхила мерку он“.

Ст. 466. Амий (ср. о нем выше ст. 73 и далее ст. 1270) обвинялся комедией в щегольстве, подражании спартанским обычаям и бахвальстве.

Ст. 475. Брасид, — спартанский полководец, одержавший в Пелопоннесской войне ряд побед; спустя несколько лет после постановки „Ос“ он, одновременно с Клеоном, погиб в сражении при Амфиполе.

Ст. 490. Счет не совсем точный. Последняя попытка изгнанного в 510 году афинского тирана Гиппия вернуть себе власть относится к первому персидскому походу в 490 году.

Ст. 506. Морих высмеивался [комедией, как расточитель, сластолюбец и лентяй. См. о нем прим. к „Облакам“, ст. 110.

Ст. 567. Обвиняемый часто прибегал к мольбам близких, жены и детей, действуя на чувствительность судей. Далее в ст. 977 сл. Аристофан развивает этот мотив в маленькую пародийную сцену.

Ст. 579. Загр — трагический актер, по свидетельству древнего комментатора, особенно отличившийся в Софокловой трагедии „Ниобея“.

Ст. 592. Эватл — политический оратор из молодых, осмеянный Аристофаном в Ахарнянах (ст. 710). „Болтуним“ — вместо „Клеоним“, о котором выше.

Ст. 599. Евфемий, ближе нам неизвестный политик из лагеря демократов.

Ст. 609. Древние греки носили мелкие деньги во рту, за десной.

Ст. 617. „Ослиной головой“ называли особый род кувшина для вина.

Ст. 675. Конн, знаменитый некогда кифаред, по преданию, учивший музыке Сократа; к годам Пелопоннесской войны, от старости и пьянства, впавший в нищету и бесславию. Он был одной из любимых

мишенной комедийных насмешек. Аристофан смеется над ним во „Всадниках“. Существовала целая комедия „Конн“, поставленная одновременно с „Облаками“. (См. стр. 31.)

Ст. 680. Евхарид — известный в Афинах зеленщик.

Ст. 687. Хэрей — один из многих, обвиняемых комедией в незаконном присвоении прав афинского гражданства.

Ст. 700. Сарды — столица Лидии на западном побережье Малой Азии. Понт — страна на Черном море.

Ст. 709. Зайцы считались в древности ценным лакомством. Смысл этой довольно распространенной поговорки: „Жить в изобилии“.

Ст. 716. В голодные годы войны в Афинах часто прибегали к бесплатной раздаче зерна городской бедноте. (См. об этом же „Птицы“, ст. 580.) Поход на Эвбею, остров у восточного побережья Аттики, очевидно имел задачей расширить земельные наделы афинян.

Ст. 780. Монолог Клеонослава — пародия на сантиментальные речитативы Еврипида. Непосредственным предметом пародии является, повидимому, жалоба Адмета в Еврипидовой „Алкесте“ или знаменитое причитанье Федры в „Ипполите“.

Ст. 785. О Лисистрате Аристофан в „Ахарнянах“ уверяет, что тот голодает более тридцати дней в месяц. См. о нем же „Всадники“ ст. 1270 и „Осы“, ст. 1302. Басенка основана на упомянутом уже обычае греков держать мелкие монеты во рту.

Ст. 800. В честь Гекаты, древней богини дорог и ночной темноты воздвигались на перекрестках и перед домами алтари-божницы.

Ст. 828. Фратта — нарицательное имя для рабыни — фракиянки.

Ст. 836. Весь „собачий процесс“ пародирует громкое политическое дело по обвинению полководца Лахета. Взамен „Лахета“ здесь выступает пес „Лохмат“ (в греческом — родственная игра слов), родом из дема Эксона. Противником его выведен „кидафинецкий пес“, т.-е. Клеон, бывший родом из дема Кидафинейя. Он характеризуется в дальнейшем карикатурными чертами, обычно приписываемыми Аристофаном Клеону.

Ст. 846. „С Гестии начинай!“ — поговорка. Гестия — богиня домашнего очага.

Ст. 857. Часы предполагаются водяные.

Ст. 874. Статуя Аполлона Эгиея — „стража улиц“ ставилась перед дверями домов. Очень вероятно, что статуя Эгиея действительно стояла на орхестре, как постоянное украшение театра.

Ст. 891. Шутливый возглас Мстиклеона пародирует традиционный выкрик судейского глашатая.

Ст. 910. Каламбур с сицилийским сыром намекает на сицилийскую экспедицию Лахета. Потому же дальше намек на „матросов“ и „плаванье“ (ст. 923).

Ст. 924. Хлебным мякишем залепливали трещины на глиняной посуде.

Ст. 928. Греческая поговорка гласила: „Под одним кустом двум скворцам не место“.

Ст. 947. Имеется в виду, конечно, не знаменитый историк Фукидид, а скорее всего Фукидид, сын Милесия, политический деятель-аристократ, противник Перикла, изгнанный по его настоянию в 444 г. до нашей эры. Впрочем, может быть речь идет о каком-нибудь третьем, нам не известном.

Ст. 959. Поговорка. Смысл: „учился на медные деньги“. Уметь играть на лире должен был каждый образованный афинянин.

Ст. 990. Предполагается наличие двух урн. Одна (передняя) — для голосов обвинения. Другая (задняя) для оправдательных голосов. Это было распространенным, но не единственным способом голосованья в афинском суде.

Ст. 1004. Как и обычно у Аристофана, в заключение эпизода, дается краткое содержание последующего эпизода.

Ст. 1008. Гипербол — политический деятель демократической партии, сподвижник Клеона, часто высмеиваемый Аристофаном. О нем см. „Облака“, ст. 559.

Ст. 1022. В словах этих видят горделивое противопоставление Аристофаном себя другим поэтам, как создателя подлинно афинской хороводной (в отличие от дорийской-балаганной) комедии.

Ст. 1030. Аристофан гордится своими выпадами против Клеона. Описание, даваемое всесильному демологу здесь, пожалуй, еще более разительно, чем сатира на него во „Всадниках“. Клеон сравнивается с мифической химерой, с Ламией, страшным чудовищем греческой сказки. Кинна — прозвище распутной женщины, упоминаемой и во „Всадниках“.

Ст. 1038. Авторская характеристика комедии „Облака“, поставленной за год до „Ос“.

Ст. 1086. Преданье гласило, что накануне Саламинского сраженья сама Афина в образе Совы облетела лагерь афинян. Эпиррема построена на метафоре: „осы — афинские воины-гоплиты“.

Ст. 1101. В антэпирреме дан другой ряд метафор: „осиный рой“ — „густая толпа присяжных“, ежедневно распределяемая по афинским судам. „Шершни“ — иноземцы, вторгшиеся в гражданство, не принимавшие участия в боях за город, но пользующиеся плодами победы. Они должны быть, по мнению хора, исключены из улья.

Ст. 1126. Борей — северный ветер.

Ст. 1137. Шерсть персидских овец была знаменита в древности. С востока ввозили в Грецию дорогие одежды, одним из родов которых был плащ „кавнака“. Центром вывоза был город Сарды на западе малоазиатского полуострова. Отсюда шутка в ст. 1138.

Ст. 1139. Фимаиды — сельцо около Афин. Смысл шутки „доморощенная редкость“.

Ст. 1141. Экбатаны — древняя столица Персии. В греческом народном представлении — это сказочный город роскоши и богатства.

Ст. 1157. Материализованная метафора. Клеонослав подобен „куску вареного мяса“. Нужна „вилка“, чтобы вытащить его.

Ст. 1160. Развитой каламбур. Лаконские туфли, излюбленная обувь афинских щеголей, становятся символом лаконской страны, враждебной афинянам.

Ст. 1178. Ни та, ни другая басенка подробнее нам неизвестны. Очевидно, это были ходовые и довольно непристойные сказочки. Феоген не пользовался в Афинах репутацией скромного и добродетельного человека. О нем см. „Птицы“, ст. 1126.

Ст. 1188. Сын пытается перевести разговор на изысканные темы, принятые в кругах молодежи. Клисфен — один из виднейших представителей этих кругов, постоянно упрекается Аристофаном в изнеженности и женоподобности (ср. „Птицы“, ст. 831, „Облака“, ст. 355). Андрокл — политический деятель демократии, казненный в 411 году после одного из переворотов. Священные посольства „феории“ отправлялись правительством по несколько раз в год на общегреческие празднества. Посольство на остров Парос было, очевидно, достаточно скромным.

Ст. 1191. Эфудион — кулачный боец, победитель на олимпийских играх в 424 году. Древние комментаторы предполагают, однако, что упоминание об Эфудионе и Асконде имеет здесь не столько спортивный, сколько эротический смысл.

Ст. 1201. Эргаст — „труженик“ нарицательное имя для земледельца.

Ст. 1206. Фаилл — знаменитый скороход и прыгун, отличавшийся во времена Персидских войн. О нем была сложена эпиграмма.

„Пять и еще пятьдесят локтей Фаилл перепрыгнул,
Диск же метнул он легко на сто локтей без пяти“.

О нем же ср. „Ахарняне“, ст. 213. И с этим Фаиллом старика Клеона связывает кляузное дело.

Ст. 1220. Сотрапезниками на пирушке выступают друзья Клеона. Фан — секретарь Клеона, упоминается также во „Всадниках“, ст. 1256. Об Эсхине и Феоре см. ст. 42 и 325. Акестор, прозванный Саком, высмеивается Аристофаном и другими комедийными поэтами как чужеземец, вторгшийся в граждане. См. о нем „Птицы“, ст. 31.

Ст. 1222. Одним из древнейших развлечений за пирушкой было попеременное пение песенок, „сколий“. Песенки эти „принимались“ от соседа к соседу и либо продолжали одна другую, либо служили ответом друг на друга. До нас дошло довольно много таких сколий и целый сборник их, приписываемый поэту VI века Феогниду.

Ст. 1225. Мстиклеон запеваёт одну из чрезвычайно любимых в Афинах „гармодиевых песенок“, т.-е. песенок в честь Гармодия убийцы тирана Гиппарха. Пелась она так:

„Нет такого в Афинах гражданина,
Нет такого достойного героя...“

Ст. 1231. Это — гимн Алкея, славного лирического поэта VI века.

Ст. 1239. Песни про Адмета были не менее популярны, чем песенки про Гармодия. В комедии „Аисты“ описывалась пирушка, где

„Один в ответ запел Адмета песенку,
Другой сказанье начал о Гармодии“.

Приведенная в тексте „Ос“ песнь в действительности продолжалась так

„ добрых люби друзей.

„Подлых трусов беги, помни, в беде трус не придет помочь“.

Ст. 1241. Также песня из старинного сборника „разговоров Праксиллы“.

Ст. 1243. Эта песня, искаженная Клеоносламом, приписывается Клитеагоре, фессалийской певице VI века. В ее время фессалийцы принесли помощь афинянам в борьбе против тиранов Писистратидов.

Ст. 1250. Филоктемон — очевидно, богатый афинянин.

Ст. 1251. Пирушки обычно делались в складчину. Крез — распространённое имя для лидийских и македонских рабов.

Ст. 1259. Греки различали несколько родов басен: „эсоповы“ басни про зверей, „сибаритские“ про людей. (См. „Птицы“, ст. 471.) Последние строки эпизода по обычаю излагают содержание следующей части комедии.

Ст. 1450 сл. Хорические песни 1265 — 1291 и 1450 — 1473 переставлены в переводе, как это делается в большинстве новых изданий „Ос“. Счет стихов сохранен по подлиннику.

Ст. 1298. Шутливый афоризм корифея очевидно пародирует довольно плоские сентенции трагических хоров. Как источник пародии приводится стих Еврипида: „ ибо отроком

„Зовем и старца, если неразумен он“.

Ст. 1301. Лисистрат и Феофраст — часто служат жертвами насмешек Аристофана. Ликон, осмеянный Кратинном в комедии „Бутылка“, — позднее явился одним из обвинителей Сократа. Фриних, повидимому, актер.

Ст. 1308. Игра в „сравненья“, в шутливые уподобленья была одним из излюбленных развлечений на греческих пирушках и вместе с тем, одним из характернейших проявлений аттического остроумия. (См. „Введение“.)

Ст. 1313. О Сфенеле, трагическом поэте, городская сплетня рассказывала, что, в конец промотавшись, он был принужден продать свой театральный скарб. Комедия издевалась над ним:

„Как проглочу я болтовню Сфенелову, —
Заправив солью и с подливкой уксусной“.

Ст. 1330. Снова ритуальная игра с факелами.

Ст. 1342. Стих, как будто указывающий на наличие в греческом театре возвышенья перед задней декорацией.

Ст. 1359. Шутливое превращенье традиционного комедийного мотива: жалоба отца на скупость сына вместо обычного обратного порядка.

Ст. 1372. Материализованное сравненье: „женщина — факел“.

Ст. 1381 сл. Обращенье мотива басенок и анекдотов против самого Мстиклеона. Каламбурный круг таким образом замкнут.

Ст. 1396. Намек на реплику Мстиклеона в ст. 1258.

Ст. 1404. Известной басне Эсопа о лающей собаке придан здесь неожиданный конец.

Ст. 1408. О Хэрефонте, прозванном „нетопырем“. См. также „Птицы“ ст. 1297 и „Облака“, ст. 104.) Ино—героиня одноименной трагедии Еврипида.

Ст. 1410. Лас и Симонид — старинные греческие лирические поэты.

Ст. 1427. Начало одной из „сибаритских“ басен. Старик точно, хотя и невпопад, исполняет указанья сына, в ст. 1258.

Ст. 1432. Питтал — известный во времена Аристофана городской врач. См. о нем „Ахарняне“, ст. 1032, 1222.

Ст. 1449. Известная в древности басня об Эсопе в Дельфах. Продолжение сказочки о жуке узнаем из комедии „Мир“:

..... „Ведь сказано, что жук один
„Сумел взлететь к престолу небожителей“.

Ст. (1277). Арифрад, друг Аристофана. Все трое сыновей его были причастны к искусству. О первых двух, кифаристе и актере, Аристофан не раз отзывается с уважением. Третий, блудный сын, Арифрад младший, осыпается во „Всадниках“ ст. 1228 такими же насмешками, как и в „Осах“.

Ст. 1479. Феспид — один из древнейших греческих трагических поэтов VI века.

Ст. 1501. Каркин дословно „рак“ — довольно известный трагический поэт. Из четырех сыновей его один был поэтом, другие — актерами. См. о нем „Облака“, ст. 1265.

Перевод сделан по изданию W. I. M. Starkie. London 1897.
Комедия „Осы“ была переведена Корниловым. (Уч. Записки Каз. Университета 1900, № 10.)

КОМПОЗИЦИЯ КОМЕДИИ „ПТИЦЫ“.

Пролог. Ст. 1 — 267.	Ямбические триметры и лирическая система.	Пифетер, Эвельпид, Удод.
Чета I. Ст. 268 — 399. Парод.	Ст. 268 — 326. Хореиче- ские тетраметры. Ода. 327 — 334. Хореиче- ская система. Эпиррема. 335—342. Хоре- ические тетраметры. Антода. 343 — 350. Хоре- ическая система. Антэпиррема. 351 — 399. Хореические тетра- метры.	Эвельпид, Предводитель птиц, Удод, Пифетер. 1-ое полухорие. Пифетер, Эвельпид. 2-ое полухорие. Эвельпид, Пифетер, Предводитель птиц.
Чета II. Ст. 400 — 675. Агон.	Ст. 400 — 450. Вводная сцена. Ямбические три- метры. Ода. Ст. 451 — 459. Эпи- триты. Эпиррема. Ст. 460 — 538. Анапестические три- метры. Антода. Ст. 539 — 547. Эпитриты. Антэпиррема. Ст. 548 — 638. Анапестические те- траметры. Переходная сцена. 639 — 675. Ямбические три- метры.	Удод, Предводитель птиц, Пифетер. 1-ое полухорие. Пифетер, Эвельпид, Удод. 2-ое полухорие. Пифетер, Эвельпид, Удод. Пифетер, Эвельпид, Удод.

Чета III.
Ст. 676 — 800.
Большая пара-
база.

Анапесты. 676 — 735. Ана-
пестические тетраметры.
Ода. 736 — 751. Дактили-
ческая система.
Эпиррема. 752 — 768. Хо-
реические тетраметры.
Антода. 769 — 784. Дакти-
лическая система.
Антэпиррема. 785 — 800.
Хореические тетра-
метры.

Предводитель птиц.
1-ое полухорие.
Предводитель 1-го
полухория.
2-ое полухорие.
Предводитель 2-го
полухория.

Чета IV.
Ст. 801 — 1057.
„Жертвоприноше-
ние“.

Вводная эпиррема. 801 —
850. Ямбические три-
метры.
Ода. 851 — 858. Ямбо-хо-
реическая система.
Эпиррема. 859 — 894. Ям-
бические триметры.
Антода. 895 — 902. Ямбо-
хореическая система.
Антэпиррема. 903 — 1057.
Ямбические триметры.

Пифетер, Эвельпид.
1-ое полухорие.
Пифетер. Жрец.
2-ое полухорие.
Пифетер. Гости
с земли.

Чета V.
Ст. 1058 — 1117.
Малая парабаза.

Ода. 1058 — 1071. Спон-
деическая система.
Эпиррема. 1072 — 1087.
Хореические тетра-
метры.
Антода. 1088 — 1101. Спон-
деическая система.
Антэпиррема. 1102 — 1117.
Хореические тетра-
метры.

1-ое полухорие.
Предводитель 1-го
полухория.
2-ое полухорие.
Предводитель 2-го
полухория.

Чета VI.
Ст. 1118 — 1268.

Эпиррема. 1118 — 1187.
Ямбические триметры.
Ода. 1188 — 1198. Дох-
мии.
Антэпиррема. 1199 — 1261.
Ямбические триметры.
Антода. 1262 — 1268. Дох-
мии.

Пифетер, Вестник.
1-ое полухорие.
Пифетер, Ирида.
2-ое полухорие.

Чета VII.
Ст. 1269 — 1468.

Эпиррема. 1269 — 1312. Пифетер, Глашатай.
Ямбические триметры.
Ода и антода. 1313 — 1334. Пифетер. Хор.
Лирическая система.
Антэпиррема. 1335 — 1468. Пифетер. Гости
Ямбические триметры. с земли.

Чета VIII.
Ст. 1469 — 1705.
„Пирушка“.

Ода и антода I. 1469 — 1493. Лирическая система. 1-е и 2-е полухория.
Эпиррема. 1494 — 1552. Пифетер, Прометей.
Ямбические триметры.
Ода II. 1553 — 1564. Хореическая система. 1-ое полухорие.
Антэпиррема. 1565 — 1693. Пифетер, боги.
Ямбические триметры.
Антода II. 1694 — 1705. 2-ое полухорие.
Хореическая система.

Эксод.
Ст. 1706 — 1765.

Ямбические триметры. Пифетер. Хор.
Лирические системы.

ПРИМЕЧАНИЯ К КОМЕДИИ „ПТИЦЫ“.

Ст. 11. Эксекестид — современный Аристофану кифаред, был одним из многих, которым сплетня приписывала желанье скрыть свое, якобы, иноземное происхождение и „втереться в граждане“. Об этом же Эксекестиде дальше ст. 764 и ст. 1527.

Ст. 14. Филократ — торговец птицами (ср. ст. 1077).

Ст. 31. Сак — название одного из скифских племен. В Афинах именем этим дразнили настоящих или мнимых иноземцев, подобных упомянутому выше Эксекестиду. Здесь так назван некто Акестор, трагический поэт. Стало-быть, как и в ст. 11, шутка направлена против человека из сценического мира. О нем же писал комический поэт Каллий: „Сак, ненавистный хорам всем“.

Ст. 43. Утварь, ритуальная для переселенцев: „Корзина с пряжей, горшок с огоньком, взятым с родины, миртовая ветка — символ домашнего очага“.

Ст. 62. Обычный комический прием взаимного испуга и непонимания.

Ст. 70. „Служками“ называли петухов, побитых в бою, на состязаниях.

Ст. 92. Приказ: „Раздвиньте чашу“ пародирует обычное трагическое приглашение „откройте дверь“.

Ст. 101. Софокл вывел Терея в трагедии того же названия. Вся эта шутка и дальше до ст. 107 — обычная у Аристофана комическая мотивировка недостатков и условностей сценического костюма удода.

Ст. 125. Подобные, мгновенно рождающиеся подозрения, вероятно, были очень в ходу в беспокойное время Пелопоннесской войны. „Аристократ“ (здесь — имя собственное) — видный полководец и государственный деятель консервативной партии, казненный несколько лет спустя, после поражения афинского флота при Аргинузах.

Ст. 145. „Пурпуровое“, „Красное море“ — нынешний Индийский океан. Здесь имя это употреблено скорее в смысле „блаженной страны“ вообще.

Ст. 148. „Саламиния“ — один из двух кораблей, служивших в Афинах для государственных посольств и подобных надобностей. Незадолго до постановки „Птиц“ Саламиния была отправлена за полководцем Алкивиадом с приказом ему вернуться и предстать пред афинским судом. На этот случай и намекает здесь Пифетер. Вот почему он не желает селиться у моря.

Ст. 150. „Дорида“ и „Локрида“ — местности в средней Греции. Здесь упомянуты ради игры слов.

Ст. 168. Телей и Феоген — современные Аристофану политические деятели. Легкомысленного хвастуна Феогена молва назвала „дымом“ (см. ст. 822 и 1127 и „Осы“ ст. 1183). О Телее комический поэт Платон говорил: „одно в уме, на языке обратное“.

Ст. 175. Эта акробатическая шутка — одна из излюбленных у Аристофана. Встречается она и во „Всадниках“ и в „Облаках“.

Ст. 182. Слово „свод“ должно звучать для слушателей, как новое, необычное, ученое. Вот почему Пифетер находит нужным объяснить его через ряд каламбуров.

Ст. 186. Остров Мелос за год до постановки „Птиц“ пал жертвой беспощадной колониальной политики Афин. После голодной осады (это и есть ставший впоследствии нарицательным „мелийский голод“) остров был взят, мужчины перебиты, женщины и дети проданы в рабство.

Ст. 188. Пифо-Дельфы, знаменитый культовый центр Греции, святилище бога Аполлона. По пути туда афинские богомольцы должны были миновать враждебно настроенную Бэотию. В годы Пелопоннесской войны такое паломничество было вдвойне затруднительно.

Ст. 203. Итий — сын мифических Терей и Прокны (см. стр. 184).

Ст. 224. Под условной мотивировкой „пенья соловья“ вводится обычный в комедии дивертисментный номер — игра на флейте.

Ст. 227. Эта призывная песня Удада знаменита в греческой поэзии богатством звукоподражаний и разнообразием ритмов. Разные породы птиц характеризуются различными размерами стиха, по той или другой причине им отвечающими.

Ст. 275. Первые четыре птицы из двадцати четырех показаны отдельно и поодиночке вероятно для того, чтобы обратить внимание зрителей на их причудливый и сложный наряд.

Ст. 281. Снова литературная шутка. Кроме Софокловой трагедии „Терей“ существовала трагедия того же названья, принадлежавшая Филоклу, племяннику великого Эсхила. (См. о Филокле и в „Осах“ ст. 462). Этот „удод“ приходится „внуком“ Софокловскому, подобно тому, как в аристократическом афинском роду Каллиев-Гиппоников внук каждый раз наследовал имя деда. Дальше основное острие шутки служит поводом к ряду злободневных намеков и комических нелепостей.

Ст. 289. Клеоним, деятель демократической партии, — постоянная и излюбленная мишень аристофановских насмешек. Он — трус, постоянно роняющий щит (а здесь — птичий гребень), обжора и толстяк. Блестательную его характеристику см. дальше в сатирической песенке 1470 сл.

Ст. 300. Снова личный выпад. Споргил — известный в Афинах цырульник. Об его цырульне, очевидно широко популярной, Платон-комик говорил: „Презренной всех домов цырульня Споргила“.

Ст. 302. Сова — птица, посвященная богине Афин; ее изображение чеканилось на афинских монетах. Отсюда старая поговорка: „Возить сов в Афины“, в смысле делать излишнее дело.

Ст. 358. „Горшок“ — такая же местная особенность славившихся гончарным производством Афин, как и „сова“. Вот почему по логике комедии: „чтит горшечников сова“.

Ст. 385. Сцена, когда актеры расхаживают с вертелом, как с копьем, а куча горшков изображает военный лагерь, является характерным примером по-арристофановски-комического использования бутафории в метафорическом, переносном смысле.

Ст. 394. Сложная шутка. Героям комедии угрожает гибель на обломках горшков. Но „горшечный ряд“, „Керамик“ — одновременно название кладбища в предместьях Афин, где происходили торжественные государственные похороны погибших на войне. Пифетеру предстоит бой с „птицами“, но „птичьим“ городом, „Орнеями“ называлась также крепостца в Арголиде, взятая афинским отрядом за год до постановки комедии. Отсюда вереница каламбуров.

Ст. 441. Обычное у Аристофана использование народной, приписываемой Эсопу басенки-анекдота. Подробности этой басни о мартышке и женщине неизвестны. Но интересен самый прием введения в комедию фольклорного, басенного материала.

Ст. 444. Часто встречающееся у Аристофана нарушение сценической иллюзии. В текст комедии вводится пожеланье успеха спектаклю у зрителей и судей, распоряжающихся раздачей наград на представленьи.

Ст. 448. Пародия на словарь и тон официального военного приказа.

Ст. 471. Приписываемое Эсопу собрание басен было очень популярно в Греции. Аристофан охотно и часто пользуется мотивами из басен. (См. „Осы“, ст. 1447.) Таково же происхождение и этой басни о „жаворонке, хоронящем отца“.

Ст. 483. Дарий — имя нескольких персидских царей. Мегабаз — имя многих сатрапов. Оба имени употреблены здесь, как нарицательные. Петуха греки иногда называли „индийской“ или „персидской“ птицей.

Ст. 495. Алимунт — сельце в окрестностях Афин, у побережья. Частые упоминания Аристофаном ночных разбоев и налетов доказывает, что дороги и улицы в Афинах были далеко небезопасны в это беспокойное военное время.

Ст. 501. У афинских земледельцев был обычай, вероятно — пережиток фетишистской поры, при встрече с ястребом, припадать к земле. Мелкие деньги жители юга и поныне охотно носят во рту, за щекой. (См. об. этом же „Осы“, ст. 609.)

Ст. 507. Пародия на старинную поговорку-примету.

Ст. 512. Стих этот — ценное указание по вопросу о костюме в древнейшем греческом театре. Жезлы, украшенные бутафорским изображением орла, были принадлежностью костюма „царей“ и „тиранов“.

Ст. 514. Лисикрат — современный Аристофану полководец. Комедия часто обвиняет его во взяточничестве.

Ст. 521. Лампон — очень известный во времена Аристофана жрец и прорицатель, игравший не малую роль в политической жизни Афин, друг Перикла и прочих деятелей демократической партии. Аристофан и другие комические поэты охотно издевались над ним, обзывая шарлатаном, лгуном и обжорой. Благочестивая замена клятвы схожими по созвучию словами — старый обычай. Про Сократа рассказывали, что он любил клясться „псом“.

Ст. 555. Опять-таки обычное в комедии двусмысленное толкование героических мифов греческой аристократии. Алкмена, Семела, Алопа — мифические матери греческих героев — родоначальников царских поколений. Первоначально значение этих мифов было чисто генеалогическое. Лишь в позднейшие времена к ним стали применять мерки изменившихся бытовых и моральных требований — тогда и создан двусмысленный образ „Зевса-многоженца“.

Ст. 566 сл. Сочетая здесь богов и птиц, Аристофан исходит, повидимому, не из общераспространенных представлений, а из соображений каламбура и комического сравнения. Геракл — обжора, поэтому его патрон — педикан. Бог влаги Посидон — сродни утке, а Зевс по признаку контрастности соединен с крохотной синичкой.

Ст. 570. Обычный у Аристофана прием повторенья — подчеркиванья удачной шутки для невнимательных зрителей.

Ст. 580. Снова намек на Афинские обстоятельства. Предполагается, что в случае голода богиня земли Деметра наладит такую же раздачу хлеба, которая производилась иногда в Афинах по отношению к городской бедноте.

Ст. 585. Комическое перенесение человеческих обычаев на богов. Аполлон приравнивается к афинскому софисту, врачу-профессионалу.

Ст. 605. Доводы Пифетера все время сводятся к обиходным пословицам и поговоркам. Это не случайно: пословицы входят, как очень существенная часть, в словесную ткань Аристофановских комедий.

Ст. 620. Дельфы — знаменитое прорицалище Аполлона. В нагорной северной Додоне был древний оракул Зевса.

Ст. 639. Никий — знаменитый афинский полководец. Комедия часто издевается над его медлительностью и нерешительностью. В год постановки „Птиц“ он стоял в центре внимания афинян, как командующий в роковой сицилийской экспедиции.

Ст. 651. Опять в диалог комедии вплетается басня.

Ст. 670. Выход соловушки-флейтистки имеет подчеркнутый дивертисментный характер, внося в спектакль элемент сольной музыки, а, вероятно, и пляски. На лице у флейтистки маска — „птицы“. Эвельпид, повидимому, срывает ее.

Ст. 692. Продик, современный Аристофану ученый (софист) рационалистического направления. Аристофан относился к нему, как и к большинству представителей софистики, враждебно, что не помешало ему, впрочем, в „Облаках“ (ст. 361) воздать ему должное: „Мудрость его нас пленяет и гордые мысли“. В одном из своих сочинений Продик, повидимому, излагал свои взгляды на образование мира. Им и подобным теориям „Птицы“ противопоставляют здесь свою „птичью“ космогонию, откровенно пародийного характера. Великие, хотя и очень туманные, образы греческой религиозной философии, изначальный Хаос, Эреб-мрак, всерождающая Ночь, Тартар-бездна. Эрот — мировая любовь, лежащая в основе творения, все это задорно сплетено здесь с птичьим бытом и обычаем.

Ст. 709. В отличие от „космогонии“, явно выдуманной Аристофаном, следующие далее приметы времен года, отлет журавлей, появление ястреба и ласточки вероятнее всего опираются на общераспространенные представления и приметы афинских земледельцев.

Ст. 719. Среди греческих народных примет, гаданье по полету птиц имело преобладающее значение. Слово „птица“ — „ognis“ распространилось поэтому и на соседние виды гаданий, гаданье по подслушанному крику и слову, по встрече, по чоху.

Ст. 712. Именем Ореста, легендарного безумца-странника, сына Агамемнона, в Афинах звали ночных бродяг и грабителей (см. дальше, ст. 1491).

Ст. 723 сл. Речитатив этот (пнигос), как и последующая эфирема и антэфирема посвящены самовосхвалениям хора. Точно так же „Осы“ и „Облака“ в соответствующих комедиях прославляют свою мощь.

Ст. 745. Пан и Горная Матерь — божества природы, оба восточного происхождения.

Ст. 750. Фриних — один из древнейших трагических поэтов, на ряду с Эсхилом — отец греческой трагедии, он охотно и всегда с особенным уваженьем упоминается Аристофаном. (Ср. „Осы“, ст. 220, и „Облака“.)

Ст. 759. Представление об особенной драчливости птиц, упоминаемой Аристофаном и здесь, и в „Облаках“, и вообще часто, вызвано вероятно птичьими боями, поединками петухов, дроздов и т. д., охотно устраивавшимися в Греции. Далее следует основной в „Птицах“ прием сатирического перенесения птичьих обычаев на человечьи и наоборот. Спинфар, современный трагический поэт, подобно Эксекестиду родом чужеземец, „Сыночек Пасия“ — кифаред Мелет. Все это, следовательно, также люди из сценического круга. Против них и против политических деятелей чаще всего направляются насмешки Аристофана.

Ст. 774. Эбр — нынешняя Марица, река во Фракии, мифическая родина певца Орфея.

Ст. 785. Вся антэпиррема представляет большую ценность для характеристики бытового уклада афинских театральных представлений. Из нее можно, как кажется, сделать выводы о том, что: 1) по крайней мере, на одном из празднеств трагические представления непосредственно предшествовали комедийным, начиная собою день, 2) во время действия было не в обычае сходить с места, 3) женщины, как правило, не ходили в театр и 4) для чиновных лиц в театре были отведены особые должностные места.

Ст. 790. Патроклид, повидимому, политический деятель. Чем заслужил он внимание Аристофана, — неизвестно.

Ст. 797. Диитреф — человек из народа, ремесленник, возвысившийся в годы войны до звания начальника афинской конницы. Подобные выходцы из демократии, среди них первый — кожевник Клеон — часто служили мишенью для насмешек комедии.

Ст. 804. Эвельпид и Пифетер обмениваются шуточными сравнениями. Это — характернейший для бытового аттического остроумия прием, чрезвычайно существенный и в общем построении комедии.

Ст. 808. Соответствующие стихи из потерянной трегедии Эсхила были почерпнуты из эсоповской басни (снова басня!). Они таковы:

„Орел, стрелой из лука на смерть раненый,
сказал, глядя на острие пернатое,
ах, не чужими, а своими ж перьями
убит я. . .“

Ст. 815. Аристофан не упускает случая, чтоб пустить комическую стрелу во враждебный Лакедемон. В подлиннике — родственная игра слов.

Ст. 822. О Феогене—„дыме“ см. ст. 168, 1127. Эсхин — государственный деятель враждебной Аристофану группировки. В „Осах“ говорится об его „ядовитой болтовне“. Здесь он, как и Феоген, обвиняется в бахвальстве, в хвастаньи мнимыми богатствами.

Ст. 827. Клисфен — современник Аристофана, постоянно обвиняемый им в женоподобии, трусости, лени. (См. „Облака“, ст. 356.)

Ст. 834. Как и часто у Аристофана, здесь дается краткое содержание последующей части комедии.

Ст. 855. Устроитель праздника — хорэг, по обычаю должен был угостить актеров и хор, „заклать для них козленка“. Насмешки над скупостью хорэгов и комические пожеланья им всяких бед постоянно встречаются в комедии Аристофана, смело нарушая сценическую иллюзию. В „Птицах“ этот мотив проходит очень далеко. Несколько далее ст. 892 снова жалоба на чрезмерную худощавость предложенного хорэгом козленка. Жалоба эта повторяется в ст. 900, пока, наконец, в ст. 1057 злополучное животное не уносят со сцены.

Ст. 869. В комедию вводится здесь пародия на жреческую культовую речь, разумеется соответственно произносимая. В птичьем пантеоне ястреб заменяет Посидона, храм которого стоял на мысе Сунии. С лебедем связываются два основных культовых центра Аполлона, Пифо-Дельфы и Делос. Летоя, божественная мать Аполлона и Артемиды, становится матерью дроздов, восточная „Великая мать“ — воробьиной.

Ст. 876. Клеокрит, почему то, может-быть, за крошечный рост, названный здесь сыном воробьиной, повидимому, — актер.

Ст. 879. Установленное в Афинах официальное славословие призывало благословение богов на афинян и союзников их, хиосцев. Присоединение последних в птичьем молебствии совершенно неожиданно, что и подчеркивается, по обычаю Аристофана, соответственной репликой Пифетера.

Ст. 909. Ссылки на Гомера, вероятно, были достаточно назойливы в устах учителей рапсодической поэзии.

Ст. 919. Песни для девичьих хоров, — так назыв. „парфении“, были важной отраслью хоровой лирики. Симонид, живший в начале V века, был одним из величайших греческих лириков. (О насмешках молодежи над этим, якобы устаревшим, поэтом см. „Облака“, ст. 1356 сл.).

Ст. 926. Песня эта — пародия на несохраненную нам оду Пиндара, которая была посвящена сицилийскому тирану Иерону, построившему у подножия знаменитого вулкана город Этну.

Ст. 941. Продолжение той же пародии.

Ст. 962. Мифическому Бакиду в Афинах приписывались наиболее популярные гадания и пророчества. Пародия в „Птицах“ составлена

из ряда распространенных гаданий, включительно до известнейшего из них, уподоблявшего Афины „орлу, воспарившему в небе“. Комическим лейт-мотивом всей этой сцены (ср. ст. 909 в сцене предыдущей) служит фраза прорицателя, „посмотри, прочти“. По обычаю народной шутки, фраза эта оборачивается, в конце концов, против самого же прорицателя.

Ст. 988. О Лампоне см. ст. 521. Диопиф — влиятельный жрец часто обвиняется комедией во мздоимстве, шарлатанстве и хвастовстве.

Ст. 998. Метон — одна из популярнейших фигур Афин эпохи Аристофана. Это был смелый ученый, инженер, сыгравший большую роль в городском строительстве, расцветшем в те годы, создатель ряда афинских колоний. Эта то популярность, вероятно, и является причиной того, что, в параллель с Сократом в „Облаках“, Аристофан вывел Метона в „Птицах“ в качестве театральной маски „шарлатана“-„хвастуна“.

Ст. 1009. Фалет — старинный ионийский философ, позднее имя его стало нарицательным для „мудреца“.

Ст. 1021. Прибыв в птичью страну, рассматриваемую им, как колония или союзный город, надсмотрщик, прежде всего, ищет афинского представителя, т.-е. (по обычаю древних) местного жителя, „проксена“, взявшего на себя охрану афинских интересов.

Ст. 1028. Фарнак — сатрап персидских владений на западном побережье Малой Азии. Он играл большую роль в междугреческой Пелопоннесской войне. Привлечь его на сторону Афин было постоянным стремлением и постоянным хвастливым обещанием афинских политиков.

Ст. 1071. Опять забавное перенесение афинских нравов на обычаи птичьей. Подобно тому, как в Афинах была объявлена награда за голову „безбожника“ Диагора Мелийского (см. „Облака“, ст. 830), точно так же и птицы приговаривают к смерти торговца Филократа (см. ст. 14). Возможно, однако, что за смешной видимостью здесь таится выпад против религиозных гонений, особенно усилившихся в то время в Афинах в связи с процессом т. н. „гермокопидов“.

Ст. 1102. Просьба о награде, обращенная к зрителям, традиционна в комедиях Аристофана. Обычно она сопровождается обещанием благ или угрозами, вытекающими из природы и свойств хора данной комедии. (Ср. соответствующее место в „Облаках“.)

Ст. 1103. Общеизвестный легендарный суд Париса. Состязавшиеся богини Гера, Афина и Афродита обещали судье Парису богатые награды за предпочтение.

Ст. 1108. Изображение совы — символ города, чеканилось на афинских монетах. Изготавливались они из серебра, добываемого в лаврийских рудниках, на восточной оконечности Аттики.

Ст. 1127. О Феогене (см. ст. 168, 822). Проксенид (см. „Осы“, ст. 325) — комедией относится к той же компании бахвалов, т. н.

„пузырей“. Эти воздушные возницы, правящие игрушечным конем, вполне подходят к фантастической стене Тучекукуйщины.

Ст. 1137. По греческому народному поверью, журавли перед заморским перелетом глотали камешки, чтобы лучше бороться с ветром.

Ст. 1203. Материализованное сравнение: „женщина уподоблена кораблю“. Ирида — „радуга“, сказочная вестница богов.

Ст. 1240. Язык Ириды повышается здесь до пародии на трагедию.

Ст. 1290 сл. Следует целый ворох остроумий, вероятно соответствующих действительным кличкам перечисленных здесь афинян. Подробности о большинстве из них неизвестны.

Ст. 1305. Снова предварительное изложение последующего развития действия.

Ст. 1360. Снова материализация сравнения. Блудный сын уподоблен молодому петушку; ему вручается поэтому боевой наряд петуха, — оказывающийся здесь вооружением афинского воина.

Ст. 1377. Кинесий, служащий здесь маской для „шарлатана-поэта“, — известный лирический поэт того времени — представитель новой школы в поэзии, постоянно упрекаемой Аристофаном в темноте и туманности. Подобные же насмешки в „Облаках“ (ст. 333) и „Мире“, где летящий в воздухе герой комедии Тригей встречается в тучах с блуждающими душами дифирамбических поэтов. Реплики Кинесия, как кажется, насквозь пародийны.

Ст. 1408. Политический доносчик, „сикофант“, был довольно распространенной фигурой, как в быту тогдашних Афин, так в современной ему комедии. Частые экономические и социальные перевороты конца V века способствовали появлению сикофантов. В комедии им приписывались „бесстыдство“, „жадность“, „изворотливость“.

Ст. 1421. По разъяснениям древних толкователей в Пеллене происходили состязания, наградой за которые полагался плащ. Таков ли смысл этого темного места, сказать трудно.

Ст. 1453. В комических выражениях здесь вскрывается одна из самых темных сторон афинской политики, пользовавшейся видимостью законности для конфискации земель и имущества подвластных городов.

Ст. 1475. Эта песенка — один из прекраснейших образцов комической притчи, развитого комического сравнения. Трус Клеоним (ср. ст. 289) уподоблен дереву, расцветающему от доносов и роняющему не листья, а щиты.

Ст. 1480. В пародийно-приподнятых выражениях описываются пустыри в предместьях Афин, с их божествами — ночными бродягами.

Ст. 1508. Зонтик, раскрываемый над Прометеем, чтобы скрыть его от взоров богов, — опять-таки чисто аристофановский прием исполь-

зования сценической бутафории не в прямом, а в комически переносном, метафорическом смысле.

Ст. 1519. Быт богов, в трактовке комедии, разумеется, во всем совпадает с афинским. Как и в Афинах, осада богов вызвала голод, а голод привел к вооруженным распрям, при чем в качестве оппозиции выдвинулись „новые люди“. Этими „новыми людьми“ на Олимпе оказались всякие иноземные „боги“, введенные в пантеон в годы Пелопоннесской войны в связи с принятием Афинами культов различных восточных и северных племен.

Ст. 1528. Трибаллы — одно из таких племен. Это — обитатели северных Балкан. Имя это служит здесь главным образом для каламбуров, лишь частично переданных в переводе.

Ст. 1546. По известному преданию, Прометей передал людям огонь.

Ст. 1549. Тимон — современник Аристофана. Имя его получило впоследствии большую популярность, став нарицательным для типа человеконенавистника. (Ср. известную трагедию Шекспира.) Называя Прометея новым Тимоном, Пифетер остается верным духу комедии, рассматривающей все явления с точки зрения сегодняшнего дня. То же и в конце эпизода, где Прометей уподобляется афинской девушке, несущей корзины на празднике.

Ст. 1558. Аристофан здесь лишь развивает свою характеристику Сократа, как шарлатана и фокусника, данную в „Облаках“. Описание колдования Сократа явно пересмеивает знаменитую сцену заклинания мертвых в „Одиссее“. Жертвой Сократа является Писандр, политический деятель, сперва демократ, затем олигарх. Комедия обвиняла его в трусости, и поэт Платон посвятил ему специальную комедию. Хэрефонт, прозванный „летучей мышью“ — осмеянный также в „Облаках“, ученик Сократа.

Ст. 1585. Птичьи обычаи и здесь — лишь отражение афинских порядков.

Ст. 1594. Гага — алкиона — морская птица. Зимние месяцы, когда она вила гнездо, считались в Греции порой затишья и покоя, „днями гагачьими“.

Ст. 1615. Трибалл вносит в комедию тарабарщину — прием, также часто встречающийся у Аристофана, охотно обогащающего свой сценический язык „заумью“ („Ахарняне“ „Фесмофоризасы“).

Ст. 1635. Комическое пародированье мотива сказочной Троянской войны, „ведшейся из-за одной женщины“ (Елены).

Ст. 1645. И здесь, по обычаю комедии, афинские семейные обычаи и законы перенесены на мифические взаимоотношения богов. По афинским законам дочь получает права наследства лишь при отсутствии в семье законнорожденных сыновей. Так как Паллада в Афи-

нах—бесспорная наследница Зевсовой власти, то очевидно, что Геракл, брат ее, незаконнорожденный.

Ст. 1669. По тем же афинским обычаям законными почитались лишь дети, официально перед общиной признанные „записанные“ отцами.

Ст. 1690. К концу сцены маска Геракла „обжоры“, „сластолюбца“ раскрывается с полной откровенностью.

Ст. 1694. Песенка — притча. Имеется в виду „племя“ присяжных судей, ораторов и „доносчиков“ — сикофантов, проводящих жизнь около судейских „водяных“ часов. Горгий — знаменитый оратор и учитель красноречия, за несколько лет до постановки комедии гостивший в Афинах. Филипп, как кажется, его ученик. О том и другом см. также „Осы“, ст. 421.

Ст. 1705. Двусмысленность. Вырезывать языки у животных, приносимых в жертву, было в Афинах ритуальным обычаем.

Ст. 1706. Речь вестника, как и обычно у Аристофана, пародирует напыщенный стиль вестнических монологов в трагедиях.

Ст. 1735. Подражание народно-греческим свадебным песням.

Перевод сделан по изданию I. van Leeuwen. Lugduni Batavorum. 1902.

Комедия „Птицы“ была переведена Скворцовым. Варшава 1874 г.

Переводы других комедий Аристофана:

„Ахарняне“: 1) пер. Адр. Пиотровского. Изд. „Petropolis“, 1923 г. 2) Георгиевского (Журн. Мин. Нар. Просв., 1885).

„Всадники“: 1) пер. Адр. Пиотровского. Изд. Сабашниковых 1923 г. 2) Станкевича, 1902.

„Лисистрата“ — пер. Адр. Пиотровского. Изд. Сабашниковых 1923 г.

„Фесмофориазусы“: 1) пер. П. Никитина. 1916 и 2) М. Корнилова. Казань.

„Лягушки“: 1) пер. Нейлисова. 1887 и 2) Чуйко. 1882 г.

„Богатство“ — пер. Холмского 1923 г.

Все три перевода, печатаемые в этой книге, были прочтены в качестве докладов в Секции Древнего Мира Исследовательского Института при Ленинградском Университете. Товарищам, членам Секции, в первую очередь Б. Л. Богаевскому, Б. В. Казанскому, А. И. Маленну, И. И. Толстому обязан переводчик указаниями и советами.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Театр Аристофана	3
„Облака“ — Комедия идей.	33
„ ” текст	40
„Осы“ — Комедия - шутка.	107
„ ” текст	113
„Птицы“ — Комедия - сказка	183
„ ” текст	191
Комментарии.	
Композиция комедии „Облака“	265
Примечания к комедии „Облака“	268
Композиция комедии „Осы“	278
Примечания к комедии „Осы“	280
Композиция комедии „Птицы“	289
Примечания к комедии „Птицы“	292

M
2

M
78

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Клейст, Г. — Собрание сочинений. Т. I. Перевод В. Пастернака и А. Н. Оношкови-
Яцны. Ред. Н. С. Гумилева и В. А. Зоргенфрея. Вступит. статья В. А. Зорген-
фрея. 258 стр. Ц. 80 к.
- Клейст, Г. — Собрание сочинений. Т. II. Перевод Федсра Сологуба и А. Н. Чебота-
ревской. 349 стр. Ц. 1 р.
- Костер, Ш. де-. — Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке. Ч. I. Перевод с примеч.
и вступит. статьей А. Г. Горнфельда. 292 стр. Ц. 60 к.
- Костер, Ш. де-. — Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке. Ч. II. Перевод с примеч.
и вступит. статьей А. Г. Горнфельда. 280 стр. Ц. 60 к.
- Кэйрош, Эса де-. — Реликвия. Перевод А. Брюсова. Предисл. и примеч. Г. Лозинского.
221 стр. Ц. 55 к.
- Лесаж, А. — Хромой бес. Тюркаре. Со вступит. статьей и примеч. Ф. Д. Батюшкова
и В. П. Острогорского. 346 стр. Ц. 50 к.
- Ляо-Чжай. — Лисьи чары. Из сборника странных рассказов Пу Сунлина (Ляо-Чжай-
Чжи, И.). (1622—1715). Перевод и предисл. В. М. Алексеева. 158 стр. Ц. 30 к.
- Мейер, К. — Новеллы. Перевод Е. Э. Бертельс, Л. П. Карсавина, П. О. Морозова,
А. Н. и Ю. Л. Римских-Корсаковых. Вступит. статья А. Г. Горнфельда. 343 стр.
Ц. 90 к.
- Мейринк, К. — Глем. Роман. Перевод и предисл. Д. И. Выгодского. Ред. А. Л. Волын-
ского. 277 стр. Ц. 70 к.
- Меримэ, П. — Театр Клары Газуль — испанской комедиантки. Перевод, В. Ходасевич.
251 стр. Ц. 90 к.
- Монголо-ойратский героический эпос. Перевод, вступит. статья и примеч. Б. Я. Вла-
димирцова. 254 стр. Ц. 1 р. 40 к.
- Новалис. — Генрих фон-Офтердинген. 173 стр. Ц. 30 к.
- По, Э. — Полное собрание поэм и стихотворений. Перевод и предисл. В. Брюсова
с критико-биографическим комментарием. 128 стр. Ц. 1 р. 75 к.
- Сезаи, Сами паша-Задэ. — Сергюзешт. Кючюк Шейлер. Перевод и предисл. Е. Э. Бер-
тельса. 131 стр. Ц. 60 к.
- Стендаль (Анри Бейль). — Пармский монастырь. Ч. I. Перевод и предисл. П. К. Губера.
Под ред. М. Е. Левберг. 224 стр. Ц. 1 р.
- Стендаль (Анри Бейль). — Пармский монастырь. Ч. II. Перевод и предисл. П. К. Губера.
239 стр. Ц. 1 р.
- Тагор, Р. — Пьесы и стихотворения в прозе. Перевод В. В. Гиппиуса, Д. П. Носовича,
А. Оношковиц-Яцына. Ред. Ст. Вольского и К. Чуковского. 147 стр. Ц. 1 р. 25 к.
- Уитмэн, Уот. — Листья травы. Проза. Перевод и предисл. К. Чуковского. 260 стр.
Ц. 1 р.
- Усама ибн-Мункыз. — Книга назиданий. Перевод М. А. Салье. Ред., вступит. статья
и примеч. И. Ю. Крачковского. 205 стр. Ц. 55 к.
- Флобер, Г. — Саламбо. Перевод Н. Минского. Предисл. А. Левинсона. 329 стр. Ц. 40 к.
- Эдшмид, К. — Тимур. Перевод М. Елагиной. Ред. А. и Ю. Римских-Корсаковых.
165 стр. Ц. 75 к.

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата

3 руб. — р

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

РУССКИЕ И МИРОВЫЕ
КЛАССИКИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО и Н. К. ПИКСАНОВА

Отвечая назревшей потребности новой советской культуры, Госиздат стремится ввести в широкие читательские круги (начиная со школьника 2-й ступени и кончая рабочим) классиков поэзии в новом отборе и с новыми комментариями. В основу отбора положен принцип: при высокой художественности — богатая социальная содержательность. Серия дает, наряду с общеизвестными, и новые тексты (напр., статью Короленко: „Самодержавное бессилие“, новые тексты Льва Толстого, новый перевод „Прометей“ Эсхила, новый перевод „Фауста“ Гете и т. д.). На ряду с признанными великими писателями прошлого, в серию войдут и крупнейшие из современных авторов. В состав выпусков входят: вступительная статья редактора, комментарии к тексту, библиография, биографическая справка, выдержки из критических статей и проч.

РУССКАЯ СЕРИЯ

Андреев, Л. — Избран. рассказы. С вводным этюдом А. Луначарского. Ред., вступ. статья и прим. Н. Н. Фатова. Стр. 342. Ц. 1 р. 50 к.

Вересаев, В. В. — Избранные произведения. Ред., вступ. статья и примеч. В. Л. Львова-Рогачевского. Стр. 292. Ц. 1 р. 60 к.

Короленко, В. Г. — Избранные произведения. Вступ. статья А. Луначарского, Ред., введение и комментарии Н. К. Пиксанова. Стр. 322. Ц. 1 р. 40 к.

Лесков, Н. С. — Избранные рассказы. Ред. Л. П. Гроссмана. Стр. 242. Ц. 1 р. 10 к.

Салтыков-Щадрин, М. Е. — Сказки. Ред. Л. П. Гроссмана. Стр. 305. Ц. 1 р. 35 к.

Успенский, Г. И. — Избранные произведения. Ред. И. Н. Кубикова. Стр. 270. Ц. 1 р. 20 к.

Горький, М. — Под ред. Н. К. Пиксанова.

Решетников, Ф. — Под ред. Г. Лелевича.

Грибоедов, А. С. — Горе от ума. Под ред. Н. К. Пиксанова.

Чехов, А. П. — Под ред. В. Л. Львова-Рогачевского.

Некрасов, Н. А. — Кому на Руси... Под ред. И. Н. Кубикова.

Гоголь, Н. В. — Мертвые души. Под ред. Н. К. Пиксанова.

ИНОСТРАННАЯ СЕРИЯ

Верхарн, Э. — Под ред. В. М. Фриче.

Гейне, Г. — Под ред. П. С. Когана.

Гете, В. — Фауст. Перевод В. Я. Брюсова. Под ред. А. В. Луначарского.

Эсхил. Скованный Прометей и Освобожденный Прометей. Перевод С. М. Соловьева, с вступ. статьей А. В. Луначарского.

Гауптман, Г. — Ткачи. Под ред. А. В. Луначарского.

Беранже. — Под ред. Д. А. Горбова.

Байрон. — Под ред. акад. М. Н. Розанова.

Мопассан. — Под ред. Н. Д. Эйхенгольца.

Мольер. — Под ред. В. А. Филиппова.

Намечены дальнейшие выпуски, посвященные Пушкину, Лермонтову, Гаршину, Ибсену, Диккенсу, Бомарше и др.